

О Т Р А Ж Е Н И Е

2023

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА
авторов
РСР Алтáйского края

выпуск 02

Барнаул 2023

ББК 84 (2Рос-Алт) 6-4
УДК 929
В 57

В 57 Гуляев В. (составитель сборника)

Отражение 2023 выпуск 02: Поэзия и Проза членов
Российского союза писателей Алтайского отделения
/составитель: Владимир Гуляев – Барнаул, 2023 – 216 стр.
Обложка - фоторабота Туровой Олеси (г. Барнаул).

*Авторы сборника поэты и прозаики, по большей части
реалисты – равнодушные к происходящему в жизни и
литературе.*

*В основе рассказов и стихов лежат реальные события
современности, истории из недалёкого прошлого, личные
наблюдения и переживания.*

Тексты представлены лично авторами.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

УДК 929
ББК 84 (2Рос-Алт) 6-4

© Владимир Гуляев, текст, фото 2023

Проза

Татьяна Егоровна ПОПОВА-БОРИСОВА

Родилась в городе Камень-на-Оби.

Член Российского союза писателей.

Педагог. Окончила филологический факультет АГУ.

Финалист премии "Писатель года" 2015 года. Третье место в «Большом литературном конкурсе – 2017» в номинации «Проза, финалист премии «Золотое перо Алтая – 2020» в номинации «Поэзия». Печаталась в сборниках РСП «Проза», «Поэзия»,

«100 писателей», «Наследие», «Детская литература», «Георгиевская лента», «Регионы», «Алтай. Забайкалье», журнале «Алтай». Живёт в городе Камень-на-Оби.

ЛИЗУ ЖАЛЬ

Я оставил машину у старого моста и спустился к реке. Здесь, в рабочем посёлке, мы жили когда-то с матерью. Сейчас ничего и никого нет. Я смотрел на серую водную гладь и думал о том, что, в общем, жизнь удалась: мне тридцать пять, и я на коне. Вон он красуется на другой стороне разбитого моста. За сверкающим стеклом слабо обозначилось милое лицо Лизы.

Закат бился о камыши, серпантинил красными бликами мелководье, задымлял резвой тенью пучину. Лизу немного жаль. Она любит... это, конечно, хорошо. Хватило бы ей ума быть послушной, чтоб никаких больше детей. Скоро она оправится от шока, это всего лишь мини-аборт.

Сзади послышался треск сучьев и шлёпанье по скользким булыжникам будто бы босых ног. Я оглянулся. В тусклой захребетине откоса шевельнулись чьи-то разбитые колени. Выбравшиеся из тени на свет каменные руки провели ритуал

омовения влажным речным воздухом и неуклюже подняли с песка большую чашку с ещё парной бордово-чёрной гущей.

Скорее всего, неподалёку, в сердце заброшенного кирпичного завода, за сетчатой драпировкой молодого ельника и неокрепшего березняка, нашли пристанище местные голодранцы, которых подкармливали горячим сердобольные горожане. Этот сидел отдельно от всех на берегу, но и ему сотоварищи принесли положенную пайку тёплого борща.

Всё вместе: и полуразрушенный мост, и закат, и ужинающий запаршивленный пилигрим, - всколыхнули во мне ретивое, и я бросил к ногам бомжа несколько слипшихся бумажек.

– Зачем они мне... – едва шевельнул он размокшими в борще губами.

– Чтобы жить по-человечески, – содрогнулся я, как от сердечной боли.

Он кашлянул, но вместо «кхе» мне послышалось «ха», потом ясное: «Ну, и что ты тогда не живёшь по-человечески?», и я выбил сапогом у него из рук тарелку с борщом.

ПРОВИДЕНИЕ

Когда провидение хочет распутать следы настоящего, оно предлагает нам варианты прошлого.

Я столкнулась с этим недавно, стоя в очереди к кассе супермаркета. «Вы такая-то такая? – спросила меня черноволосая красавица. «Да, я такая-то». «А-а, значит, это из-за вас такой-то десять лет назад ушёл из семьи! – испытывающе осветили меня негодующим блеском карие глаза. «Как из-за меня? Мне об этом ничего неизвестно». Я медленно выходила из ступора, продолжая одновременно перебирать в памяти список недокупленных продуктов. «Вот! – тут же осудили меня глазищи. – А вы знаете, что он недавно умер?» «Нет, - испугалась я звуков, отсветов, теней и тихо выплыла через стеклянные двери на улицу, оставив корзину с продуктами на полу около скользящей очереди.

«Всё это было совсем не так!» – поперхнулась я бодрым весенним смерчем.

А было, по-моему, вот как.

Десять лет назад я преподавала в одном из профтехучилищ города. Он, о ком мне так лихо напомнила черноволосая судьбина, учился тогда на третьем, выпускном, курсе. Действительно, собирався жениться. Кажется, невеста была беременна.

В тот день я вела занятие как обычно: проверила выполнение домашнего задания, объяснила новый материал. Ребята начали выполнять самостоятельно задание на закрепление.

В кабинете было тихо. Я присела на стул, чтобы заполнить журнал. Вдруг с последней парты встал молодой человек и быстро пошёл к столу. По молниеносности передвижения я поняла, что причина, поднявшая и направившая его ко мне, была серьёзная. Я в замешательстве протянула к нему руки, как бы сдерживая напор, хотела даже выйти из-за стола, но он резким движением поднёс к моим глазам телефон и довольно громко произнёс:

– Читайте.

Я сосредоточила всё своё внимание на маленьком телефонном экране, в его синей полыхающей рамке чётко обозначилось: «Я люблю Вас, хоть и не знаю, за что».

– Прочитали? – спросил он с вызовом.

– Прочитала, - ответила я почти спокойно.

– И что теперь делать? – он убрал телефон и посмотрел на меня исподлобья.

– Ничего. Сядь за парту. Выполняй задание, – сказала я мягко, но твёрдо.

– Глупый момент нарисовался, да?

Ребята встрепенулись:

– А чо там было?

– Чо он написал?

– Надо-то было ему чего? – неслоь отовсюду, пока он шёл на своё место.

– Это вас не касается. Продолжайте выполнять задание.

После звонка он ушел из кабинета первым. Тетрадь на проверку не сдал.

Да, к тому времени я уже проработала в училище пять лет. Я была умна, молода, привлекательна. Предполагала, конечно, что кому-то нравлюсь, но с лёгкостью перенаправляла их личную ко мне симпатию на дисциплины, которые преподавала. Чувства этого юноши застали меня врасплох, потому что все знали, насколько у него были серьёзные отношения с лаборанткой.

Вина... Должна быть в этом, наверно, и моя вина, если всё так трагично.

Та-ак. На первом курсе это был худой, бледный, с синими разводами вокруг светло-голубых глаз юноша. Насколько я помню, он жил с бабушкой. Отец умер, мать спилась, потом её лишили родительских прав. Младший брат воспитывался в детском доме. Я подружилась с классным руководителем группы, в которой он учился. Елена Васильевна сказала мне тогда, что парень серьёзно болен: диагностировано какое-то редкое заболевание сердца. Мы с подругой стали опекать его.

Вот! Она – классный руководитель – должна была опекать. А я чего примазалась? Вот она, моя ошибка. На уроках и переменах он выглядел печальным, иногда даже сумрачным и злым, почти ни с кем не общался. Я записала его в кружок поэтического мастерства и художественного слова, и он начал писать стихи. Вместе с ребятами проводил мероприятия, оформлял газеты.

Весной и осенью подолгу лежал в больнице. Помнится, мы с Еленой Васильевной выхлопотали для несчастного путёвку в санаторий. Учёба ему давалась легко, и он, несмотря на пропуски, первый курс закончил без троек.

На следующий учебный год первого сентября, сразу после линейки, зашёл поздороваться: приятный молодой человек, плечи распрямились, и в худеньком ещё теле просматривались и уверенность, и грация. Позади него сияла улыбкой черноволосая красавица. Мы с подругой порадовались за молодых. Эта осень и для нас оказалась счастливой: Елена

Васильевна пошла на повышение, я вышла замуж, родила сынишку.

Малышу не исполнилось и года, когда меня попросили выйти на работу - заменить заболевшего преподавателя. Так в конце третьего курса его обучения я вновь оказалась в училище.

После инцидента на уроке для меня эта история вроде как закончилась. Парень больше не требовал к себе особого внимания, ушёл в тень. Я всё реже и реже замечала его теперь на своих уроках, но тройку за год с горем пополам поставила. После вручения диплома, пожав его вялую руку, сухо пожелала удачи на сложном жизненном пути. Потом ребята рассказывали, что он женился и почти сразу уехал работать на север. Жена с ребёнком осталась дома у своей матери. Я думала, что, в общем, это хэпи энд.

И вот я, в слезах и соплях, включаю и выключаю бра в комнате, а сын, пробегая мимо на кухню, выкрикивает: «Кому сигналим?» Потом, видимо, прочувствовав настроение, втискивается между мной и креслом, прижимается головой к мягкому животу и, глядя снизу в мои мокрые глаза, шепчет:

– Ты знаешь, что в экстренных случаях так светом у жителей соседних домов помощи просят?

– Помощи... помощи... О-о! Светлая моя голова, – целую сынишку в лоб и набираю полузабытый номер:

– Елена Васильевна? Здравствуйте. Тут, понимаете, такая информация в супермаркете прилетела... – и я ей: то да сё по порядку.

– Ты что так сильно расстроилась! Брось, пожалуйста, никто не умер. Это слухи! Была какая-то там на севере авария, но всё обошлось.

– Жив? Слава Богу!

– Жив, успокойся.

– А что с разводом? – я всегда подозревала, что бывшая подруга до сих пор знает всё обо всех своих учениках.

– Развод был, правда, но вроде как это он её с кем-то застучал.

– Наверно, тоже слухи-сплетни, ну их...

– Может, и слухи... Ты только на свой счёт, пожалуйста, не принимай. Мало ли за нашу педагогическую вахту было влюблённостей и любовей! Что ж теперь, во всех неудачах наших в кавычках «детей» мы виноваты?

– Многие из ребят лишены простого человеческого участия, поэтому внимание и заботу легко путают с любовью...

– Да, бывает и так.

– Если жив, где он, чем живёт, не знаешь?

– Нет. Вот опять ты за своё! Большой уже, пусть сам выправляет свою судьбу.

– Спокойной ночи.

– Звони.

И свет в комнате погас.

Сегодня ветер утих, сияет солнце, суетятся захваченные обустройством гнёзд в редкой пока зелени птицы, прилетевшие, наконец, в родные края. Я иду с работы домой, усталая, голодная и счастливая. Сегодня моему сыну исполняется одиннадцать лет! Я приказываю себе вновь собраться с мыслями: нужно уже купить торт, колбасу и, наверное, ещё пиццу.

– Извиняюсь за глупость момента, - вдруг останавливает меня глухой голос с подкашливанием у дверей супермаркета.

Я смотрю на заросшее щетиной лицо молодого ещё, сгорбленного худобой и, наверно, длительным запоем, мужчину в мятых одеяниях:

– И-и... ы? – замираю я.

– Не ел ничего с утра. Глупый, говорю, момент. Купите мне пирожок.

– Хорошо, – тупо киваю ему, бегу, спешно покупаю пирожок с мясом и сладкую булочку. Выхожу – стоит, дверь глазами обласкивает.

– Вот, – протягиваю пакет со сдобой и как будто жду продолжения, не ухожу.

– Т-тогда второй глупый момент, – он не отрывает от меня светло-голубых глаз, – денег на автобус дайте... домой доехать.

Вот издалека прилетел, а отсюда до дома доехать не найду на что... – грустные глаза на неумытом лице вдруг сверкнули как будто испытывающе.

– Конечно, вам надо домой... непременно... вот, – я достаю из кармана пятьдесят рублей, потом из кошелька сторублёвку, пятьсот, тысячную бумажку и толкаю ему деньги в протянутые ладони.

– Нет, мне столько не надо! У меня есть карточка, у меня много на ней есть денег, просто не могу найти...

Из глаз брызнули слёзы у него и у меня. В раскрытый кошелек он положил назад скомканные купюры и, прижав к своей груди пирожок с булочкой и пятидесятирублёвую бумажку, затрусил к подошедшему автобусу.

Через месяц... да, через месяц с небольшим в училище мне доставили большой букет цветов с открыткой, на которой красивым размашистым почерком было написано:

*Если б не было волненья,
Если б только я умел,
Я б тебе на день рожденья
Серенады пел и пел.
Я бы пел, а ты стояла,
Завороженная мной.
И стояла бы, молчала,
Как фанатик-часовой.
И разжечь души томленья
Я б в душе твоей посмел,
Если б не было волненья,
Если б только я умел.
Подписи под стихотворением не было.*

P.S. Автор стихотворения - В. Харченко.

НАСТАСЬЯ. ЖИТИЕ БЕЗ ЛЮБВИ

Первую девочку Павлинка родила в городе в конце августа: ни жары тебе особой, ни мухоты с комарьями. Небольшая белокаменная больница была частью церкви с обрубленными куполами, поставленной на возвышении в центре берёзовой рощи. Вокруг неё горели жёлто-красными фонарями среди потемневшей зелени кудлатые цветники. Берёзы уже рябили кое-где позолотой. Красота кругом!

Павлинка подходила к открытому окну, жмурясь, втягивала носом прогретый дневным солнцем воздух, но кроме пыли или дымного пара от прачечной ничего на второй этаж не попадало, и, разочарованная, отходила к кровати, чтобы ещё раз полюбоваться и ощутить нутром сладкий молочный запах дочурки.

Доктор Яков Иваныч, делавший осмотр и мамы, и ребёнка, сказал, улыбаясь:

– Ладненькая какая! Настасья? Красавица, похоже, будет.

– Лишь бы счастливая. К чему она, красота-то, – засияла довольная роженица.

Девочка, и правда, выросла хорошенькая, черноволосая как мать, с тяжёлыми ниже пояса косами. Глазами и лицом только выдалась она не в голубоглазую и белокожую Павлинку, а в тётку по отцовской линии, кареглазую и смуглую от природы.

Справная, вёрткая, она везде успевала: и с младшими ребятами водилась, и по дому, что могла, управлялась, и к бабушке на другой конец деревни с порученьями бегала – только пятки её и сверкали в придорожной траве.

Война всем поубавила лихости. В сорок втором от скарлатины умерла у Насти младшая сестрёнка; следом за ней, – от недогляду ли, от злой судьбины – двухмесячный братишка. Через полгода пришла похоронка на отца. Жизнерадостную и звонкоголосую Павлинку жизнь враз окрестила «теткой Павлиной», а потом и вовсе приклеилось суровое Павла. В том же году появилась у них в доме ещё одна невесёлая постоянщица: двенадцатилетняя Анютка, вывезенная из блокадного

Ленинграда. Отец, лётчик, воевал, а мать так и не нашли под завалами огромного дома. Они с Настей были ровесницы, обеих война смертями близких отметила, но Анютку горе так иссушило, что она рядом с полнокровной Настасьей казалась семилетней малышкой.

Павла, понимая, что девочку нужно отвлечь от невесёлых дум, наказала дочери не оставлять её одну, «завлекать разговорами». Настя поначалу перед новой подружкой и пела, и частушки плясала. Павла успокоилась: некогда было за ребяtnей особо присматривать, целыми днями на работе. Придёт затемно – они спят, в обед прибежит: они уже по дому управились, сидят на завалинке, стёклышки перебирают, вроде как Анютка что рассказывает, а Настя её глазами высверливает. По всему видно, привыкать стала девчонка: и к работе охота появилась, и аппетит пришёл. Потом вдруг всё началось сначала: тут тебе и слёзы, и тоска, и крики по ночам. Стала Павла приглядываться да прислушиваться внимательней к их играм и нашла-таки причину. Пристрастилась Настюха к рассказам Анютки о Ленинграде: о театрах да музеях величественных, о широких-широких, длинных-предлинных улицах с диковинными фонарями. Больше всего поразило деревенскую девчушку, что дом, в котором жила Анютка, и школа её, и вообще все дома в Ленинграде были каменные. Много в том городе было рек ли, каналов ли, везде – водный простор и чистота! Ахала и охала Настасья: не было у них в деревне даже речки проточной, только затхлый, вонючий пруд за околицей, куда гоняли на водопой ребята скотину.

Каждый раз посиделки заканчивались слезами. Видно, сильно горевала Анютка о разрушенной красоте и о погребённой под её завалами родимой мамушке. Через месяц Настасья выведала о Ленинграде всё, что знала её новая подружка, привыкла к тихим истерикам и совсем перестала замечать их. После расспросов, оставив Анютку одну плачущей, она убежала в садик, пряталась внутрь разросшегося куста сирени «помечтать» о том, как они вместе, «нет, лучше без этой плаксы», как она одна будет жить в большом,

красивом, отстроеном после войны белокаменном городе. Там её однажды и нашла мать, и отшлёпала, и оттаскала за волосы, чтобы «не надсажала сердце» зачехнувшей было совсем сестрёнке.

– Никакая она мне не сестрёнка, – тёрла пунцовые щёки Настасья, – ещё косы рвут!

– Пусть не по крови, но сестрёнка! И не перечь.

Перечить матери было нельзя. «Безжалостная прям, родную дочку любит меньше, чем пришлую», – порешила по-своему девчущка, но расспросы оставила. Весной Анютку у них забрали: нашёлся отец. Как только он выписался из госпиталя после ранения, сразу разыскал дочь.

Анютка уехала, а мечта жить в большом красивом городе осталась.

Свататься к Насте стали рано, но это были, в основном, её одногодки. Тех, кто постарше, война прибрала. А ей хотелось, чтоб постарше. Нашёлся и такой: к соседке приехал из районного центра племянник. Невысокий, но статный и красивый. Четыре года был в армии на Дальнем Востоке, последние месяцы войны захватил, но ни ранен, ни контужен не был.

Как только Настя почуяла, что Василий согласился сарай тётке строить, ещё и к ней свой интерес имея, мечты о городе, пусть и не таком, как Ленинград, захватили её снова. А как сарай отстроился, она прибежала к матери с новостью:

– Всё, еду в город!

– В какой такой город?

– Недалёко, в наш, – и одежонку свою крутит-вертит.

– Замуж, что ли, собралась? А сваты где? Молода ведь, и семнадцати нет, не распишут...

– Пусть не распишут.

– Позора не боишься абы как жить?!

– Не останусь зимовать в деревне! – метала юбки в мешок Настасья.

– Чем деревня-то тебе не угодила? Дом – две комнаты-хоромы – отец отстроил, а там в землянке с матерью его жить будете.

– Они к весне дом начнут строить.

– Вот весной и поедешь...

– Уведут его.

– Коли любит, не уведут.

– Меня уведут!

– А это потому, что не любишь!- молчит, пыхтит дочка, сапоги запихивает. – Тогда зачем собралась?

И снова да ладом: «В деревне зимовать не останусь!»

Через день Василий привёз мать. Марья тоже руками воздух плескала:

– Куда торопиться? Молодая... ни работы, ни ума порядком...

Василий молчал, он отбушевал ещё у себя дома право на женитьбу: невеста уж больно хороша и к нему рвётся.

Городок и в самом деле оказался хуже деревни, особенно та его часть, где возвышалась на полтора метра над солончаковой землёй их скособоченная землянушка.

С работой повезло. Настя устроилась техничкой в школу, выстроенную неподалёку, но старшеклассники были её ровесниками, и она стала стесняться своих тряпок и ведра. Получив зарплату за первый месяц, она уволилась, пока Василий был в командировке. Марья через знакомых вызвала Павлу, кричала, чтоб забирали свою присоску да тунянку:

– Работать не хочет, а забрюхатит – двоих корми!

– Собирайся, Настя, ещё я обзывает поганые про своё дитя не слушала, – встала с лавки Павла. – А ты, – остановила она суровый взгляд на Марье, – язык побереги, а то, не ровён час, отсохнет!

– Да ты, кума, чаво, – запоздало вспомнила кумовство, испугавшись, Марья, – да кабы она его любила, тада ещё...

– Смотри, говорю! – и дочери:

– Собирайся!

– Тяжёлая я. Не поеду. Да и весной дом обещали...

– Тебе, что ль, мы его обещали? Не женится он на тебе!
Тяжёлая она Уезжай с миром!

Настя осталась.

Надеялась, что после известия о беременности изменится её положение, но Василий жениться и в самом деле не торопился. Марья понуждала её матерными и нематерными словами-огрызками. Василий сначала заступался за жену, но после смерти первенца, вина во всём вслед за матерью жену, стал раздражаться:

– Что ж ты не ответишь ей, ведь клюёт тебя, не переставая?

– Пусть клюёт, - улыбалась строящемуся дому Настя.

После смерти ребёнка Марья поостыла, прикрепив к «приживалке» безысходное за её упрямство «дура», а чтоб обиднее было, добавляла: «И вся родня у неё дураки!», но и здесь Настасья не откликнулась, не заступилась хотя бы за мать.

– Ну, выходит дело, и впрямь дураки они...- разводил руками Василий.

Павла приезжала редко, в дом не заходила, на приглашения Марьи отвечала только:

– В дом, где мою дочь кроют последними словами, я за порог не заступлю!

– Что ж ты хочешь, Павлина? Она ить или непутёвая, или дюже хитрая... Молодая, а всё выкрутила по-своему: как дом построили, и Ваську на себе оженила, и опять робёночком ходит!

– А тебе какую сноху надо? Дом наравне с мужиками тягала!

– Это да, никто не спорит, да ить ни чести, ни совести у ей, хочь бы охоронялась как... От людей стыдно.

За воротами Павла заглянула в глаза дочери:

– Что ж ты, в сам деле, Настя, себя помнить надо, беречь!
Пристынет сажа – не отскребёшься потом. Я б не хотела...

– А я, как ты, не хочу весь век в деревне прокуковать.
Плевала я на них.

На том и разошлись.

Внучку, надо сказать, Марья полюбила, даже сама назвала Надюшкой, а сноху так и продолжала навеличивать в глаза и за глаза «наша дура», про себя же думала: «Пусть хошь так ей досада!»

Рожала Настя дочку в той же белокаменной больнице – бывшей церкви с обрубленными куполами, где восемнадцать лет назад появилась на свет и она; да так ей это просторное, наполненное миром и уютом здание понравилось, и роща, и садочки вокруг больницы, и выложенные красным кирпичом тропинки до столовой и прачечной, что, отбив дома с малюткой положенные в то время послеродовые два месяца, побежала устраиваться на работу.

Взяли её санитаркой. Работа была тяжёлая, зарплата маленькая, но, опять же, рожениц и персонал кормили хорошо, лекарства какие бесплатно перепадали, тоже немалый доход в семью. А знакомых сколько! И все – с почтением, с радостью, ведь хоть это и больница, а особая. В шестидесятые годы медицина окрепла, смертность снизилась, а потому, открячав положенное, приносили роженицы в палаты ощущение счастья и умиротворения. Довольные папаши, как переспелые яблоки, то и дело сваливались с тонких берёзовых веток, надеясь разглядеть за сияющими на солнце окнами своих жён и малюток. Настя помогала всем: и медсёстрам, и мамашам с папашами. То, чего недоставало ей в своей семье, с избытком было здесь, в чистом, уютном, не без её старания, здании роддома: внимание и уважение.

Надя росла под присмотром свекрови, виделась она с матерью не часто: войдя во вкус, Настасья стала больше подрабатывать в ночные смены, так что и Василий с его упрёками в нелюбви вскоре стал позади её главных забот. После ночных смен, когда ей нужно было отдохнуть, Надя уходила делать уроки на половину бабушки. В своё время Настасья настояла, чтобы дом построили на два входа, и свекровь теперь жила в маленьких двух комнатках. У них с мужем и дочкой тоже были две, только большие, светлые комнаты, всегда чисто убранные, с вышитыми крестом

картинами на стенах. Дворцы, фонтаны, блеск и красота... Настю мать ещё в девках выучила и шить, и вышивать, и вязать.

Когда Наде исполнилось двенадцать, Марья сильно расхворалась, долго лежала в больнице. Настасье пришлось перейти работать на ставку, чтобы не оставлять дочь одну с уже постоянно пившим по вечерам отцом. Он работал на крупном предприятии по ремонту сельхозтехники завхозом. Каждый день находился кто-то, кто хотел «угостить» покладистого начальника, чтобы отовариться со склада без проволочек. Ни домом, ни ребёнком, ни хозяйством он уже не занимался, да и хозяйства, в общем, не было. Если жена допекала его сугубо мужскими заботами по дому, он привозил мастеров, которые приводили в порядок недостроенную веранду, покосившееся крыльцо или забор.

Красота Настасьи с годами укрепилась, но на ухаживания мужчин она не отвечала, а товаркам одно твердила: «Свой-то не нужен, а чужими я тем более брезгую». Так и жила, ни к кому сердцем особо не прикипев. А вот в город белокаменный верила самозабвенно и желание своё на новый год Деду Морозу, как маленькая, загадывала. Павла как-то, ещё до замужества, услышала эти шепотки, да и пристыдила было её:

– Не у деда сказочного просить, поди, надо.

– А у кого тогда? У бога? Так не знает о нём никто, спроси кого хошь в деревне...

– Люди скрывают, раз власти не велят Бога почитать. А ты должна знать, раз я тебе говорю. Когда страшно, небось, молитвы читаешь?

– Ничо мне не страшно! А с дедом Морозом так я, дурачусь, - отмахивалась от серьёзных разговоров Настя.

В семье всё оставалось по-прежнему. Даже на праздники, когда приходили братья Василия с жёнами и свекровь. Уже к середине застолья, размягчённые добрым приёмом, разносолами и хозяйской расторопностью Настасьи, когда братья начинали её расхваливать, Василий заявлял ревниво: «И всё равно она дура, и вся родня у неё – дураки!» Настасья, как

могла, отшучивалась. Братья ласково журили Василия, а снохи и свекровь, довольные, переглядывались. Никто из родственников Настасьи никогда не бывал у неё в гостях. И всё бы ничего, если бы повзрослевшая Надя однажды со слезами не накинулась на мать с упрёками:

– Почему ты не отвечаешь отцу?

– Чего ещё? – притворилась было Настасья.

– Они... они ведь смеются над тобой.

– Не собирай ты, чего не понимаешь!

– Что тут понимать? Все смеются: тети и бабушка с ними.

– А ты не обращай внимания.

– Стыдно, мама! Дураки, говорит, все. Это и баба Павлина тоже?

– Не лезь во взрослые дела!- отрезала мать.

С тех пор Надя совсем перешла на бабушкину половину, домой приходила только ночевать, на мать часто раздражалась, советы её принимать отказывалась.

– Поступай в медучилище, - уговаривала дочь Настасья, - всю жизнь в белом халатике – любо-дорого, опять же – для себя, для своей семьи какая польза!

– На продавца пойду учиться... назло...

Но тут первый раз бабушка согласилась с матерью:

– Не дури! Таблетки принести да уколы поставить – это тебе не ящики в магазине ворочать. Поступай в медучилище.

По распределению, после окончания учёбы, Надя поехала работать в родное село матери, где вскоре и вышла замуж. Жили они с мужем у бабушки и после смерти Павлы стали полноправными хозяевами дома. У них уже подрастала двойня: лупоглазые черноволосые мальчуганы. Ох, и намучилась с ними Надя! Больно уж резвые, не угнаться за ними и отцу с матерью, но прабабушку слушали, и если стукнет она бодагом или погрозит сухим пальцем, - всё, собирай колесики да бегом до дому!

Незаметно как пролетели годы. Настасью Ивановну с почётом проводили на заслуженный отдых. С первой же пенсии

и отпускных собралась она наконец-то по путёвке в Ленинград. Случилось это как раз в декабре, под Новый год. Весь год потом она жила воспоминаниями, непрерывно охала да ахала, находя всё новых слушателей рассказам о своей поездке. «Правда, - вздыхала она, - Ленинград не белокаменный. Серый он, зелёный да жёлто-коричневый, но всё равно, дворцы, театры, музеи лучше даже, чем по телевизору! И вот ведь что: живут люди среди такой красоты все обходительные! – удивляла она земляков, а если кто не верил, добавляла, - я ни одного злого не встретила, все с почтением друг к другу и с уважением!»

Обо всём и обо всех забыла в то время молодая пенсионерка. Муж спился окончательно и за время её отсутствия загадил весь дом, посуду, что-то и перебил даже, выбросил её рушники и вышитые крестом картины, а когда мать попыталась его образумить, заругался и на неё. Ночью с Марьей случился удар, а потом и парализация. В больнице ей стало лучше, но речь не вернулась.

Василий сам ухаживал за матерью, давал лекарства, даже читал ей истрёпанный, принесённый соседкой молитвослов. Настасья стирала, убирала в её комнатах, варила на всех. Василий сам кормил мать. Когда он просил её помочь переодеть свекровь, Настасья отвечала: «Где её снохи-то умные? Пусть они её и переодевают». Но одна сноха уже умерла, другая сама тяжело болела. Сын смиренно шёл к пожилой соседке, и они, кое-как управившись с больной, за стопочкой винца костерили непутёвую невестку.

Марья в судорогах мычала, показывая слабой рукой на язык, соседка со словами «язык, наверно, пересох, пить просит», давала ей кипячёной водички, вытирала обильные слёзы и уходила домой.

Этой же зимой Надя родила девочку. Сыновей призвали в армию, ещё немного – и внуки пойдут, а тут к сорока годам такая неожиданность! Понимая, что, живя дома, совсем от забот о свекрови не удастся освободиться, Настасья рассудила так: «Чем за старой каргой ходить, лучше к дочке поеду. Там всё-

таки говна поменьше будет». Но тут её на работу в психдиспансер позвали: бегут из больницы молодые, не платит государство, так пенсионеров за кормёжку да за спасибо созывать стали. Соседка взялась было её увещевать:

– Что ж ты, Ивановна, там за десятью чужими ходить будешь, а тут свои, муж да свекровь, пропадают!

– Живу, как знаю. Свою жизнь рассуди, в мою не лезь, – и закрыла у неё перед носом дверь. А через полтора года, честь по чести, поехала Настасья к дочери с внучкой водиться, тут уж и соседи рот позакрывали.

По будним дням жила она у дочери, присматривала за малышкой, если Надя с мужем не успевали чего, и за хозяйством следила. Готовила, стряпала. В деревне продуктов вволю, не то что в городе: каждое яйцо на счету. Настряпает, наготовит с излишком – и мужу на выходные привезёт, а там пусть он свою долю хоть и матери отдаст, не жалко.

Через полгода Настасьиных поездок свекровь прибралась, а потом, после месячного запоя, случился инсульт и у Василия: отказала вся левая сторона. Дочь приехала, видит, что и мать сдала, тяжело ей с больным отцом без поддержки. Стали они с мужем хлопотать о продаже дома, чтобы перевезти родителей к себе. В городе в девяностые годы делать было нечего: ни работы, ни денег, ни продуктов. Настасья заартачилась было: «Опять в деревню не поеду», – но нужда заставила её в старости вернуться туда, откуда пятьдесят лет назад сбежала не задумываясь.

За лето зять пристроил к дому две маленькие комнатки с отдельным входом. Кушать приносили, стирать – стирали, отца мыть, переодевать помогали, но в общий дом мать не пускали, двери за собой плотнее закрывали, чтобы удушливый запах старости и болезней не беспокоил молодых. Василий промычал недолго: похоронили его на ноябрьские праздники. Отходил он тяжело, мучился последний месяц сильно, кричал, поминал отца, погибшего в финскую войну. Настасью то проклинал по-своему, то просил у неё жестом руку, гладил, подносил к лицу, размазывая ею по щекам слёзы.

После похорон у Настасьи силы откуда-то взялись. Она побелила потолки, выкрасила стены в комнатёнках, воздуха свежего напустила, но никто из детей и внуков по-прежнему не заходил к ней, а к ним идти она не насмеливалась. Тоскливо и одиноко стало ей. Тогда она, чтобы занять себя чем-то, стала днём, когда никого дома не было, стряпать нехитрые шанежки из яиц и простокваши и ходить с ними по соседям, раздавать, как она объясняла, помин за мать («как же, помним тётку Павлину, достойная была женщина!»), за умерших в войну сестрёнку и брата, за отца, погибшего на фронте. Удивлялись добрые сельчане, хвалили Настасью Ивановну. Она рассказывала им о своей больнице, о поездке в Ленинград, стала даже зачем-то говорить, что это главврач, сам Яков Иванович, знаменитый на весь край доктор, наградил её тогда путёвкой.

Женщины, родившие в то время, когда ещё Настасья работала, памятуя о её доброте и услужливости, дарили даже подарочки. Она с благодарностью и слезами, как величайшие драгоценности, брала носовые платки, тетради, ручки, у завклубом приглянулись ей разноцветные прищепки, она и их принесла домой. Земляков помоложе раздражали походы старушки:

– Зять с председателем колхозное добро распродают, а тёща, глядите вы, по деревне побирается!

То ли разговоров этих испугалась Надежда, то ли просто здраво рассудила: кто её знает, что она там болтает, вдруг чего тайного из семьи на свет божий вынесет, людям на язык выложит; богатеть-то они и в самом деле начали не от честных трудов. Взяла да и закрыла дочь свою мать на замок. Так, на всякий случай, а по соседям слушок пустила: дескать, не в себе матушка, к старости совсем умом тронулась. Нашлись за пятак и свидетели:

– Ещё покойная свекровь её, царство небесное Марье, заприметила, что Настасья бестолковая.

– Да, она всегда её дурой называла.

Взаперти Настасья Ивановна прожила недолго.

Она, и правда, стала заговариваться, всё вспоминала какую-то Анютку и обычно к вечеру заводила с ней долгие-долгие разговоры о большом городе, в котором почему-то всё не так оказалось, как думалось, перебирала новогодние открытки с розовым и голубым дедом Морозом, бережно хранимые в выцветшем платочке. Перед сном дочь подходила к двери, слушала её монотонное бу-бу-бу, вздыхала, но в комнату не заходила.

На похоронах говорили всякое, но, следуя обычаю, больше хорошее: и что работящая была женщина, и что мужу не изменяла, и дочь, как смогла, вырастила, в люди вывела. Себя вот только не сберегла, ополоумела. Видать, не разгадала главного чего-то за свою жизнь.

Игорь Дмитриевич БОРОДАЕВ

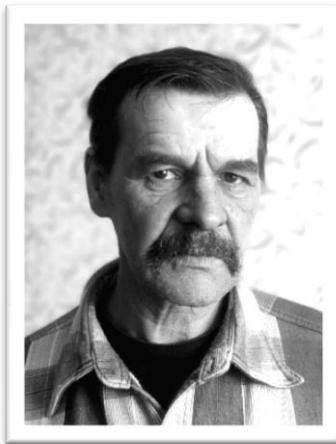
Родился в 1958 году.

Член Российского союза писателей.

Образование среднетехническое.

Игорь Дмитриевич автор более 180 жизненных рассказов, миниатюр и сказок, написанных простым общедоступным языком писателя из народа. Третье место в конкурсе «Морские истории».

Живёт в городе Бийске Алтайского края.

ДРУЗЬЯ ШОФЁРЫ

На работе у нас двое шоферов, в разрядку к которым все желали ли бы попасть – Валерка и Петька. С начальством, как известно, не спорят, работать приходится там, куда пошлют.

В тот день мы разбивали газон в привокзальном районе. Нашу бригаду привёз Валерка. В обязанности шоферов не входит задача месить грунт вместе с нами. Привёз – отдыхай, под капотом ковыряйся для видимости. Валерка не такой, нам помогает, за что получает от директора небольшую премию.

Заказчицы в тот раз нам попались строгие. Ходят всё промеж работяг бабки суровые, следят, советы и указания раздают. Нет ничего страшнее для рабочего, чем капитанша за спиной. Страшает, укоряет, насмехается! Какая уж тут работа. Особо сварливая одна была – управдомша. Остальные поддакивали ей просто – бабушки с подъездной скамеечки. И намучились же мы в тот день!

Валерка отшучивался от въедливых приставаний. Явно он понравился управдомше, и она от него не отставала...

Не устал он, видимо, и за баранку сел бодрячком, довёз нас до базы в конце смены и всё с теми же шутками-прибаутками.

На следующий день Игоря послали заканчивать работу на Серёгиной машине. Ему всегда достаются неприятные распределения, да нам выбирать работу не по рангу. Там осталось доделать всего ничего: травой засеять да выровнять газон начистовую. А настроения на эту работу никакого!

А что? Послали – сделал. Работа, она настроений не признаёт. Работаешь её, а из тебя всё плохое потом вышибает.

Закончил, сдал управдомше. А эта Серёге-шофёру:

– Без Валеры я приёмку не подпишу.

И причём здесь Валера? Приёмку наша мастер Марина должна проводить, а не шофёр какой-то. Понял я опосля, что женщина та просто пошутила. Понравился ей Валера, увидеться с ним захотелось ещё разок. А документы она подписала. Газончик-то наш знаковым вышел.

После все смеялись над тем случаем. С Валерой просто так расставаться не захочется.

В другой раз Игорю опять повезло с Валеркой. Послали их в Мирный. Поговорили друзья в дороге, посудачили. Поржали от души.

– Сколько езжу здесь, никак дороги не могу запомнить, – пожаловался Валерка перед въездом к развилке через мост над железнодорожной линией. – Чёрт ноги здесь сломит, не токмо колёса резиновые.

– Тут и запоминать нечего, – просветил Игорь незнающего шофёра. – Езжай по стрелочкам и голову не мучь. А вон то обводное кольцо кругом три раза объезжай.

– Три раза? – рассмеялся Валерка. Приятно общаться с человеком, который шутки понимает. Другой засверлит в тебя взглядом чумным: «Дурак, что ли?»

Остановился Валерка перед въездом в Мирный.

– Чего стоим, кого ждём? – поинтересовался Игорь.

– А ты разве не заметил? Чёрная кошка нам дорогу перебежала. Сиди, Игорёха. Ждём, когда машина вперёд нас проедет. Закуривай, отдыхай пока. Успеем всё сделать.

Как не успеть? С Валеркой-то. Он всегда поможет, подсобит. С ним любая работа в радость.

С Петькой Игорь выехал в Одинцовку. Через недельку после того как.

Молчалив Петька за рулём. Сам молчит, а от пассажира разговоров требует: «Усну я в дороге (говорит), ты виноватым будешь». Вот и выдал Игорь ему для смеху первое, что на ум пришло. Петька не брызжет матом, как друг его Валерка. Усмехается только на шутку. Да усмешка Петькина почище рукоплещущего зала будет.

Петька, он старший среди шоферов. Не по рангу ему ржать по-кониному. Серьёзным надо быть. Вот и молчит, слова правильные подбирает.

Остановились на слиянии. Тут все останавливаются. Зашли в лесок, отметились. Надо же какой-то след оставить о себе: были мы здесь. Намочили кусты и прошли под козырёк на берегу высоком. Присели, смотрят. Просто так смотрят.

Петьке не до красот. В армии он на подлодке служил и слиянием моря с небом любоваться никак не мог. Да и жизнь его последующая вся серой дорожной лентой пробежала, с редкими остановками на бивуаках.

Просто так вот и смотрят. Потому что видеть всё это надо: лес, воду, берег дальний, крест на острове Иконников. Видеть рек слияние, слияние душ, слияние жизни с природой...

Вспомнил Игорь, что не любит Петька тишины. Рассказал ему анекдот про чукчу, как тот на Чукотке русские и американские подлодки встречал-проводил. Усмехнулся Петька одобрительно и поднялся: «Поехали».

Поехали так поехали. Не на прогулке. А в дороге говорить о чём-то надо, а слов не находится. И сдал тогда Игорь Петьке Валерку, как тот чёрной кошки на дороге испугался. Не нарушил ничто, когда кляузничал. Друзья ведь они, шофёры, и с малой шутки не рассорятся. У них всегда так: поорут и обниматься лезут после налитого «за дружбу».

– Да этот Валерка! – взъярился вдруг Петька. – Работать надо, он чёрных кошек сторонится. Смутьян! Говоришь,

говоришь вам..., – на Игоря замахнулся, будто он в чём виноват. Благо, ехать недалеко осталось, за Одинцовку, к дачам.

Петька остановился не доезжая.

«Что стоим?» – спросил Игорь шаблонно.

– А ты что, за дорогой не следишь? Не видел, как баба с пустыми вёдрами дорогу перешла? Вон она, к колонке идёт. Глаза-то раскрой.

Да как же так? Он только вот Валерку за сумасбродство распекал, а тут глядь – сам в ересь полез.

– Что ты понять можешь? – попрекнул Игоря Петька за пустые домыслы. – Два конца не свяжешь. У Валерки кто был? Кошка! А тут женщина – человек. Хватит лясы точить! Доставай бутылки с бардачка и бегом к колонке. На даче хозяина нет, и станция насосная отключена. Водичка тут не та, что в Бийске!

Доехали. Петька сам вскрыл дверь, расписал фронт работ. Землю высыпал у ворот, во двор на машине не заехать. Придётся Игорю завозить тачкой.

Справится пахарь! Тут работа сама делается. Работать в этих местах легче, чем на выходных диван отсиживать. Душа здесь отдыхает. Работают жилы. А жилы сами к работе тянутся, если жилы те в рабочих руках растянуты.

Рванул Игорь тачку за клыки, Петька же в лес за грибами пошёл. Игорь и сам поспеет. А не поспеет, так Петька подойдёт, поможет. Петька за взмах лопаты всё уложит, подправит. Он опытный.

Закончит Игорь, Петька ему после разведанный лес покажет.

Тут берег недалече. Обь увидеть можно. Широкою. Бия то поменьше будет.

Посмотрим. Наверное, и оттуда на нас смотрит кто-то. А иначе, отчего же здесь притягательно так?

АМО

Стараясь выделить чем-либо своего героя, замечаю вдруг, что старики в нашем районе все усатые. Мода у них такая. А я и не подозревал, что сам всю жизнь модным парнем был.

Схожи старики нашего района, стороннему наблюдателю их не отличить. Долгое соседство пообтёрло людей, сблизило общением. Старики похожи внешне, это жизни у них разные. Не рассказывают они о прошлом, больше пекутся о настоящем, о проблемах, что спустили на своих подопечных чиновники из Собесов.

Дед Павел заметил меня издали, заулыбался своими седыми будёновскими усами:

– Привет, Игорь.

– Здравствуй, Павел. Скрипишь всё? Чего дома не сидится? Смотрел бы себе со своего окошка на жизнь проходящую да в ус не дул. Не лень было со второго этажа скрипеть?

– Не лень. Сколько можно в четырёх стенах тухнуть? — похвастал резвый старичок своей жизнестойкостью. — Сам-то с какого в будний день по нашим пенатам шастаешь? Опять работы нет?

– ПАЗик наш в аварию попал, — оправдался я перед "смотрящим" соседом. — Нас по домам и распустили. Только выехали по заданиям, а нас на обгоне "Газель" подрезала. В районе телевышки на правом повороте. Бампер передний сорвала и дверь водительскую помяла. С завтрашнего дня три бригады на двух автобусах разъезжать будут, пока наш не отремонтируют. Неделю — как минимум: пока страховщики документы оформят, пока запчасти закупят.

– Да, машины нынче не те, хлипкие, — посочувствовал дед Павел. — Вот я в свою первую аварию... Молодым ещё был, ледянку не держал толком. Шофёр из меня никудышный...

Пашка с удовольствием жмурился от чистого искристого снега. Настроение молодого шофёра приподнялось до весёлости, волнение ушло на первом километре дороги.

Первый самостоятельный рейс! Хотелось петь. Тянуть "Фронтového шофёра" ему никто не мешал, но петь Пашка не умел. Слова Пашка знал, но напевать всё же не решился. Заорал так, без слов, заулюлюкал по-глупому. Ведь глупости его никто не видит, и не узнает никто о пашкином легкомыслии на этой заснеженной безлюдной дороге.

Дорога была знакома водителю "перволетку" до последней колдобины. Не раз он проезжал её ещё до войны, с отцом. Отец брал молодого Пашку с собою в рейс на этой же безотказной АМО, знакомил сына с родными местами, с романтикой дальних дорог.

Не удалось Павлу повоевать, возраст не вышел. Промастерил с малых лет всю войну в гараже, куда его приняли без вопросов, как сына отличного шофёра. Не взяли на войну недоростка, но Пашка знал, что ему ещё представится случай отомстить за отца, не пришедшего с войны. Вот только пройдёт уборочная, меньше года осталось, и призовут молодого парня в армию. Вот тогда держитесь буржуи! По всей строгости ответят империалисты за погибшего отца!

Жажда мести прошла у Павла много лет спустя, сменилась благодарностями к судьбе, что посчастливилось ему не искалечить никого на длинной шофёрской дороге, протянувшейся через жизнь.

Машина легко влетала на взгорки, безотказно заводилась после наката, когда Павел бензин экономил на холостом ходу. Досконально изучивший матчасть под строгим надзором механика Михалыча, он сам восстанавливал свою машину, подчистую списанную с фронтовых дорог по многочисленным ранениям. Лелеял её, протягивал каждую гаечку, смазывал, подкрашивал. И вот, наконец, получил её — первую свою любовницу, обласканную и заведённую. Выехал с ней в "свадебное путешествие" в первую свою дальнюю дорогу.

Эх! Видела бы его сейчас Наташка за рулём! Или Иришка... Павел не решил ещё, кто ему больше нравится. Обе знакомые девушки откликнулись на его неумелые ухаживания, хихикали

над его глупыми шуточками. Обе с русыми косичками в разные стороны. Глубокие глаза с голубыми искринками. Обе - с одной деревни родом, одинаковые. Как тут выбрать?

Мороз смягчился до тридцатиградусного, весело пощипывал пальцы на руле. Да какие озорные морозы способны напугать молодого сибиряка?! Пашку грела весёлая дорога, любимая машина, ватник, выданный заботливым завхозом. Грел пуховый платок, подаренный матерью.

Павел прятал тот платок от товарищей и поддевал его только в крайних случаях. Злые языки шоферов и механиков легко засмеют за женский гардероб в шофёрской экипировке. Юмористы ещё те! От них просто так не отделаться.

Километры алтайских просторов скоро пронеслись под резвой машиной, и Пашка свернул на приметный извороток, ведущий в Ложкино. Пути оставалось всего ничего.

Вдруг впереди мелькнуло тенью какое-то четырёхное. Пашка и разглядеть-то толком не успел, кто был это: то ли волчонок какой рисковый, то ли лиса хвостом вильнула. В те времена здешние края ещё полнились зверьём, незнакомым с человеком, с его губительными нравами.

Пашка вильнул рулём, пытаясь спасти из-под колёс животину неразумную. Машина вылетела из наезженной колеи, подпрыгнула, взбрыкнула, завияла, лишённая выверенного пути, и завалилась набок.

Павел вцепился в руль, вдавился в сиденье и упёрся в педали, отжав их до предела. Повис боком в перевёрнутой кабине. Машина взревела натужено, раскручивая колёсами пустой морозный воздух, и заглохла.

Несостоявшийся шофёр вылетел с кабины разжавшейся пружиной, забегал вокруг машины, оценивая ущерб, нанесённый неумелыми действиями. Кабина упала на ледяную глыбу, пассажирская фанерная дверца была вдребезги разбита. Вылетело лобовое. Капот повис над снежным валом, заливая белизну ржавой водой из радиатора. Мотор, должно быть, не

был повреждён. Кузов мягко приземлился в сугроб, и от него отлетела только одна верхняя доска с нарощенного борта.

Павел в пылу схватился за заднее колесо, повисшее в воздухе, и попытался поставить свою "АМО" на место. Сам провалился в сугробе почти по пояс:

– Что я тут сделаю? Эти две тонны и Поддубному от земли не поднять, – укорил себя вслух за неумение соображать.

Удручённый, он присел на мешок, один из разбросанных по всему "зимнику", задумался над своей горькой участью. Хорошо ещё, что груз ему доверили небьющийся, валенки да тулупы – помощь города замерзающей деревне.

"Что будет, что будет, – гадал Пашка о своём незавидном будущем. — В то время, когда страна из руин поднимается, когда для изголодавшегося народа ценен каждый колосок выращенной пшеницы, я умудрился разбить целую машину – залог будущего Родины, разграбленной фашистами. Нет мне прощения! Преступник я! Теперь точно в тюрьму сяду. Наверное, расстреляют за порчу народного имущества. Вот и кончилась моя счастливая жизнь, едва начавшись... И о чём я сейчас думаю?! – тут же укорил себя Пашка за упаднические мысли. – Я же комсомолец! Мои ровесники без страха на смерть шли ради того, чтобы я жил да страну из руин поднимал! Я же тюрьмы убоюсь! Надо до села, к людям, сознаться честно. Виновен, мол!.. Проехал я больше тридцати километров – это факт. Значит, до Ложкино всего ничего-то и осталось. Надо идти".

Пашка приподнялся и почувствовал резь на мочках ушей. В горячке он и не заметил, что бегаёт по тридцатиградусному морозу без шапки, которая слетела во время аварии. Бедовый шофёр заглянул через ветровой проём в кабину, нащупал ушанку и натянул её на замороженные уши. Согрелся тут же, вздохнул обречённо и затопал по дороге с мыслями о своей горькой участи.

Деревня показалась скоро, сразу за дорожным изгибом, и Пашка ускорил шаг, обретая решимость. Он чуть не пропустил нужный ему МТС, который спрятался за леском и высокими

придорожными сугробами. Павел свернул на еле приметную дорогу, очерченную припорошенными следами от гусениц, и вскоре уверился в верности своего пути по одиноко стоящим воротам без забора, на арке которых арматурой была выплетена надпись "Районный МТС".

Пашка прошёл в гараж и в тусклом свете одиноко горящего светильника различил знакомого железного коня, гусеничный трактор СТЗ, который горделиво стоял посреди обширной площадки, загромождённой станками и железом.

– Здравствуйте! Есть здесь кто? – громко заявил Пашка о своём присутствии.

– Здорово, коль не шутишь, – вылез из-под открытого капота пожилой мужчина строгой наружности. – У нас принято шапку снимать, когда в помещениеходишь.

Пашка смял шапку в руках:

– Помощь мне нужна, – осмелился сознаться горемыка. – "Полуторку" перевернул, недалеко, за поворотом уже.

Мужик пристально всмотрелся в незнакомца и выдал скупое:

– В каптёрку зайти. Вон та дверь.

Пашка открыл дверь в каптёрку, и оттуда повалили клубы табачного дыма. Он присмотрелся и разглядел в тумане неясные фигуры мужиков, которые сидели за столом и стучали костяшками домино.

– Здорово, мужики! Тут дело такое: трактор мне нужен. Поможете, а? Моя машина застряла здесь, недалеко.

Из-за стола вылез высокий мужик, пронзил гостя насмешливым цыганским взглядом из-под густых бровей и прошёл навстречу:

– Здоров, здоров, – протянул Пашке руку и усмехнулся с "кхмыком". – Ты же только что мимо Порфирича прошёл. Не заметил что ли тракториста на тракторе?

– Поговорили мы с ним, – смутился Пашка под острым взглядом мужика. – Он меня к вам направил.

– А, ну да, ну да, – задумался мужик. – Правильно. Верно он тебя направил. Тут видишь, какое дело... Просто так трактор тебе не даст никто, документы надо оформить.

– Так я сейчас, скоро, – засуетился Павел. – А куда идти за разрешением? Я быстро сбегаю, туда и обратно.

– Сбегает он, – передразнил Павла мужик. – Ты уши свои видел?

– Уши? – обзлился Павел на непонятные приколы. – Как я могу свои уши видеть? Да и при чём здесь они? Мне трактор нужен! Срочно! У меня рейс, понимаете?

– Рейс у него. Слышали, мужики? Да у тебя всё ухо белое. Присядь, погрейся, ухо отойдёт, тогда и пойдёшь. Кипяточку выпей. Сам-то кто будешь?

– Павел.

– Лёха, – мужик пожал Пашке руку вторично ради знакомства. – Пашка. Вижу, что Пашка, а не Машка. Я спрашиваю, будешь из чьих?

– Красильниковы мы.

– Красильников..., – задумался Лёха. – Ну да, заезжал такой, до войны ещё. Отец твой? Как он там?

– Не вернулся он. Погиб.

Мужики примолкли, заикали сигаретками.

– Так я пойду. Где разрешение-то получать? – опять заспешил Павел.

– Да ты хоть кипяточку отхлебни! – забеспокоился Лёха и протянул горячую кружку. — Вот. Перемерз же весь. Согрейся чуток.... Ну вот, пойдём уж, колготной. Провожу. – Вон, видишь три дома особнячком? – вывел Лёха Пашку из гаража. – В середине – контора. Спросишь Зинаиду Петровну. Запомнил: Зинаида Петровна.

Пашка прошёл в указанном направлении и не увидел никакой конторы. Два жилых дома за оградками окружали Сельмаг. Ошибся, видать. Он не огорчился особо от своей несообразительности, в деревне легче всего найти нужного человека, а уж Сельмаг работает лучше любого Справочного Бюро.

За прилавком незнакомого покупателя встречала приветливая продавщица средних лет — в простеньком

платице, без привычной для магазина униформы, в расстёгнутой военной телогрейке не по размеру.

– Здравствуйте, молодой человек. Что желаете? Контора? Нет у нас никакой конторы. У нас-то и правления нет. В бывшем правлении эвакуированных расселили, так они там и живут. Прижились. Председатель собрания на дому проводит. Не до строительства сейчас. Колхоз бы поднять, план по сдаче зерна выполнить.

– Мне Зинаида Петровна нужна, – уточнил Пашка. – Документы на транспортировку машины оформить.

– Зинаида Петровна? – удивилась продащица. – А кто тебя послал-то к ней? Ах, этот! Лёха! Так, теперь понятно всё. Шофёр, говоришь?

Продащица выставила на прилавок поллитровочку под сургучом:

– Вот твой документ. С тебя 21 рубль 20 копеек, молодой человек. Нет у нас другой Зинаиды Петровны кроме меня. А с Лёхой ты бы поменьше общался. Этот баламут тебя до добра не доведёт. А что у тебя, в дороге чего случилось? Застрял? А что везёшь, если не секрет? Валенки? Нам? Вот спасибо!

По дороге к МТС Пашку уже встречал СТЗ, лязгая гусеницами. Из кабины высунулся Парфирич и зазвал пассажира рукой:

– Ты где шляешься, шаромыжник? Я завёлся давно. Переморозишь машину, потом ходовую менять будешь, все детали порвём пока дотащим. Наслушался Лёху-баламута. Никогда не верь ему. Ещё тот фрукт.

Опытный тракторист, Парфирич ловко поддел Пашкину "полуторку" под угол кузова, и та встала на все четыре колеса, в привычное положение, пристойное машине. Оба шофёра дружно закидали разбросанные мешки в кузов, и тракторист потащил Пашку к гаражу. Делов-то, когда техника в опытных руках.

Процессию, ведомую СТЗ, встречали всем гаражом. Даже кочегар присоединился, сверкая одними глазами и зубами,

мыться в сорокаградусный мороз некогда. Дружно затолкали АМО в гараж вместе с Пашкой — погреться. Кочегар прикатил тачку с горячей золой под мотор замёрзшей машины. Угарный газ от дымящейся тачки никого не смутил. Каждый норовил вставить умное слово по поводу аварии. Пашка осмотрел мотор, залил воды в опорожнённый радиатор.

– Ну как, Паха? – поинтересовался Лёха. – Заведёшь, может? Попробуешь?

Павел пожал плечами и молча полез за кривым стартером. Подкачал бензонасосом, крутанул стартером пару раз в четверть оборота, примериваясь, и дёрнул рукояткой вокруг с усилием. Машина фыркнула, просыпаясь, и заурчала приветливо. Мужики зацыкали в ответ удовлетворённо.

– А ты, Паха, молодец, – похвалил Лёха. – Хорошо машину содержишь. Мотор сам регулировал?

– Ну, как сам? – поскромничал Павел. – Михалыч помогал.

– Михалыч? – задумался Лёха. – Нет, не знаю.

– Ну, ладно, мужики! – засобирился Павел. – Мне пора. Спасибо вам большое за всё. А, кстати, чуть не забыл, – достал из кабины и протянул Лёхе бутылку водки. – Мужики, а где мне завхоза отыскать, груз оформить? Подскажете?

– И куда ты собрался обмороженный такой? – вертел в руке бутылку Лёха. – А ну, ухо покажь. Порозовело. На молодых всё враз заживает. Ты вот что, давай-ка сюда путёвочку свою. Без тебя всё оприходуем. И кабину тебе отремонтировать надо. Как в мороз с открытым ветровиком поедешь? Застынешь весь. Так что отдыхай пока. Грейся.

– Я на своей машине сам всё делаю, – начал было отнекиваться Павел. – И спешу я. И так из графика выбился. В гараже меня за это не похвалят. Доеду уж как-нибудь потихонечку. Не застыну.

– Ты мне это брось! – остудил Пашкин пыл Лёха. – Доедет он, в ночь-то! Здесь у нас инструмент свой, и кому попало мы его не доверим. Материал тот же, фанера, гвозди. А если испортишь, с кого спрашивать? Так что иди, отдыхай пока. А вообще, раз пряткий такой... Ты как думаешь, на такую толпу

бутылочки хватит? Вот. Так что сбегай-ка ты ещё разок к Зинке, она по тебе скучает уже, поди. Деньги остались ещё?

В те времена колхозники денег не видели. Платили им трудоднями, и водка для деревенских мужиков была в диковинку, стояла в сельмагах бедной родственницей другим продуктам, указанным к безналичному расчёту. Деревенские не огорчались особо по этому поводу, они привыкли давно к «нововведениям» сверху. А хороший хозяин на деревне полностью самодостаточен и независим от государства, если государство само не навязывает ему зависимость. Потому "слеза божья" у крестьянина испокон веков была в наличии своя и ничем не хуже заводской. Пшеницу, как-никак, растят, буряк – основу основ.

А вот у Пашки деньги были. Когда он пришёл из магазина, работа по восстановлению его машины уже шла полным ходом: кто-то рихтовал погнутый каркас, кто-то размечал фанеру под дверь, а кто-то достал где-то оконное дефицитное стекло, и оно лежало на верстаке, поблёскивая радостно, готовое к разметке.

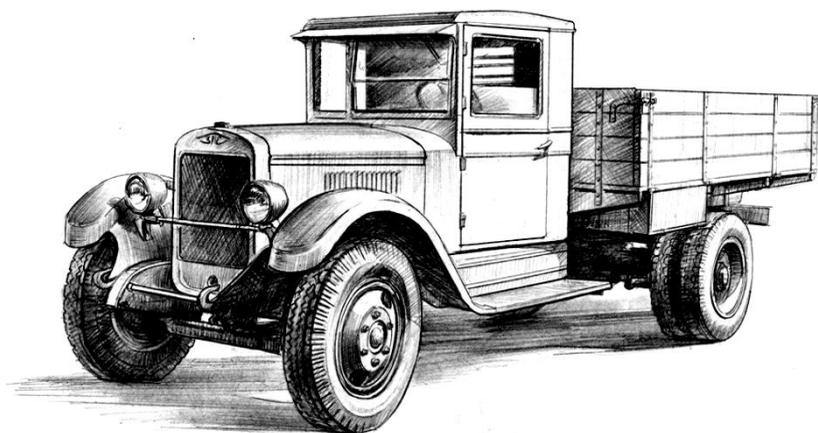
От помощи Пашку отстранили резко. Он прошёл в каптёрку, присел за столом одиноко, заскучал, пригрелся и уснул на сложенных руках.

Разбудил Пашку шум в каптёрке: мужики собирали на стол кто что принёс, весело переговаривались и нисколько не пытались охранить сон спящего – пора просыпаться.

Павел вышел к своей машине и увидел её сияющей, покрашенной и готовой подмять под себя любые километры. Он открыл пассажирскую дверь, на сиденье лежала подписанная путёвка. Плавно прихлопнул дверь, она закрылась без лишнего шума, будто не было никакой аварии, всё, как до ремонта, не отличить.

– Спасибо, мужики! – зашёл Павел в каптёрку. – Век не забуду! Ну, что же, мне пора. Попрощаемся по-доброму?

– Ты что такой неуёмный, Паха? – подошёл к нему Алексей.
– А кто разливать будет? У нас так не принято. Кто виноват, тот и разливает. Прав я, мужики?

Каптёрка зашумела утвердительно.

– Вот, скажи-ка, куда ты поедешь на ночь глядя? – успокаивал Павла Алексей за столом. – С одной фарой, заменить вторую у нас нечем. Краска не выветрилась ещё, угоришь за рулём. Нам потом по новой ремонтировать. А оно нам надо? Переночуешь у меня, а поутру со свежей головой – в путь. Прими для сугреву и будь спокоен.

Чему-чему, а выпивке Пашка обучен не был. Он смутно помнил дом Алексея, его приветливую добрую жену. Дочь, не по возрасту женственную, успевшую вымахать выше Пашки в свои четырнадцать лет. Пашка стеснялся её почему-то, отворачивался от режущих девичьих глаз. А она всё хихикала над великовозрастным увальнем, которого отец зачем-то притащил в дом.

Пашка выпался на мягкой перине, молодой организм легко справился с токсичным отравлением за короткий здоровый сон. Поднялся он первым, бодро, оделся по-тихому, стараясь не разбудить никого, но уйти, не попрощавшись, не получилось,

Лёха вышел ему навстречу:

– Ты, Пашка, не объезжай наши края. Заезжай, если что. Просто так. Поздороваться.

За мужем вышла жена:

– Ты что это гостя выпроваживаешь в рань такую, не поемши?

– Спасибо, поеду я уже.

Лехина жена быстро собрала гостинец Пашке в дорогу:

– Вот, собрала. В пути перекуси. Яички тут, пирожки с картохой. Лучок очищенный, погрызёшь для полезности.

На базе Павла не корили за задержку и разбитую фару. На зимней дороге всякие сюрпризы встречаются, и если за каждую промашку осуждать, в стране шоферов не останется. И только механик Михалыч отвёл своего подопечного в сторонку и спросил по-отечески:

– Ты где машину-то перевернул? Кто кабину помогал ремонтировать? Ты, Павел, осторожней будь. Машиной, это тебе не лошадьё править.

ДОРОГА НА ФОМИНСКОЕ – БИЙСК

В рабочем автобусе не заскучаешь. Мужики у нас разговорчивые, и каждый норовит рассказать с утра, что услышал вчера, что интересного повстречалось, увиделось. Сколько баек там услышать приходится! Все не пересказать. Что запомнилось больше всего, тем и поделимся. Первым пусть Лёха начинает. Он среди нас самый старший, ему и первое слово.

Лёха с Фоминского родом, там и проживает по сей день. На пенсии он уже давно, да всё работу никак бросить не может. «Пока ноги ходят, - говорит, - надоть среди народа тусоваться. В дому одному зачахнуть недолго». Его бы по имени-отчеству давно называть пора, да не принято среди нас, работяг, фамильярничать. Лёха – он и есть Лёха. Так его уважаем, без слов напускных.

Шоферил он всю жизнь, как рассказывает. Последнее время на «скорой» баранку крутил, да зрение с годами потерял. Вот

так и затесался меж нас, дорожников. Какую работу нашёл, той и рад.

– А что тебя в Бийск потянуло? – спрашивают Лёху мужики.
– В даль такую. Неужто у вас там, в Фоминском, работы тебе не нашлось?

– Зарплаты там низкие, – жалуется Лёха. – В Соколово десять тысяч предлагали, у вас же тут – двенадцать. Мне эта разница как раз на дорогу выходит. А в дороге развеешься от скуки домашней, с людьми поговоришь. Знакомые все по маршруту этому ездят. Каждый день: утром в город, вечером обратно. Новости, сплетни, суды-пересуды. Не скучно. Да и с работы отдохнёшь, пока на пассажирском сиденье трясешься. Не за рулём ведь.

– А хозяйство есть у тебя домашнее? Чем кормишься, Лёх? Какими харчами семью содержишь?

– Да какая там семья? Бабка старая, да и я не резвый уже. Хозяйство... Огородик небольшой, какой вспахать ещё по силам. Коровка, молочко. Машка – корова. Эту дуру, Машку, сдать бы давно пора, да бабка всё её жалеет. За ней ведь уход нужен, а года наши уже не те. Её кормить надо, а денег на прокорм не напасёшься. И на пастбища выводить её некому. В другой год собрались мы с соседями и пастуха нашли. А какие пастухи по нашим временам? Пьянь одна. Соберёт пропойца мзду по дворам, стадо в поле загонит, сам же в тенёчке бутылочку обнимет и похрапывает себе на счастье. А коровы-то разные, у каждой своё разумение к жизни. Наша Машка найдёт себе лужицу и ляжет в ней. Домой голодной приходит, с выменем пустым. Заходит в ворота, значит, и – разом к миске собачьей! Приноровилась! А ведь не для неё та еда выставлена. Шарик-то он корову боится, она больше его да с рогами. Так вот: стала бабка миску собачью в будку от Машки прятать. Так та просекла это дело и в конуру головой пролазить научилась. Я уж туда и рейки набил, а она всё одно каким-то макарон пролазит. Туда просунулась, а оттуда никак. Рога мешают. Вот забота у нас ещё появилась – Машку из будки вытаскивать. И так ейную голову свернёшь и эдак. Понравилось коровке такое

обхождение, так она каким-то образом рога в железную лестницу просунула. А оттуда не выдернуть никак. Пришлось пилить.

– Рога? – встрял в интересный рассказ Серёга.

– Лестницу! Балбесина, – огрызнулся Лёха и смолк. Не обучены мы манерам, сбиваем рассказчика на полуслове, потому не прочувствовали до конца жизни деревенской. Не жились. Да и на том Лёхе спасибо, что рассказать поспел.

Ушёл Лёха из бригады. Как увольнялся, нам не доложил. Не по годам ему уже наша работа лопатная. Жалели его, частенько в автобусе оставляли, пока сами асфальт по дороге раскидывали, колдобины из ям городили. Должно быть, просекло начальство это дело и попросило Лёху: давно уж пора.

Повстречался я с Лёхой у рынка во время перерыва обеденного рядом с конторой нашей. Не узнал он меня разом. Зрение слабое, да и память не юношеская давно. Нас-то много, каждый год бригада обновляется вновь прибывшими новичками. Зарплаты мизерные, многих не устраивают.

Вспомнил меня Лёха, улыбнулся, руку ещё раз протянул. Устроился в магазин дворником. Заработок там ещё меньше нашего. Да на дорогу Лёхе хватает, а большего ему и не надо. У каждого свои интересы по жизни.

А у Лёхи интерес остался маленький, один – дорога Фоминское-Бийск.

ЛЕСОЗАВОД

В каждом городе найдётся район-окраина, зона отторжения, так называемый частный сектор. Город Бийск - не исключение. Сколько тут понатыркано этих окраин – пальцев не хватит сосчитать. На все проблемы, поднятые с этих зон, городская администрация отвечает односложно: «Частный сектор

службами благоустройства не обслуживается. Нет в мэрии на то ни денег, ни полномочий. Организовывайте квартальный комитет, собирайте деньги и нанимайте частных».

Рассказать же хочу о небольшом городском закутке, что ютится за Лесозаводом. Место тут ограничено горой и речкой, самая большая ширина обжитых территорий и полукилометра не дотянет. Бия в том месте врзается в гору, отворачивая русло, и прохода вверх по течению нет. Пять дворов вмещает эта земля в поперечнике, не более. Если нижний двор выходит огородам почти к самому берегу, то дом верхнего хозяина врзается в гору.

Это самое близкое от меня место, где я могу отвлечься от городской суеты. Иногда хочется просторов для души, отдохновения, в другой раз тянет насладиться лесными хвойными запахами. Далёкие горы притягивают своей недоступностью. А иной раз достаточно вот такого укромного уголка на то, чтобы успокоиться и задуматься над нашей жизнью суетной.

Бредёшь вот так вдоль речки по тропинке, скрытой опавшей листвой, птичий полёт наблюдаешь: у кого планирующий, у кого стремительный – вот-вот в дерево какое-нибудь врежется птаха. Нет, славировала, юркая, на ветку присела. Хвастает, за тобой, нетопырём, наблюдает.

Порушенные строения, фундаменты, отходы заросли давно кленовыми побегам, и их легко не заметить. Хочется думать, что развалины эти – бойницы войн отгремевших, да разум подсказывает другое: бывшие лесозаготовительные склады и бетонные перекаты для сплава. Тут и гадать не надо: район этот заселён потомками сплавщиков. Сам Лесозавод уже не гремит по городу, пытаюсь наполнить своей деятельностью имя бийское. Шуршит потихоньку заводило и изредка нарушает окрестную тишь шумом внезапно заведённой бензопилы.

Деятельность его можно наблюдать с горы – обширная огороженная территория, в центре которой рекламно красуется единственный сруб бани, не нужный никому. Цены на пиломатериал по сегодняшним дням заоблачные.

На завод мне заходить неинтересно, и я спускаюсь к небольшому пляжу, на удивление сохранённому за разрушительные десятилетия.

Давненько я не пробовал поплавать. Речка принимает всех. Освежит и приласкает любого, не различая характеров, ценой пловца не интересуясь. Песчаный берег согреет и просушит. На пляже места много, несмотря на его скромные размеры. Заходят сюда местные нечасто, им за хозяйством следить надо, не до пустых времяпровождений. На речку они выходят в крайнем случае, порыбачить.

Под гибкими ивовыми ветвями пристроились две соседки, за детишками следят, сами пивко потягивают. Я не осуждаю. Пусть и надо мной не насмеются женщины те за мою водобоязнь. Разделся в дальнем углу, окунулся, согрелся на солнышке, высокие мысли приобрёл. Дамам не помешал, в наше время без особой надобности знакомиться не принято. Одиночество наше было недолгим, на пляжик вскоре выкатил старенький «жигулёнок», и из него вышли трое парней призывного возраста. Водила вальяжно облокотился о капот и хозяйским взглядом осмотрел свои владения. «Смотрящий», - враз определил я воровские наклонности парня. С таковыми мне приходилось встречаться не раз. Не опасны они по сегодняшним временам, артисты больше, нежели забияки. Пovyпендриваются и отстанут. С заднего сиденья показались телохранители «законника», вытащили пиво и расставили стаканы на крыше авто.

– Мужик, слышь..., – услышал я грубое обращение в свой адрес и развернулся к «смотрящему» своей сединой. Тот отстал сразу, разглядев мой возраст, и махнул рукой: «Отдыхай, можно». И среди законников встречаются личности, уважающие общечеловеческие ценности.

«Законник» разделся и устался в свой пляж тоскливым взглядом. Некому было здесь права качать, себя показывать. Не станешь же ссориться с соседками, которые могут пожаловаться родителям, беспутного детину кормящим. А парень и впрямь был откормлен на славу, не на пустых щах рос. И наколок на

его дородном теле не находилось. Алтайцы не особо чтят метки на своих гладких телесах.

Долго ждать не пришлось, скоро на пляже объявился объект для битья – незнакомый юноша спортивного телосложения. Спортсмена пропустили на пляж, а алтаец начал свои приставания, когда новичок успел оголить свой накаченный торс. По всем раскладам победа в поединке должна была достаться качку, уж больно нерасторопным казался алтаец, да гонору у новичка наблюдалась явная нехватка.

– Что пришёл? Чьих будешь? Кого знаешь? – наседал алтаец.

Спортсмен зажался от неожиданного напора и отвечал односложно. Писклявый голос пришлого нисколько не прибавлял ему очков, побеждало басовое рычание и хамство алтайца.

Новичку позволено было залезть в реку. Алтаец заплюхался за ним, подождал на отмели пока спортсмен закончит свой заплыв. Плавать смотрящий явно не умел и топить новичка не собирался, что успокаивало немного раскалённую обстановку. Братва так и стояли подле машины, пиво потягивали, судачили о чём-то неслышно. Этим было не до разборок, отдохали мужики, пока их главарь выпендривался над новичком, свои законы ему доказывал.

Я собрался загодя. Опротивела мне вся эта сценка до самых печёнок. Пережил я давно уличные разборки, не по-человечески они выстроены: «кто сильнее, тот и прав». Уходя уже, заметил, что дело тут до рукоприкладства не дойдёт. Спортсмен согласился с тем, что пляж – не его территория. Алтаец подмёрз в холодной воде, покрылся пупырышками, но держался стойко, главенство в разговоре не сдавал. Общие знакомые нашлись у обоих, и спортсмену было положено право пользования пляжем.

Противное чувство после встречи с «братками» не покидало меня. Какое тут может быть единение с природой после подобных разборок? И быстрая ходьба не помогала настроиться, одиночество не способствовало направлению мыслей в доброе русло.

По пути повстречался знакомый кумандинец, он пыхтел над упирающейся коровой, тянул бестолковую животину за рога, матом ругался. Встречал я его частенько в наших краях, примелькались мы друг другу. «Помочь»? – предложил я и хлопнул корову ладонью по крупу.

– Осторожней! – предостерёг меня кумандинец. – Она лягается.

Корова пошла тем не менее. Я проводил их, пытаюсь заговорить:

– Кормилица?

Не принято среди нас заговаривать без толку, да пока не видит никто, попытаться стоит.

– Дура! – беззлобный был ответ. – Её на новое пастбище переводить замучаешься, сама не пойдёт. Десятки раз на дню приходится к ней возвращаться, иначе домой приходит голодной и с пустым выменем.

– За скотиной уход должен быть, – согласился я.

– Факт. Так ты заходи, – пригласил кумандинец. – Мы молочком приторговываем. Яйцо есть куриное. Вечерком заходи.

– Подоить позволите?

– Не. Бабка и меня к вымени не подпускает, – отказал мужичок. – А молочко у неё знатное! Заходи, не пожалеешь.

Простой человеческий разговор вышел у нас с кумандинцем, а как на душе полегчало разом. И хоть он адрес свой не назвал, именем не поделился, простые человеческие отношения настроили жизнь в должном русле. Встретимся ещё, познакомимся ближе. Не на разных планетах живём.

Прошёл до конца хоженной тропы, что хотел увидел, с речкой пообщался. Не заходил так далеко ещё ни разу. Дальше проходу не было, пришлось возвращаться. На обратном пути приметил двоих пацанов, свернувших от берега к жилым домам. Решил пройти за ними. Не всё же одним маршрутом гулять, надо искать пути новые, неизведанные.

Пацаны заметили моё к ним внимание, сделали музыку громче. По лесу из походного плеера понеслись блатные

деревенские мотивы. Пацаны зашагали резвее, разухабисто ноги выкручивали – заразная привычка. Точно деревенские пацаны. А вроде как городские...

А ведь и я был таким когда-то – пацаном уличных законов. Прошёл через межрайонные стычки, неуставные армейские взаимоотношения. На заводе всё поправилось, в человеческое русло вошло.

До сей поры поддерживаю отношения с товарищем по работе – Сашкой Клишиным, который пронёс через жизнь уличный закон. Вырос он на Тякше, она тогда гремела своей пацанской группировкой не только по Фергане, но и по всей Средней Азии. Это тут был убит брат артиста Абдулова одним ударом уличного каратиста. Сашок набрался авторитета в своём районе с помощью междоусобных разборок под самую завязку, и на работе втыкал всем свои законы – правильные и неоспоримые. Слыл в передовиках, тем не менее, и жизнь его сложилась в пример другим. Правильный мужик был Сашок, и дружбу с ним я ценю по сей день, хоть и разбросала нас жизнь по самым отдалённым закуточкам обширной России-матушки.

Разные люди живут в районе Лесозавода. Кому-то удалось пристроиться после развала предприятий, кто-то упал – не подняться.

Дома характеризуют хозяев. У кого ухожен, тот зацепился за краешек жизни. Развалюшек встречается больше. Верховодят в наших краях понятия тюремные – самые авторитетные по нашим временам правила.

Не нужны никому проблемы государственные, как и государству люди не нужны. А по законам тем выходит, что к жизни достойны самые сильные и упёртые, один из десяти. Остальные же могут подвинуться, не нужны никому, и каждый из нас может выживать как удастся, если захочет, конечно, существовать без смыслов и признанья. А самый верный выход с того – покончить с этой постылой жизнью на бережку, с бутылочкой под мышкой.

Я вышел на Сплавную улицу. Хорошее название ей дали. И профессия сплавщика не без налёта романтики представляется. Там, далеко, через брызги реки... Жили же люди когда-то!

Отчего же сегодня не выходит наладить такую же счастливую жизнь – для всех? А кому по нашим временам сплав по реке понадобится? Никому...

Две улицы проходит по этому району. Вторая – Аэродромная. Откуда такое название взялось? Двадцатый год живу тут и спрашиваю у всех. Не знает никто. Какой аэродром может быть в этом закутке зажатом? Никакой самолёт тут не взлетит, хоть под хвост ты его сапогом подгоняй. А название улицы есть и не меняется десятилетиями.

Через неделю после описанной прогулки повстречал я у своих ворот деда Серёгу, старожила здешних мест. Спросил соседа об улице Аэродромной.

– Был аэродром, – припомнил дед. – На горе, меж посёлком кумандинским и кладбищем новым. Только кладбища там тогда ещё не было. А улица та по горе вверх поднимается.

Малая авиация, сельхозавиация – пережитки прошедшего века. Заброшенные аэродромы – удар ностальгией по рёбрам!

Так выведет ли когда здешних пацанов та улица Аэродромная в большую жизнь? Или же прозябание в захолустье изначально предначертано им нашим государством великим?

Алексей Геннадьевич ФАНДУХИН

Писатель. Председатель Алтайского регионального отделения Российского союза писателей.

Родился в 1960 году в городе Бийске Алтайского края.

2019 год: гран-при на фестивале деревенского юмора в рамках "Шукшинских чтений", шорт-лист в международной литературной премии

(Беларусь), лауреат национальной литературной премии "Золотое перо Руси".

Проживает в городе Бийске.

ПАМЯТИ ГАЯ

(часть третья)

Тепло, простившись у подъезда с Геннадьичем и Владяном, поднялся в свою квартиру.

Услышанный рассказ и воспоминания взбудоражили память. Нужно не откладывая в «долгий ящик» сесть и записать услышанное. Пусть увековеченное слово останется на бумаге. Не долго раздумывая, набираю Геннадьича:

– Алло! Слушай, а что если завтра, поближе к обеду приеду к тебе в офис и продолжим наш сегодняшний разговор? Буду за рулём, так что обойдёмся чашкой чая.

– Не вопрос! Думаю, что производственный процесс за пару часов не пострадает, поймет, да и простит коллектив.

Ухмыльнулся про себя. Простит, непременно простит ради святого дела дражайшая половинка, кою в шутку обозвали «рабочим коллективом» в маленьком семейном бизнесе.

Любила она Гая больше чем себя, да и всех окружающих.

У ворот предприятия встретил сам хозяин. «Пойдём-ка, не терпится мне дорассказать про Гая».

Чайник ещё только-только закипал, а Геннадьич уже сноровко раскидал на стол тарелки со снедью.

Сижу, кручу головой, разглядывая великое множество дипломов, медалей и кубков за долгую спортивную карьеру хозяина, и вдруг слышу, как по кафельному полу, сопя и постукивая коготками, через порог вкатывается прелестное чудо – совсем ещё крошечный заспанный щеночек.

Деловито оглядевшись и приметив незнакомца, нахмурился и выдал вместо приветствия нечто похожее на задиристое «Гав»! И тут же, присев по «маленькому», изладил внушительных размеров лужицу, чем нисколько не смутился, деловито отправившись в обратный путь.

– Долго с женой раздумывали брать или не брать щенка, – заговорил хозяин. – Больно уж тяжело терять братьев меньших наших. Но, видать, судьба. Не было от Гая щенков, а тут, как знал расклад Всевышний, распорядился напоследок. Вот себе «алиментного» и оставили.

– Глазёнки его понравились. Умненькие! Будет толк с кобелька, ох как будет! – поддержал разговор я.

– Надеемся, что так. Долго ни с кем не сводили, а тут появился у меня в соцсетях друг. Тысячи у меня их в Одноклассниках. Месяц, второй «дружим». Пишет сообщение: Так, мол, и так. Есть у него сучонка-двухлеток, не «крытая» ни разу и случилась с ней «сшибка», – полностью утратила интерес к охоте, дичь подавать не стала, а после выстрела начала прятаться.

Ветеринары в один голос утверждают, что на гормональной основе. Пообещали с Гаем «помочь», как в «охоту» войдёт. Пообещали да и забыли. Хозяин только не забыл. Гай – «парень» у нас хваткий, опытный, долго раздумывать не стал, да и девка собачья перед красавцем сразу и растаяла. А через

пару денёчков ещё и контрольную вязку сделали. Вот и выдал «на-гора» потомство: трёх кобельков и пяток сучонок. «Опыта» большого у него-то и не было, да и откуда ему взяться-то, всегда под приглядом.

Была, правда, история, месяцев десять Гаю было, приезжаем на работу, а сторож идёт навстречу, улыбается хитренько: «Всё говорит, алименты платить будете».

«Оттарабанил» наш невесть как попавшую на территорию течную дворняжку. Да пару-тройку лет назад разок сучонку из Буланихи привозили. Паренёк купил собаку в Барнауле у жуликоватого охотинспектора, тому престарелую суку пристроить надо было, вот и убавил возраст ровно в два раза.

Это за пару звоночков легко выяснили.

Гай и в этом случае справился. Щенка алиментного не дождались, денег за случку не брали. Хозяин отзвонился, вроде как пустая течка прошла. Выяснять суть не стали – прошла и прошла. Разговоры краем доходили, что есть, вроде, щенки от Гая.

– Большой мой Гай был специалист по полевой дичи! – после недолгого молчания Геннадьич продолжил рассказ. – До сотни перепелов, десятками серых куропаток, случались нередко и тетерева-косачи в сезон.

На три-четыре района путёвок наберём и ездим день да через день, как август настаёт. Как он работал! Пару раз случалось, что влёт перепелов зубами подхватывал! Только поля подберут комбайны, освободят просторы – приходит наша пора!

Ружьишко товарищ мне давным-давно подарил, когда стендовой стрельбой увлекся. Знатное ружьишко. Всем ружьишкам ружьишко! Стволы короткие, «цилиндр» с «раструбом». А прикладистое-е-е! По спецзаказу деланное, для спортсменов. Всего-то выпущено не более двух тысконок. Не ружьё, а счастье!

Сначала не зашло оно мне – не мог попадать как след. Приклады делал-передельывал. Хотел уж крест на нём ставить. Да и Гаю спасибо, что в моей жизни появился. Чаше

«накоротке» стрелять стал. А с практикой и стрельба пошла! Результативность порой подходила к тому, что делаю один выстрел – одна перепёлка.

И брат мой охотничий не подводил. Редко, когда сбитую птицу не найдёт! Уверенно «срывать» стойку по перепелу перестал к двум годам.

С выводками куропатки и косача было посложнее. Горячился парень, ох как горячился, но были хорошие результаты, ох как были! Были за ним и грешки по молодости. Доходило до курьёза! Сшиб как-то молодого перепела в высоченной гречихе, пал тот метрах в двадцати. Гай пошел на выстрел, вижу, завозился – нашёл, значит. Подзываю. Трусит ко мне, в зубах птичку тащит. Остаётся пара метров, вижу, как челюсти сжимаются-разжимаются, судорожный глоток и...на языке остаётся только прилипшее маховое перышко – проглотил паршивец нашу добычу.

Ругаться не стал сильно – только пожурил. Видать, каких-то микроэлементов в питании не хватало, вот с пером и проглотил.

Никогда не бил я собаку. Хватало и слов. Порой и грозных. Умный пес...был.

Снова возникла пауза.

– Было ещё раз или два, когда птичка исчезала бесследно в траве. Пёрышки есть, Гай тут крутился, а птички-то и нет. Ну, а на нет суда-то и нет, – как бы про «себя» растеряно-задумчиво проговорил Геннадич. – Послушанием Гай отличался порой отменным. С годовалого возраста мог часами, не шелохнувшись, сидеть со мной в скрадке, поджидая налёта гуменника. Но не всегда.

Как-то сидим в скрадке по «гусю». Пёс, завидев на горизонте стайку косулёшек, потревоженную охотниками, умчался за ними.

Бывало, и до курьёзов дело доходило, – продолжил рассказ Геннадич. – По весне ранней охотились в Усть-Пристанском районе. Гуся почти не было, так, изредка пролетит пара-тройка

на горизонте, но готовились с напарником Ванькой к охоте серьёзно: притащили тралом специальную машину трофейную, загрузили пожитки и ушли туда, куда ни одна другая техника по весенней распутице, акромя вертолета, попасть не могла.

Выставили профиля, скрадок. В нём стол накрыли, стопочки серебряные из «генеральского» чемоданчика достали, ну, ты его знаешь! Не раз причащались! Всяческой снеди под закусь пруд пруди.

Ждали, ждали гуся – все глазоньки-то проглядели. Гай с нами, в скрадке. Час, второй, третий. Надоело смотреть на компаньонов, бражничающих, вышел из скрадка. Присел и бдит! Долго сидел – нет гуся! Мы тоже бдим зорко, поглядываем, но большей частью в рюмку.

Слышу движение за скрадком – Гай забеспокоился, приподнимаюсь с кресла и вижу, как к профилям, низенько так, на бредущем заходит пара. Пока встаю, пока тянусь за ружьём, собачен срывается с места и несётся гусям навстречу. Подвернули те в сторонку, уселись метрах в трёхстах и пасутся,

как ни в чём не бывало. Испортил тему, да и мы-то хороши! Так что больших претензий друг к другу не было.

Гусей много с ним не добывали, – как-то всё стороной последние годы перелётный гуменник идёт. Но нынешней весной всё же отличились! Налетела пара на профиля на заливной Ануйской косе. Стрельнул, да далековато! Хороший патрон был, да и второй выстрел – тоже неплох! Рухнул гусь камнем под дальний берег Ануя. А весна-то полноводная! Несёт река птицу быстро. А вода, что лёд, – холодна! Гай молчком бултых в воду и поплыл! Метров на триста снесло собачку с гусем течением. Долго пришлось продираться берегом, но добыли!

– А как красиво к Опарину в гости-то съездили! – мечтательно запрокинув глазоньки к потолку, предался воспоминаниям Геннадьич. – Ноябрь поздний был. Звонит Анатолич: «Приезжай, взял бумажку на косулёшку. Поживём пару-тройку деньков в зимовье, в баньке попаримся, за столом посидим! Давно не виделись, скучаю».

Не первый год живу по принципу: пока зовут – надо общаться. Собраться, что голому подпоясаться. Четыреста вёрст с гаком для бешеной собаки не крюк, так и нам с Гаем.

К обеду уже в Крутихе!

Время машинами двинулись в путь. Были ещё гости. Били бамперами целину долго, но оно того стоило! И по куропатке отлично сработал Гай, и заячий следок свежий понюхал, ну а удивил Гай компанию на день третий, крайний!

Козы не сказать, что много было, но всё же курана загнали в негустой колок. Оклад сделали – нет следа выходного! Расставили стрелков, а я с собачкой на входной след. Снежку в перелеске берёзовом чуть «по щиколотку». Козой плотнячком всё избито!

Пошёл мой дружок, взял свежий след! Да как взял! С голосом, как заправская гончая. Слышу – отдаляется в азарте.

Колок всего-то метров четыреста в длину да сотню в ширину. Понимаю, что прямо идёт на стрелковую линию.

Тишина! Только и слышно лай хрипловатый, Гаевый! Да и не так-то и далече. Чу! А лай-то приближается! Изготовился к выстрелу. Картечь в обоих стволах в ИЖевке. Готов к стрельбе.

И не зря! Вижу, как сторонкой, метрах в десятке, не больше, навстречь мне скачет козёл, а следком, метрах ещё в пятнадцати, Гаёк красной курточкой-жилетиком отсвечивает. Вскинул ружьишко с упреждением. Прямо по шеяке и оттянул картечью. Колом лёг зверок, – не шелохнулся!

На «кровях» да под жареную печёночку пошли разговоры, и вот что выяснилось-то! Гаёк прямёхонько выставил косулёшку на стрелков, а сам «сидит» с борта плотно и как бы назад подворачивает. Стрелять поопасались, дабы собачку не поранить. А он-то умница! Не дал мужичкам стрельнуть, а подвернул зверя копытного не кому-то, а под папкин выстрел!

– А как знатно мы с ним в Советский район прокатились! Рассказывал?

Историю эту я, конечно, слышал не раз, но как об этом скажешь? Настрой рассказчику сломать репликами: «да, слышал», «рассказывал ты уже» – раз плюнуть!

– Позвонил Лёха Маликов из Кокшей. Так-то он давно уже не Лёха, а Алексей Григорьевич, да и возрастом к середине восьмого десятка приближается, но маленькая собачка – до старости щенок. Так и он. Мелкий, подвижный, балагуристый. Чем не Лёха? Знакомы были с середины восьмидесятых века прошлого. Охотились вместе как-то в Салаирской тайге «по волкам».

– На праздниках охотничьих у него бывал. Курьёзно да и весело у него бывало! То чучело косули на лыжи поставит и на верёвке за снегоходом тащит. Стрелку надо было в косулю попасть. Мозгов совсем по молодости у нас не было! Верёвка метров двадцать, дистанция до мишени триста. Задача: пятью выстрелами попасть в мишень. Как Господь отвёл от беды! И выдернул же я жребий стрелять первым!

После третьего выстрела мишень разлетелась на запчасти, да и верёвку буксировочную тоже перестрелил. А так-то неровён час из трёх десятков охотников, что собрались на забаву, кто-то бы да нашёлся, кто в косулю не попал бы, а вот голову снегоходчику Вовке, сынку Лёхиному, точно бы отстрелил!

– Так вот, – продолжил рассказ Геннадьич. – Звонит Алексей Григорьевич и сразу к делу: «Слухи ходят, что собачка у тебя очень хорошая. Приезжай, помоги с отстрелом. Охотники у меня всё больше диванные да застольные и стрелять не могут. Палят часто, громко, но одна беда: попасть не могут! Приезжай! В смычке с гончаками поработает».

– Собраться – дело недолгое. Час в дороге, и мы с Гаем уже на месте. Рельеф не сказать что сложный, с проездом, да и снежок податливый – идёт Крузак на 35-х тапках. Все ходы зверовые Маликов знает, как свои пять пальцев. Откуда загонщиков запустить, как стрелков поставить.

Расставились. Нам с Гаем поставили задачу перекрыть сектор в чистом поле с дистанцией стрельбы метров по четыреста в каждую сторону. За спиной узкий и густой колок.

Машину маскировать не стали, да и в снег зарываться по «уши» – тоже. Залезли в салон, тепло, солнышко пригревает. Карабин лежит на капоте. Вглядываемся внимательно с напарником. Вижу: Гаёк мой заволновался и тревожно так в даль всматривается. И точно! Из-под гончаков несётся козёл прямо к нам в лоб, а за ним на линии выстрела охотники. Выкатываюсь колобком, хватать карабин, патрон в патронник – зверь уже метрах в семидесяти. Заметил движение и подворачивает в профиль. Мне только на руку! Стреляю – мимо, успеваю перезарядиться – второй выстрел – тоже мимо, и не мудрено! Остановил ствол, дабы не подстрелить охотника на стрелковой линии.

Гай мой вон из салона и понёсся за козлом. Местность лесистая. Нырнул козлик в чащу – Гай за ним! Благо полоска согры не широка, перескакиваю пустошь – готовлюсь к выстрелу. Не проходит и трёх минуток, как метрах в трёхстах с

лишком косуля на полных махах пытается полянку перескочить. Гай следом выскочил, отстаёт метров на пятнадцать. Стреляю с упреждением в пару корпусов. «Бука» от попадания не слышу. Косуля залетела в кусты – Гай за ней.

Осматриваю свой сектор ответственности и вижу, что на соседний номер, что от меня слева, несётся двойка косуль. 450 метров. Выцеливаю, стреляю. Слышу «бук» – глухой удар. Есть попадание! Патрон хорош 300 вин магнум! Не уйдет подранок! Завожу машину еду посмотреть, выяснить обстановку. Покрутился, покрутился – нет крови на следу. Похоже, пуля в ствол дерева прилетела, вот и показалось, что попал по "месту".

Вторая наша машинка в поле загонщиков подбирает, недалече, метров пятьсот. Гай рядом с ними шнурит, подскочит к машине и назад, как бы зовёт куда-то мужичков за собой. Подобрал своего кобелька и следом за машиной организатора. Крутанули низинки за сбежавшей парой, слышу, стрельба идёт. Маликов сшиб метров с пятидесяти гонную косулёшку плотностью огня. Красиво сшиб. Моего видать подранка. Хрен сознается – тот ещё жулик!

Пока обдирали да впечатлениями делились, гончаки потихонечку куда-то свинтили, благо GPS-ошейники на собаках. Определили координаты – топчутся на одном месте. Зашли сторонкой. Пустил Гая. Тот крутанулся к гончакам и к машине.

Григорич выходит гоголем, радостный такой и давай Гая позорить: «Гончаки козу дербанят, а твой нюхнул и в сторону. Херня собака!»

Стоп! Давай-ка разбираться. А что за козу дербанят? Опачки. Не ту ли, что я красиво сшиб на полном скаку за триста с гаком метров. Вышли на прогал – моя коза. А не Гай ли к козе народ звал, когда нашёл битую напрочь в кустах? А сейчас ему с парой выжлецов что делить-то?

Примолк говорун, признал, что и выстрел хорош и собачка отработала, как следует. Промолчал об одном: ума б охотникам дать ещё собачачьего.

Расстались в непонятках. Не совсем довольные друг другом. А чего недовольничать-то? И с мясом, и с полем! Знатё бы, что сынок хотел-то сказать, не было бы скандала. Когда Григорич обвинил Гая в том, что козу битую не нашел. А получилось вот как: сорвался я после стрельбы с номера смотреть те самые «буки», а Гай-то пошёл за козлом в кусты, за тем, что я стрелял в просвет полянки. Пуля моя его по груди на убой и «хватанула», козёл по инерции пролетел в прыжке и «козяб» в кусту.

Так что претензий быть не должно!

– Знаешь чё? – лукаво подмигнул Геннадьич. – Разговоры у нас долгие, так что машинку придётся тебе здесь оставить. Как раз время подошло «имбирную» мою попробовать.

Возражать не посмел. Когда ещё придётся такой занимательный рассказ послушать. Да и придётся ли? И грех было отказываться от божественной амброзии, слаженной собственноручно хозяином!

– Виноваты с Гаем мы перед Григоричем, знатно виноваты! Дело вдругорядь было. Хороший загон. Встали с Гаем на «прострел» шириной в километр. Пятьсот туда, пятьсот сюда. Стрелка - снегоходчика поставили поодаль. Григорьич со своей загонщицей-поварихой полез в согру. Знает, шельмец старый, ходы зверовые!

Выставил зверя от меня грамотно, хотя и далековато. Вроде и заметил я движение вовремя, а снегоходчик откровенно «просохатил» стайку. Несутся во весь опор, метров под семьсот. Отстрелял обойму с колена, перезарядился и... вижу: подворачивает пятёрка прямо нам с Гаем в лоб! Видя перспективу отличиться перед папкой, сынок срывается наперерез косячку. Козлы в россыпь! Пострелял метров с двухсот так, чтобы Гая не хватануть, да где там! Мимо!

Григорич опять с претензиями: чо я так редко стрелял! Плотностью огня валить нужно было. Объяснил популярно: балбес ты, Шарик. Стрелять нужно выцеливаясь. Профи тебе говорит. Замолчал, обиженно поджав губёшки.

Про наш косячок с Гаем благоразумно промолчали. Недолюбливает старый хрыч собачек, ох как недолюбливает. Кошатник, наверное.

После второй стопочки крепкого напитка разговоры пошли побойчее! И вспоминал Геннадьич, как по барсуку ставил собачонку и как сурка – двухлетка загнал тот под коряжку в кленовой посадке.

Одно сетовал, что к пяти годам зубы Гаёк сильно посточил. Женька, старинный приятель по службе, частенько костей со своего колбасного цеха подбрасывал. Не держал Гаёк мертвой хваткой зверя, да и не было в нём лютой жажды убивать. Так что бывало и уходили короткохвостые восвояси. Не жалко! Горевал, что старость встречать с кобелём будет беззубым. Ан нет! Вона как получилось.

Налили по третьей. Не чокаясь, выпили – помянули.

– Эх-х-х! А как в садоводстве хорошо нам было! Взяли специально заброшенный участок на окраине. Шестьсот метров, через поле гречишное речка, а через семьсот, на юг, сосновый ленточный бор! Раздолье! Пробежки десятками километров. Наплавается, накупается Гай в бодрящей водичке Бии-матушки! Всех котов в округе на деревья позагоняет без злобы, без фанатизма. Папке показать-похвалиться! Навыки пригодились. Белки в наших краях отродясь толком-то и не было, а вот куниц пару раз под «выстрел» ставил красиво. Было дело!

– Вот тебе что хочу рассказать-похвастать! Подсадных по весне себе завёл: утку, а вскоре и селезня. Гай уж совсем взрослый был. И отдать должное, принял их за своих! Сшибу из скрадка селезня, что Ньюша с Ньюхом выманили, а Гаёк-то плывёт мимо наших напрямки к битой птице. Ни один нерв не дёрнется! Не тронет! Сразу так повелось!

А вот что ещё лохмаче как-то вытворил! Дело было в Алтайском. У товарища прудовое хозяйство. По ночи рыбачить «по Сабанееву» собрались, а до темноты «повечеровать» с

подсадными. Пока ходили высмотреть, где рыбёшка плещется, уток высадил на воду, отдохнуть от неблизкой дороги.

Идём назад, Гаёк передом умчался. Слышу утиный переполох!

Поспешили с напарником и видим такую картину, что кровь в жилах застыла! Гаёк тащит в зубах, крепко прихватив за шею Ньюшу с берега в воду, та молчит, не трепещется! Убил, ирод! Отплыл на пару-тройку метров от берега. Выпустил птичку из пасти, а сам на берег, к папке. Радостно так подскакивает и в глазоньки совсем не виновато поглядывает. Ничего не пойму! Ньюша, как ни в чём не бывало, плавает с ногавкой, Гаёк хвостиком-обрубешем виляет.

Тишина и полная идиллия! Только одни коршуны над головой в небе вьются. Задумался, и тут-то до меня дошло! Ньюша с Ньюхом спрятались от хищников в траву высокую, а Гаёк решил, что так непорядок будет и попёр утку на воду. Нисколько не повредив!

Было и раньше такое: придремлют подсадные, устанут крякать. Подплывет к ним молчком, взбодрит. Орут как истощные, работают! Ну, а так, чтобы за шею таскать на воду! В жисть не было!

– Давай ещё по единой!

Налили в замшелые серебряные рюмки наливочки, выпили, закусили. «Эх-х-х-х! Засмолить бы по папиросочке, но давно, друг мой, не курим. Хорошо жить и каждому дню радоваться!» – проговорив, Геннадьич отвернулся в сторонку. Видать, опять накатила непрошенная слеза. Вижу, вижу, как рвётся, плачет его душа. По Гаю плачет!

– Помирать буду, не забуду три наши последние с ним охоты! Это надо ж так! Какой на седьмом году с него мастер по охоте получился! Только-только «открылись» в августе по «полевой»: сорок минут от дома – есть пара косачей с выводка и перепел! Три выстрела – три птицы!

– А на первой охоте вообще курьёз случился! Пошёл Гай верхним чутьём – я за ним. Стволы наготове. Патрон в патроннике – девятка – бекасин. Гай крадётся, да и я сторожкой иду, не поспешаю. Замер, встал в стойку. Как вкопанный! Подал команду «Дай». Гай срывается и... поднимает выводок косачей. Выцеливаю птицу метров с пятнадцати и понимаю, что мелковата дробь! Азарт! Стреляю.

Битая наглухо птица камнем падает в редкую траву. Взглядом провожаю стайку и... замечаю, что, отделившись от сородичей и заложив круг, прямо на меня идёт черныш. Вскидываю ружье, чтобы сделать ещё выстрел. И... Опускаю стволы. Птица, не долетая пару метров, камнем падает к моим ногам. Один выстрел, и два добытых трофея.

Зная Геннадьича не один десяток лет, скажу, что стрелок отменный, да и лишнего не наговорит. Так оно и было!

– Давай ещё по «писяшке»! – предложил Геннадьич. – Двадцать два года за Алтай отстрелял из боевого оружия в сборной команде «Динамо», на стенде пару раз в финал выходил краевых соревнований, но стареем, брат, ох как стареем. И нет теперь у меня помощника моего, Гая!

Сынок подрастает, но будет ли толк в охоте? Одному ГБ известно, но отраднo, что умён. Умнее папки будет! Да и папка не дурак был! Как-то заскочил старинный приятель мимоходом, по пути в Горный Алтай. А тут Чемпионат мира по футболу на носу. Поставили Гая в ворота, мячик выкатили. И знаешь, что дружок Гришка мне тогда сказал? – Гай – единственная собака, с которой я в футбол играл... Причем оба с ним понимали суть игры...

Продолжение следует, потому что Гай будет жить в наших сердцах и будет жить рядом с нами его сыночек – Харт. И мы жить будем!

Лидия Константиновна КАЛАШНИКОВА

Член Российского союза писателей с 2014 года. Юрист. Родилась и живет в Барнауле. Неоднократно номинировалась на премии: "Писатель года", "Наследие", Диплом "Писатель 2015 года". Пишет для семейного чтения. Печататься начала в газетах, журналах, потом в сборниках

совместно с другими авторами.

У автора более 15 авторских книг, среди которых: «Мозаика жизни», «Приключения во сне и наяву», «Шкатулка волшебных сказок», «Жизнь и иллюзии» и др.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Удивительно, но людей, которых мы знали долгие годы, а то и всю жизнь, мы вспоминаем уже такими, какими они стали в зрелые годы. Такое впечатление, что в полной мере понять человека и узнать его можно уже только взрослым. А может, именно тогда мы и есть, мы – настоящие, со всей полнотой, что дана нам Богом и жизнью?

Люди мне всегда интересны.

Вспоминая свою жизнь, я восстанавливаю в памяти разные картинки, всплывающие в мозгу. Среди них облики деревень, в которых я бывала. Они разные. Но мне почему-то видятся маленькие избы с печью-комельком посередине и с

малюсенькими оконцами, из которых льётся яркий солнечный свет.

И в памяти рождается, как я просыпаюсь в таком доме, слышу пение птиц, кукареканье петухов и отдаленный лай собак. Иконы в углу, часы с гирькой на стене. Видимо, всё это потому, что бывала я в деревне летом, во время школьных каникул у брата папы, дяди Афони. Помню и его с деревяшкой вместо одной ноги. Это не удивляло, ведь тогда в послевоенные годы такое приходилось видеть нередко.

Иногда вспоминается сосновый бор, что был совсем близко от их домика, и тропки в бору среди травы. Помню, как утром, проснувшись, мы иногда бежали с кружками к бору, мимо железнодорожных вагончиков, в которых жили семьи железнодорожников. А там уже на опушке можно набрать сладкой, красивой и ароматной земляники, что пряталась среди зеленой листвы. Потом мы шли домой, ели ягоду, запивая свежим молочком от соседской коровы, или заливали ее этим молоком в миске. Это было красиво: красная ягода в белом молоке, которое постепенно розовело, окрашиваясь ягодой. Ах, как это было вкусно!

Иногда в памяти всплывала большая деревня с пыльной дорогой, проходящей по селу. Идешь босиком по этой дороге, и ноги буквально утопают почти по колено в теплой, разогретой солнцем пыли. И это казалось приятным. Пыль была словно пух, мягкая и пушистая. Транспорта тогда мало было, и я помню, как клубы пыли поднимаются позади машины, закрывая солнце и все вокруг, и потом еще долго не оседают после того, как автомобиль удалится.

Памятны мне и грузотакси, на них мы приезжали в деревню. Это грузовик с лавками в кузове посередине. Едешь, смотришь вокруг, и ветерок овеивает тебя. И всё же чаще вспоминаются люди. В нашей памяти множество людей, с которыми столкнула жизнь в то или иное время. И всё же в детстве я мало обращала внимание на кого-либо из людей, в ленте памяти они остались, но прошли мимо как-то незаметно. Мало событий и лиц запечатлелось в памяти надолго. Было ли оно важным, и

что важно нам? И всё же кто-то так оставался в памяти именно ребенком. Может, потому, что каждому овощу, и правда, есть своё время? Если так, то у каждого из нас тоже в жизни есть своё время, когда наша суть проявляется особенно ярко.

Тетю Тасю я запомнила уже возрастной, хотя я знала ее долгие годы, с самого детства. Я даже помнила что-то из жизни и событий, которые нас с ней связывали. Только после смерти я узнала, что у нее на самом деле очень красивое имя – Анастасия. Так вот звали ее с самого детства – Таськой. С этим именем она прожила всю свою жизнь. Родилась Таська задолго до революции в небольшом селе, разделённом на части речкой Вилюйкой, которая летом разливалась, затопляя луга и огороды. Неслучайно и дома в тех местах ставились на высоких столбах лиственницы, да и амбары так же... Привычным было кур держать под крышей дома. Да и скоту, особенно народившимся козочкам и овечкам, всегда находилось место в доме, рядом с хозяевами. Летом вода уходила, и речка превращалась в небольшой ручей. В больших мостах необходимости не было. Была в деревне церковь и школа при ней. Там и училась. Вот в этой-то деревянной церковке и была записана Тася Анастасией. Называли бы ее иначе: Настей, может, и жизнь ее сложилась как-то иначе. Как знать?

Детство её было обычным, как у всех в сибирской глубинке. Семья была большая, а, вырастая, дети покидали свой дом и начинали собственную жизнь. Когда на Алтай пришла революция вместе с гражданской войной даже в такую глубинку, старшая сестра уже замужем была, брат-подросток ремеслу учился где-то. В 1918 году на ступеньках крыльца родился младший братишка. Мама умерла сразу после родов. Отец сгинул вскоре неизвестно куда. Время такое было. Шла гражданская война. Исчезали порой люди. Осталась Тася сиротой, благо дед с бабушкой живы ещё были, да были другие родственники в селе и в городе.

Закончилось детство.

Вскоре совсем молоденькой замуж она вышла в другое село Старо-Краюшкино, что не так далеко было от родных мест.

Родила сынов Аркашу да Виталика. А там коллективизация, а вскоре и война.

Осталась одна.

Веселая и улыбочивая Тася привлекала мужчин своим легким характером и простотой, но семьи новой не получалось, зато пересудов деревенских хватало. Одиноким женщинам от них часто достаётся.

Незаметно сыны подрастали, в армию сходили, вернулись, по счастью, живы-здоровы. Белоголовый Виталька, чем-то похожий на артиста Юматова, был шофером (почту возил). Вскоре он приглядел голубоглазую Нину с огромной копной рыжих волос на голове, что на почте работала. На ней и женился. Свои сыны народились. Какая ни на есть квартира появилась в деревне.

Аркаша, невысокий, голубоглазый, похожий на отца, работал то в санитарной авиации (опылял колхозные земли), то рыбоводством занимался. На досуге охотничал да рыбачил. Долго он не женился, всё присматривался. Приглядев дочку милиционера, Надежду, что уже окончила пединститут и работала в детском доме, женился. Детей Надежда любила, но Бог своих деток не давал, так что со временем взяли дочку в детском доме, где Надежда работала. Любили ее, как родную, и дали ей все, что могли по тем временам.

Тася с Аркашей жила, но случилось, что серьезно заболел он, а после операции на голову не выжил.

Надежда почти сразу замуж вышла за отслужившего военную службу соседа.

Вот и купили Тасе отдельную избушку у речки. Там ей и лучше было. Сама себе хозяйка. Жила она там порой то с одним, то с другим из мужиков. К тому времени старшие сестра и брат умерли, а младший все в городе жил. Пожила Тася, пожила в своей деревне, да и уехала с семьёй Витальки в Асино – с собой они её позвали.

В детстве летом мы с братом часто гостили у тети Таси. По грибы она с нами ходила. Мы с деревенскими детьми хороводились, с братьями Надежды, которые близки были нам

по возрасту, даже «на товарочку» вечерами бегали, куда собиралась в основном молодежь постарше. Там под гармошку песни люди пели, плясали, танцевали. Такое вот вечернее развлечение было, не только в клубе.

Помню, идём мы с тетей Тасей по грибы среди околков березовых по дороге лесной, грибы высматриваем.

– О, какое «вёдро» нынче, – радуется тетя Тася.

Солнце сверху палит, от земли чуть ли не пар валит, дышит земля, радуется дарами своими. От жары пить хочется. А воду-то с собой и не брали, только по ломтю хлеба, по огурцу да по пучку лука. Но кружечку с собой тетя Тася брала. Вынет её, зачерпнёт сверху из лужи, чтоб не перемутить воду, вот мы и напьемся. Никому и в голову не приходило, что заболеть от этого можно.

– Ну вот, робяты, насбирали грибов-та, счас картошечку нажарим с грибами, – смеётся тетя Тася, – а грузочки я посолою, пожалуй.

Оно и в деревне тоже, бежишь через огород, то огурец схватишь, то морковку выдернешь, об себя вытер и ешь, хотя за водой далеко ходить и не надо было. В огороде колодец был с журавлем, воды достать можно всегда. Сейчас таких колодцев что-то не видать стало в деревнях.

Как сейчас помню, как она приезжала в гости из своего Краюшкино в Барнаул. Быстрая она была, скорая, не идет, а почти бежит, сколько бы груза с собой не несла. Порой через плечо котомка у неё и в обеих руках по большой сумке, в них всё больше гостинцы для семьи брата. Баночка грибов соленых, мешочки с грибами да с ягодами сушеными, семечки сушеные и жареные, да и другие дары природы всегда кстати. Встретишь её, бывало, предложишь помочь, так она только смеется в ответ:

– Беги, куды бежала, я ещё до базара сбегаяю, семечек маненько продам и сюды вернусь к вам.

И бежит, несмотря на количество котомок, что с собой привезла. Глядь, и правда, недолго её вроде не было, а уж вернулась.

– Ой, убегалась я ноне. Не очень мне в городе-та ндравитца, – скажет она, а мы смеемся, радуясь ееговору.

– Ну, чего ощерились, принимайте гостинцы-та, – скажет она, выставляя на стол свои незатейливые гостинцы. – Вот опять кружков навязала из тряпок, что ты, Маша, дала прошлый раз-та, – скажет она, вынимая из узла круглые коврики, что нравились маме, а это половичок сварганила из них. Сгодится, ногам-та теплее будет.

– Хорошо у тебя получается, Тася, красиво, – скажет мама, а Тася только засмеется в ответ, показывая свои зубы в железных коронках, – да ты раздевайся, чего за подарки-то сразу, – скажет ей гостеприимная золовка.

– Пимы-то мои поставьте посушить, – скажет Тася, подавая свои валенки, и снимает уж потом плюшевую черную жакетку и полушалок. Разденется и останется маленькой и хрупкой. Гребнем расчесет редкие свои темно-русые волосы и оставит его на голове, как принято было в те годы.

– Что могу, то и везу. Пензия-то у меня маленька. Санитаркой в аптеке работала, скляночки разные мыла да чистоту наводила, а зарплат больших там не было. Да у других баб порой и такой нет, – скажет она, довольная собой.

Потом она вынет из-за пазухи узелок с деньгами да на краю большого носового платка пересчитает свое богатство.

– На вот, возьми гаманок, чего с узелками ходишь, – предложит, бывало, отец сестре, улыбаясь.

– Чего ощерился, братка, мне так больше ндравитца. Было бы мне шешнадцать годков, там модничала бы, а сейчас на пензии мне все это не шибко важно.

– Как поживаешь, рассказывай, – спросит мама, накормив гостью и всю семью, не забыв налить и по маленькой папе и тете Тасе, чему они радовались оба.

– Да, чо рассказывать-та. Живу всё ещё с Ванькой, вы ж видели его, когда приезжали помочь копать картошку. Жалко его. Из тюрьмы вернулся и никому из родичей не нужен. Как тверёзый, он ведь хороший, добрый, да и поможет всегда. Вона

каку гору целу дров-то наколол. Ну, а напьется, так сама не рада.

– Ну, так живи одна.

– Одной скушно, да и жалко его.

– Всех тебе жалко, – скажет мама огорченно, – себя бы лучше пожалела на старости лет.

– Натура у меня така, всех жалко. Живые жалеть должны друг дружку.

– Много тебя нажалели, – скажет мама.

– Так-то оно так. Такова жизнь моя. Изначально не задалась.

На лице ее появится огорчение, но она быстро справляется со своими горькими мыслями. Опять идёт разговор о том, о сём, о родных обо всех, что живы, а то и о тех, кто мир наш уже покинул.

– Что делать, пойду куда-та, может, в сельпо, встрену кого тама-ка, а дома что, все одна больше. Вот ковыряюсь, то вяжу, то кушать готовлю, то еще какие дела, особливо летом-то в огороде.

– Долго погостишь-то у нас? – спросит отец.

– Не-а, я ненадолго, туды-сюды и домой. Зима, изба выстудится. Хорошо, что зима нынче не сильно холодная, так ведь и снег надо отгрести. Тропку прочищаю от дверей к туалету и к калитке.

– Чего замолчал, – спросит отца, видя, что он опять молчит, – может, не то, что сбуровила?

– Да устал на работе.

– Так иди, отдохай, – скажет заботливо сестра младшему брату, и замолчит сама, сморившись с непривычки теплом городской квартиры.

Может, детство вспоминает своё и брата, деда с бабкой, с которыми до замужества немного пожила после смерти родителей, а может, их деревню, где родилась, или свое Краюшкино, ставшее родным.

Мама суетится, стараясь не только угостить гостью, как принято всегда было: «все, что есть в печи, все на стол мечи», хоть не богат стол был в те годы. Да и постель ей приготовить

удобнее надо, родной золовушка. Временами то на неё, то на мужа поглядит. Кажется, и не очень внешне они похожи, разве что зубами да волосами. Оба родных зубов давно не имеют, да и волосы не столько седеют, сколько выпадают, оставаясь темными. А вот привычка улыбаться людям, ходить быстро – семейная... «Есть в них и общее, что в роду, – подумает она, глядя на родных, – да вон и дети наши на отца похожи, значит, та же кровь у всех.»

Был ли этот мир добр к Тасе, получила ли она когда любовь ответную – это скрывала она за своей улыбкой, без которой ее трудно представить.

В памяти нашей воскресают люди и события, в памяти и живут.

Если кто-то помнит, значит, они живы, может, такая она и есть – вечность нашего бытия?

НИТИ СУДЕБ...

Порой ночами многое вспоминаешь. Удивляешься переплетениям нитей судеб...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Я вспоминаю моего дядю Гришу, призванного на фронт в первый день войны.

Знаю, что дядя Гриша дважды сбежал из плена, ведь тогда целая армия под командованием Ивана Конева попала в окружение и сотни наших красноармейцев попали в плен. Каждый раз Григорий сбежал не один, но их ловили, а вот третий побег удался ему, только не его товарищам... Он рассказывал, что по брезгливости предпочитал голодать, но не кушать что попало... Возможно, просто дух сибиряка... Как знать. Но что-то его спасло... Удалось выжить и добраться до своих...

Тут, у своих, было то, чего он не ожидал: арест, допросы... Правда, большинство тех, кто выбрался из плена, переживал всё это тогда...

Исключений было очень мало.

Дядя Гриша, возможно, молитвами мамы своей и выжил? На Сталина он обижался за плен после плена, хотя это были не лагеря для пленных, но не свобода. А может, благодарить судьбу за это надо... Как знать? Жив остался, а на фронте мог погибнуть. На Калининском фронте много красноармейцев в окружение попало с разными званиями... были и офицеры. Много там и погибло наших. До сих пор, наверняка, не всех нашли... Там и лежат без вести пропавшие, в болотах... А поисковики сегодня ищут и, когда находят, перезахоранивают, разыскивают родственников, если получается опознать...

После плена дядя Гриша попал на завод, где Тамара работала, ставшая потом его женой. А потом у них родились дети, на этом заводе потомки его работать стали. Династия сложилась, как часто было в СССР. Работал, как и на фронте, водителем, шоферил. А тогда, в войну, водили на работу их под конвоем...

А у нас в Барнауле в те годы моя бабушка Аня ждала его, своего сынка, Гриню. В июне ушёл на войну, но писем не стало вскоре... Когда провожала сына на фронт, цветок комнатный посадила... Смотрела за ним, как за сыном... И вот перестал цветок расти... Перепугалась мать:

– Где сынок, что с ним, жив ли?

Смотрит... Корни живы.

– Жив Гриня, – подумала тогда она.

Долго так ждала и за цветком смотрела. Шло время, а боль материнского сердца не проходила, тревога за сына, ведь похоронки приносили всюду множество. Как-то принесли весточку от сына... Через кого-то он передал. Радость была, что сын жив. Уже потом он, после войны, навесить приехал. Есть и фото 1945 года братьев и сестер вчетвером... Такая вот история про дядю Гришу.

За эти годы повзрослел его младший братишка Борис и тоже был призван в Красную Армию, о чем Григорий долго не знал.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Она про дядю Борю.

Его призвали в 1942 на Восток, на малую родину, где он родился, на Забайкальский фронт. В ту пору жив ещё был его дед Павел, который жил там, в Забайкалье. Повидаться удалось. Служил, как учили, в боях участвовал, награду боевую получил "За боевые заслуги". Сам Боря певун был, с голосом как у Утесова, а песен знал разных множество (и патриотичных, и дворовых, и блатных, и всяких разных других). Всегда хочется пообщаться с земляками. Подсказали, что есть рядом земляк из Барнаула, плясун Костя, вот Борис и нашёл его там, на фронтовых дорогах. Встретились, поговорили, друг о друге рассказали, о родных поговорили, о городе. Через него Константин заочно познакомился с сестрой Бориса, Марусей. Завязалась у них переписка.

Мария со многими переписывалась знакомыми из Барнаула и с теми, кто по ранению был в городе. Госпиталей тогда в Барнауле было много и эвакуированных тоже.

Когда после войны, уже в 1946 году, Константин и Маруся встретились, все у них сложилось, и связались ниточки судьбы. Взял Константин ящик из-под снарядов, сложил в него вещички, поставил на саночки и приехал жить к Марусе. Без родителей рос Костя, то у тех, то у других приходилось ему жить, не имея своего дома.

Переехал Костя к Марусе в марте, а уж в ноябре и я появилась... Потом брат мой родился. И пошла у них жизнь семейная как у всех.

Нянькалась с детьми сестра жены Лиза, которая по болезни не работала и не училась, ведь декреты в связи с родами тогда по 3 месяца были, надо были выходить на работу, ну а рабочий день с утра до вечера. Такие вот дела.

Сам Борис вскоре тоже женился. Нашел невесту на швейной фабрике, где работал механиком. Там всю свою жизнь и проработал в уважении людском. А вот Анна, мама фронтовиков, не дожила... не увидела внуков... Но видела день Победы и этим счастлива была, уж очень она ждала этого.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Дожили эти фронтовики до девяностых, самых тяжелых лет, морально тяжелых. Пенсии задерживались повсеместно, «куряки» наши фронтовики и окурки порой с земли подбирали... Много чего было, чего быть бы и не должно. Не за то воевали. О чем фронтовики думали в то время? Может, о войне и ее буднях?

... 1996 год – пик тяжёлых 90-х для всех.

Наступил самый дорогой праздник, и, собрав свои скопившиеся копейки, пошел Константин в продовольственный магазин, что по соседству был, насколько возможно празднично украшенный к 9 Мая. В проходах установлены стенды на примитивных подставках с праздничной информацией. Фронтовик наверняка предвкушал, как скромно, но празднично отметит день Победы в кругу своей семьи. Купив бутылку водки, он торопится домой, но запинается за праздничную витрину... Падает. И заветная праздничная бутылка разбивается... А с ней уходит и ощущение праздника... Даже в этот самый дорогой для всех день... Нет, он не был пьяницей, но праздник Победы без «ста грамм солдатских» – часть праздника!

Что происходило потом в его душе весь этот день и ночь, что он чувствовал, о чём думал? Он привык молчать, скрывая внутри свои чувства и мысли... Что там было внутри у фронтовика? Этого никто не знает... Они же и о фронтовых буднях не рассказывали... никогда и никому..., разве что друг другу. Рано утром он собрался было пойти на рыбалку, к которой привык за годы пенсионные. Только там он находил

отдохновение души, среди природы, следя за поплавком, слушая пение птиц, шуршание листвы, всплески воды. Наедине с природой душе всегда спокойно.

И вот... Он поднимает ведро с землёй, чтобы набрать из своих запасов червей для рыбалки, и падает... силы уходят.

Скорая помощь увозит его в больницу с обширным инфарктом. Видимо, боли уже были, но он не понимал их опасности и скрывал от всех. Боль души - она тоже боль... и очень порой похожа на физическую боль. Не хочется фронтовику принять болезнь в наступившее мирное время... С этим он и жил всегда, а жизнь его не баловала...

А полвека назад была война, которая началась вскоре после призыва его на воинскую службу в 1940 году. Та самая война, вторая мировая. У фашистской Германии были союзники, которые обещали открыть фронт на Востоке – Япония, она тогда вела войну в Китае. Вот призвали тогда и Костю защищать рубежи СССР на Востоке, в границах Китая, Манчжурии и Монголии.

Будущая жена его – Маруся, родилась в Джаланоре, в Манчжурии, там её отец работал на железной дороге. Служил он рядом, а познакомились они позже, в 1946, но уже в Барнауле. Тесно переплетается всё в нашей жизни...

Константин помнил ту войну с Японией: и командующего Малиновского, и командиров Закирова и многих других, с кем свела его судьба на дорогах войны и на дорогах жизни. Вспоминал нередко коня Орлика, переход через безводные степи и пустыню Гоби к Большому Хингану. Их 57-я мотострелковая дивизия шла в первых эшелонах 39-й армии Забайкальского фронта в Хингано-Мукденской операции... Вспомнил Константин, наверное, и свою роль в том, чтоб дивизия как можно скорее совершила переход к Большому Хингану. Это было в августе 1945 года. Хорошо это помнил, так как сам родился в августе, да и память у него от природы была отменной. Тогда он проявил себя героически. За что и награждён медалью «За отвагу».

Многое вспомнилось Константину в больнице, вся жизнь кадрами пронеслась ...

...Капитуляцию Японии вынуждена была подписать 3 сентября 1945 года, после своего поражения в августе, 31-го...

А 31 августа 1996 года сердце Константина перестало биться...

Он был из тех советских людей, что продолжали верить в коммунизм и партию, как и прежде, хотя СССР – страна, за которую он воевал, уже не существовала ... Верил он в жизнь лучшую, что будет у его детей, внуков, правнуков... Иначе просто быть не могло. Он был в этом убежден.

Всех своих внуков Константин не увидел, не увидел и правнуков, но он остался в их памяти, как фронтовик, который защищал родину от врагов, напавших на нее вероломно...

Ушёл он первым ...

Недолго после того прожили и Григорий с Борисом...

О многом они думали и мечтали, наверное, но не для себя одних... для детей, внуков, для правнуков.

Такое вот переплетение судеб...

Все трое были призваны Барнаульским военкоматом, но ни один из них не родился в Барнауле, у каждого была своя Малая Родина. Всех троих война пощадила, все трое вернулись после войны, все трое...

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

РАЗГОВОР У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Жизнь наша полна самых разных событий: ярких и бесцветных, добрых и трагичных. Какие-то мы помним всю жизнь, а какие-то стирает время. Есть ли гармония, баланс всего, если вспомнить в целом всю нашу жизнь? Не может

быть, чтобы жизнь наша была полна либо одним лишь счастьем, либо только горем. У кого-то счастливое детство, у кого-то старость... Может ли быть в целом всё в жизни в балансе хорошего и плохого?

Невольно мы задумываемся о жизни, философствуем, пытаюсь понять какие-то истины, но обычно это происходит, когда прожит достаточный период жизни, накопились знания из опыта жизни своей и окружающих людей. Хочется верить, что счастье обязательно находит каждого из нас, какими бы путями-дорогами ни вела нас судьба.

У каждого жизнь своя и свои повороты судьбы. Моего героя я встретил случайно.

Вышел как-то из музея ветеранов войны в городе Барнауле на площадь, по обычаю подошел к бесконечным спискам на стенах музея с фамилиями тех, кто отдал свою жизнь в разных войнах и интернациональных бригадах в разных странах.

Больше всего погибших было в военных действиях, что шли на Кавказе, период, что мы называем «Чеченская война». Это прошло и через мою жизнь, человека родившегося после Великой Отечественной войны - время, которое я считаю самым страшным в 90-е годы прошлого века.

У списков с погибшими на Кавказе стоял худощавый мужчина. Лицо его словно окаменело от тех мыслей, что были у него в тот миг, казалось, что он там, вместе с погибшими на войне.

Настроение у нас было чем-то схожее, и я заговорил с ним.

– Памятник генералу Шаманову хотят поставить в Барнауле, тоже наш барнаулец.

– Знаю, – коротко ответил мне мужчина, - служили вместе.

Заинтересовавшись этим ответом, я решил продолжить разговор о событиях тех лет, которые меня очень давно интересовали, так как казались самыми страшными страницами в жизни новой России, да и всей нашей жизни. Мой собеседник по-прежнему не был словоохотливым. Однако постепенно все-таки разговорился, видя, что мной руководит не простое любопытство, а сопереживание тем, кто прошел через эту

трагедию. Может, накопело, и хотелось ему тоже выговориться перед незнакомцем, как это часто с нами бывает. А может, просто совпал настрой наш, что предполагал доверие.

Разговор шел сумбурно. Все больше о парнях, что погибли, перед которыми он считал себя в неоплатном долгу только потому, что выжил.

Так или иначе он порой говорил, хотя и вскользь, о себе, это не могло меня не заинтересовать. Нечасто случаются такие перипетии в судьбе одного человека. У Максима (назовем его так) все складывалось какими-то зигзагами. Постараюсь рассказать о нем с долей последовательности, которой не было в нашей беседе. Я не претендую на точность событий в силу обычной забывчивости человеческой, тем более по прошествии немалого времени после этой встречи, но это и не столь важно, ведь таких парней было немало, порой оставшихся неизвестными, героев нашего времени.

ДЕТСТВО МАКСИМА

Как часто бывает, родился он в Барнауле, можно сказать, без отца, во всяком случае, в ранние годы своей жизни отца рядом не было. А так хотелось, как и всем, чтоб был рядом папа, как и у других детей, что жили рядом. Однако он не успел этого вполне осознать, так как вскоре не стало и мамы. Она уехала туда, где, казалось, женщинам быть не место, в Афган. Поехала туда, можно сказать, следом за отцом Максима, оставив сына у родителей. Сказала, что вернется скоро, но судьба обернулась иначе, война в Афгане затягивалась, быстро возвращались либо по ранению, либо в цинковых гробах.

Ранение ее было тяжелым, и вернуться домой к сыну из госпиталя не удалось. Романтика военная страшна последствиями. В глубине души маленького Максимки жила обида на мать, что оставила его маленьким, когда она была особенно нужна ему. Большинство из нас ощущает себя недолюбленными. Собственно говоря, он не особо помнил

маму, не помнил и ее родителей, своих дедушку и бабушку. Поэтому вряд ли можно было ощущать свое детство счастливым. В то же время оно было обычным, если не считать, что каждому хочется, чтоб мама и папа были рядом.

Когда мамы не стало, никто не знал, кто и где его отец, Максима направили в дом малютки, а потом в детский дом Барнаула. Передача на воспитание деду и бабушке в те годы была не принята.

В детском доме часто себя защищать надо, пока сверстники не признают своим, так и Максимке пришлось отстаивать свое «я» кулаками. Этот детдом в Барнауле был с музыкальным уклоном, потому явно не вписался он в круг детей, его окружающих. Не удивительно, что решили подобрать для него детский дом со спортивным уклоном. Так он оказался в Магадане, и довелось Максиму попутешествовать, увидеть, какая огромная страна Советский Союз. Путешествие на северо-восток было большим, на годы.

Ничем особенным интересным этот детский дом не мог отличаться. Суровый климат, ветхие и какие-то серые постройки вокруг, вдали сопочки. Таким встретил Максима Магадан. Близость моря и прекрасные виды на бухту притягивали к себе, они завораживали, но их он заметил позднее.

Среди видов спорта мальчишке всегда более интересны борьба и бокс. Он выбрал бокс. К тому же бокс ему и подходил больше всего. На всю жизнь бокс отложил отпечаток на его фигуру и движения. Во всем старательный, он вскоре стал участвовать в разных соревнованиях, даже международных, что проходили в Магадане и не только. На тренеров ему повезло. Так продолжились его путешествия по стране. Максим старался помогать малышам, что жили в детдоме. Если удавалось заработать что-то, то можно было малышей побаловать, ведь еда в те 90-е не была в детдоме столь обильна, а потому ничто не было лишним. Конечно, поварахи старались подкормить своих воспитанников. На тепло и ласку ни сил, ни

времени у них не оставалось. Да в ту пору считалось, что строгость в воспитании только на пользу.

Читая книги приключенческие и про войну, он скоро понял свою маму, что помогала раненым в Афгане, и стал ею гордиться. Любил Максим фантазировать и грезить путешествиями по морским просторам, как в приключенческих книгах. Он даже пытался выучить название деталей парусных судов (грот-мачта, грот-стенга, бушприт и другие). Читая про капитана Немо, он представлял морские глубины, и появилась мечта стать подводником, чтоб увидеть, что же там, в глубинах морей и океанов.

Но окружало Максима и многое другое. Уже за забором детского дома старая зона лагерей, еще со времен ГУЛАГа. Таких зон в Магадане и его окрестностях было много. Бывшие ссыльные часто оставались в тех местах, находя там работу и жилье, были и заключенные, которым разрешалось ходить и работать за территорией, которая была огорожена колючей проволокой с вышками для охраны с разных сторон.

Максима с детства тянуло к мужчинам, и часто он крутился рядом с дядей Ваней, который занимался хозяйством в детском доме, был и дворником, и садовником, и сантехником, и электриком. «От скуки на все руки», – так часто говорили о таких людях. «Без него как без рук» было в женском коллективе детского дома. Сами выросшие без особой ласки и тепла сотрудники не могли одарить этим детдомовских деток.

Видно было, что дяде Ване много где довелось поработать прежде, обо всем он рассказывал любопытному парнишке, в том числе о море, которое было рядом, и о том, как был матросом на рыболовецком траулере. Все это подогревало интерес Максима к морским путешествиям, к людям, кто бороздил морские просторы. Морская романтика привлекала его все больше, ведь море было совсем рядом. Незаметно в мечтах и фантазиях прошли годы.

Думалось порой об отце, который затерялся где-то на огромных просторах Советского Союза. Так прошел не один год, Максим окончил девятый класс к тому времени, когда

нашелся отец. Оказалось, что после Афгана отец уехал на Север, женился и жил там. О рождении ребенка не знал, как это нередко случается. То, что нашелся отец, стало важным событием для Максима, тем более, что его жена Татьяна была добрым человеком и с радостью вместе с мужем усыновила Максима.

После встречи с отцом Максим узнал деда, бабушку и других родственников. Бабушка была родом из Белоруссии, она работала завклубом, а в прошлом в органах госбезопасности, что наложило на нее свой отпечаток, сделало ее резкой и грубоватой. Про таких женщин говорят: «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». А потому любви и тепла от нее увидеть не пришлось Максиму. К тому же вырос-то внук вдали от нее.

Максим старался общаться с отцом, с дедом, дядями, что рассказывали порой о своих армейских буднях во время воинской службы. Мужчины любят, собравшись, об этом вспомнить. Все они, оказалось, служили танкистами. Невольно, слушая их, представлял себя танкистом, хотя мысли о море не покидали, думал, что в армию пойдет на службу морскую. Дед любил лошадей, а конь у него был какой-то уникальной породы, потому к нему нередко люди обращались за советом. Лошади и другая домашняя скотина в ту пору на селе в домах были не редкость. Максиму было приятно, что его дед пользовался авторитетом у сельчан.

Так как 9 классов Максим окончил еще в Магадане, то пришлось подумать о будущей учебе. Пошел он в речное училище. Как везде, учеба сочеталась с практикой, а на практике все учащиеся уходили в плаванье. Пусть это было не море, а большая река Обь, но это уже была взрослая жизнь, отличная от всей прошлой. Возиться с железками научился с детства, и Максиму нравилась его новая жизнь. Он становился взрослым. А взрослая жизнь часто для мальчика начинается с армии.

Много поплавать ему не довелось. Пришла повестка из военкомата. Максиму пришлось спешно уволиться в связи с

призывом на военную службу, даже зарплату не успел получить.

Тогда он и представить не мог, какие путешествия и приключения ждут его. А его ожидала страшная романтика, которая называлась войной, которая стала его жизнью на долгие годы.

Новое путешествие было в другую сторону, на запад.

Призвали его в вооруженные силы СССР, а так как призывников в подводники уже набрали, то он попал в десантные войска и направлен был в Псков.

Упертый по характеру, Максим старался не отставать от других ни на маршах, ни в стрельбах, ни в прыжках парашютных, ни в чем другом. Вооруженные силы – это армия, здесь всегда нелегко, а в те годы, в середине девяностых, и подавно, голодное это было время во всей России, в том числе у военных (даже офицерам не всегда жалование платили вовремя и довольствие, а что говорить о рядовых солдатах). Вскоре в этом убедиться смог Максим и его сослуживцы.

На Кавказе, куда их спешно направили спустя всего лишь чуть больше месяца «учебки», шли военные действия. И если детство Максима было детством обычного мальчишки СССР, то в последние годы это была уже не совсем та страна, хотя жизнь в Сибири по инерции еще чем-то походила на жизнь прежнюю.

И вот эта жизнь уже явно позади.

ВЗРОСЛЕНИЕ

Мы с Максимом стояли у списков тех, кто погиб, словно отдавали долг памяти погибшим. Вместе подошли к вечному огню, где лежали свежие цветы – память тех, кто был здесь до нас и совсем недавно. Молча постояли у вечного огня и направились к танку со значком десантных войск. Все притягивало воспоминания, но рядом бегали дети, взбирались

на эту военную технику, стоящую у музея. Малышам и невдомек было, что такое война.

«Как они сближают время прошлое и время нынешнее», - подумал я, глядя на детей.

Мы присели на скамью в сквере у музея, наблюдая за детьми. Пригревало весеннее солнышко, по небу плыли легкие белые облака; легкий ветерок приносил аромат цветущей сирени; пели птицы, перелетая с куста на куст, что росли в сквере.

Как это иногда бывает, совместное молчание сближает. В какой-то момент мы заговорили вначале о чем-то нейтральном, типа природы и погоды, но постепенно разговор вернулся к теме защиты родины, боевому братству, какими стали те, кто выполнял долг перед родиной в разных частях Земли.

Мой собеседник был погружен в свои мысли, поэтому разговор наш был вялым, как бы между прочим.

– С тех девяностых лет стали больше смотреть телевизор, все волновало, тревожило, было много разных репортажей. Информация была порой противоречива, поэтому потом много по интернету смотрел ролики и читал, – задумчиво сказал я после некоторого молчания.

– Много лживой, искаженной информации в интернете, так воспринимается нами, кто был там, – репортажи Сладкова и некоторых других военных корреспондентов были более правдивые, чем у некоторых других, – задумчиво уточнил Максим.

– У меня сложилось впечатление, что все было очень страшным на той необъявленной войне, – продолжил я беседу.

– Любая война страшна, недаром террористы называли происходящее адом и приглашали в ад наши федеральные войска, – сказал мой собеседник, – оно так и есть: для всех во сне и в памяти постоянно двухсотые и трехсотые солдаты и офицеры, только в разное время разное вспоминается. Но как сказал «дед», майор один в мае 1995 год: «Не так страшен черт, как его малюют». Жалел он солдат – «дети совсем», – говорил он о новичках «карандашах».

– Всем хочется верить в лучшее и надеяться на лучшее, – пробурчал я.

– Оно так, – поддержал меня Максим. – Когда в июне Шатой, что когда-то назывался Советское, был взят, думалось, что конец войне; когда в марте 1996 года Ханкалу взяли, тоже так думали, что конец, но до конца было ох как далеко. Если бы не то Хасавюртовское соглашение, может и правда, закончилась бы война, как говорил Трошев, хотя он был из местных, но и он не понимал масштаба происходящего. А может, потому и не понимал, – уточнил Максим. – Днем была видимость, что вокруг все люди местные мирные, а ночью было все иным – боевики и те, кто их прикрывает, из каждого окна и забора можно ждать пули. Война ведь она как: если не ты, то тебя, на ней надо быть отчаянным и бесстрашным. Думали, всех врагов перебьем и война закончится, но никто не задумывался, что с таким главнокомандующим как Ельцин этого не случится. Чего от него было ждать, если американцы для него лучшими друзьями стали, а ведь всегда для нашей страны США врагом были.

– Да, – согласился я и рассказал о своих впечатлениях тех лет, – много страшного было. У меня из памяти не выходит судьба комбрига танкиста Ивана Савина. Несколько дней его искали после боя в новогоднюю ночь в Грозном, едва нашли и опознали, до такой степени его боевики изуродовали, скальп сняли. Несколько ранений у него было разных до этого, и в ногу, и в голову, а тут еще и такое. Издевались боевики над военными: и головы отрезали, и уши, и глаза выкалывали, даже распятыми находили порой.

Максим поморщился, стараясь, видимо, стряхнуть свои страшные воспоминания.

– Всякое было. Дудаев же листовки распространял и по радио предлагал сдаваться, как когда-то немцы в годы Великой Отечественной войны, но это лишь обман был. Воевали с террористами, боевиками, а там все было, были и рукопашные схватки. Исполняли свой воинский долг, несмотря на угрозы кровной мести. Второй штурм Грозного был в 1999 года тоже

на Новый год. Тогда ждали еще одну бригаду и с трех сторон должны были подойти к городу, но они опоздали по какой-то причине на сутки. Много было разных неувязок в той войне в штабах, танки наши шли в бой без прикрытия, да и радиосвязь нашу боевики нередко слушали, знали, где и как, потому и было много погибших. Когда мы в Дуба Юрт пришли вызволять ГРУшников, это было понятно всем. Этот бой у Волчьих ворот был очень тяжелым. «Духи» тогда кричали: «Русским хана». Их было тысячи боевиков вместе с Хаттабом. А у нас три БМП, один БРМ и два танка. Вот только танков боевики не ожидали. Они уверены были, что танков не будет, а это было в нашу пользу. Я же во второй чеченской уже танкистом был. Наши «коробочки» и решали все. А главное – решительность Буданова, который без разрешения командования отправился в Дуба Юрт на выручку. Досталось ему тогда за это, но не мог он оставить без помощи тех, кто ее просил.

Сами видите, сколько погибших у нас с Алтая.

– Случалось, что и в плен наши парни попадали, а это хуже всего, – с грустью продолжал Максим рассказ. – Тем, кто в плен попал, еще хуже было, торговали ими как рабами, в заложниках держали, выкуп требовали, в ямах-«зинданах» держали, издевались.

Я слушал его и вспомнил кинофильм «Невеста», герой которого призван был в армию и попал в Чечню. Родные похоронили его, когда пришел груз 200, а оказалось, что он жив, и девушка, считавшая его погибшим, встретила его в больнице случайно при прямом переливании крови. Почему-то этот фильм хорошо мне запомнился, а ведь герой фильма был второстепенным, главной героиней фильма была девушка, с которой они до армии случайно познакомились накануне его призыва в армию.

– Вижу, что и первую, и вторую войну прошел? – спросил я, хотя это уже было ясно и без подтверждения.

– Да, и первую, и вторую, и Цхинвал, – подтвердил мой собеседник. – Когда необходимо, военкомат собирает всех

срочно со всей страны. Так я в Цхинвал попал, а на вторую... жизнь привела. Никому кроме войны не нужен оказался.

Максим говорил неохотно, видно, все вставало перед глазами в его памяти, и от этого было тяжело.

– Когда вернулся в Барнаул после срочной службы и в военкомат пришел, – уточнил он, – мне сказали, что меня уже похоронили и памятник поставили за счет Минобороны, а когда в Речпорт пришел в отдел кадров, тоже работы для меня не нашлось и зарплату свою искать неизвестно где, никто толком не сказал. Помыкался, устроился на временную работу по объявлению на вахту и пошел в военкомат, чтоб стать контрактником, и так до 2004 года. Контракт закончился, когда в госпитале был. Потом реабилитация и поиск возможностей в мирной жизни.

– Как это похоронили? – переспросил я.

– Военнослужащие часто без документов были в боях, особенно при тяжелых ранениях, да и узнать не всегда можно было, то сгорели, то изуродованы. Да и сведения в документах о семье, а там где кровная месть, приходится думать о своих родных, заботиться уже о них. Наверняка, и сейчас множество в Ростове в морге лежат неопознанные двухсотые, никому не нужные, не преданные земле. Случалось, что и на Алтай отправляли по ошибке. Так Тумаев по ошибке был отправлен на Алтай, были и другие. Может, кто-то из них в моей могиле лежит. Был я возле могилы... так же постоял, как здесь, помянул, поговорил с ребятами...

Я стою у своей могилы...

Вот и памятник для меня...

Это жизни дорога, милый...

Дни продлились... День ото дня,

Словно новые в жизни строки,

Довелось мне еще пожить

И извлечь для себя уроки,

Чтоб понять, себя не винить...

В том бою умирало много.
Выжить мне удалось.... Вот так...
И другой там лежит во гробе...
Так случается воинский брак...

Неопознанных хоронили,
Дав порой других имена...
Только матери где-то выли
Или ждали.... Но не меня.

Довелось мне раненым выжить,
Нашпигован я весь войной...
Вся душа, как могила вырыта...
Всё для нас... молодой страной...

Есть для нас награды и памятник,
Но во сне я всегда в бою...
Имена тех, погибших, выбиты...
В моем сердце... Я не таю,

Вот могила, а похоронная
У отца средь бумаг лежит...
Не дана была жизнь мне вольная
Девяностых столь страшных лет...

Нашпигован всюду я пулями,
Осколки снарядов во мне...
Жизнь идёт... А чего-то жду ли я?
Нет, не жду я даже во сне.

Пролетели годы... события...
Только тех, очень трудных лет.
Те, ушедшие... их на свете нет...
Только в памяти. Есть иль нет?

Я стою у своей могилы...
Похоронен в ней кто-то другой.
Жизнь моя – как острые вилы,
Меж этими зубьями бой!

Стих его произвел на меня глубокое впечатление, я представил, каково это вот так быть похороненным, каково родителям было получить груз 200 и хоронить.

– Наверняка, ранения имеешь тяжелые, если с тобой такое могло приключиться, что убитым посчитали. Смотрю, награды не носишь, а ведь, наверняка, есть.

– Есть, все есть, но во время первой чеченской нам не советовали надевать награды, они же блестят на солнце, и снайпер может подумать, что это огонь, подстрелит, не стоило провоцировать снайперов. Курить тоже нельзя было, тоже огонёк. Потом привык как-то и не было желания надевать награды. В прошлом году, когда генерал Шаманов на Алтай приезжал, звали, хотели вручить еще одну медаль «За отвагу», но я не пошел. До сих пор не получил, лежит где-то в военкомате, наверное. Как говорил генерал Рохлин, воевать со своим народом - это не героизм. Как-то мне, раненному в ногу, Лев Рохлин помогал забраться в танк, говоря: «Садись, сынок, без тебя не справимся». Разные были командиры, но были и такие.

Солнышко спряталось за крышу соседнего дома, мой собеседник заторопился.

– Ну, а хорошее что-то в твоей жизни есть? – спросил я.

– Хорошее есть в жизни каждого человека, вот женщину встретил любимую, какую искал, вроде, семья теперь есть, иногда в деревню к отцу езжу, – чуть улыбнулся Максим, – Общаюсь с ребятами, с кем вместе служил. Кого-то я нахожу, кто-то меня. В интернете много чего есть. Да и сюда вот прихожу. Жизнь идёт.

ПОКА ЕСТЬ КОМУ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ – БУДЕМ ЖИТЬ

Мы распрощались, и он быстрым шагом направился к автобусной остановке, а я смотрел ему вслед. Худоцавая фигура удалялась, а в памяти моей она осталась вместе с памятью о тех девяностых, что остались в прошлом веке.

Я еще некоторое время предавался воспоминаниям о той войне, которая уже позднее стала называться борьбой с террористами. Не сразу страна узнала, что борьба идет с международным терроризмом, что на Кавказе халифат хотят установить, а главным представителем было арабское войско Хаттаба в несколько тысяч человек, но участвовали кроме Алькаиды и другие иностранные добровольцы. Среди боевиков тогда на Кавказе были не только чеченцы, но добровольцы многих национальностей, воевали там украинцы, уйгуры, индийцы и другие. Это все стало известно лишь позднее, когда кое-кто из них просто попал в плен либо был убит, и только тогда стало известно, кто был среди боевиков и террористов.

Вся страна сейчас знает героев Псковского ВДВ, которые приняли бой с Хаттабом и боевиками Басаева, их было 90 человек из 32 разных регионов страны, в том числе были там десантники и с Алтая. Осталось живыми только шестеро. Десантники и танкисты, что шли им на помощь, среди которых был и Максим, не смогли пойти на помощь во время. Об этом бое и погибших десантниках лишь спустя несколько дней позволили себе доложить Путину правду.

«Не просто было таким, как Максим, потом адаптироваться в мирной жизни, – подумалось мне, – в условиях безработицы, разве что в охрану объектов, но там платили им гроши». Было грустно за этих парней, что отдали свои лучшие годы, выполняя воинский долг, не жалея здоровья и жизни, в то время когда кто-то предпочитал уклониться от срочной службы в армии, кто-то думал только о богатстве. Это все было реалиями 90-х.

По-прежнему на площади бегали дети, ветерок приносил запах сирени, но солнышко уходило, чтоб вернуться вновь уже завтра.

Будет день – будет жизнь.

Владимир Георгиевич ГУЛЯЕВ

– поэт, прозаик.

Член Российского Союза писателей,
Союза поэтов России.

Родился в 1957 году в селе
Шелаболиха Алтайского края.

Награждён медалями: «Сергей
Есенин – 125 лет» 2022 год, «Марина
Цветаева – 130 лет» 2023 год.

Печатался в журналах: «Север»,
«Огни Кузбасса», «На русских

просторах», «Ковчег», «Бийский Вестник», «Союз писателей»,
«Годы и Люди», «Русская Мысль», «Нижний Новгород».

Издано 12 книг прозы и стихов.

Проживает в городе Барнауле.

ДЕРЕВНЯ МОЯ, ДЕРЕВЕНЬКА...

(События июнь-июль 1967 года.)

Автобус, слегка подпрыгивая на ухабах и поскрипывая всем своим стальным телом, трясся по гравийной дороге, оставляя за собой плотный шлейф дорожной пыли. Тёплый июньский ветерок, проникающий через открытые окна, гулял по салону, перемешивая запах полевых цветов и разнотравья с лёгким запахом бензина, идущего от мотора. Некоторые пассажиры дремали. Вовка высунул белокурую голову в окно, подставляя своё улыбающееся лицо ласковому солнцу и ветру, треплющему его волосы. Вдаль, до самого лазурного горизонта, по холмам и взгоркам простирались поля с молодой пшеницей, колышущейся как море волнами изумительного изумрудного цвета, а тёмно-зелёные берёзовые рощи и околки, разбросанные по всему этому, казалось, бескрайнему «морю», выглядели

величаво. И только в рощицах, стоящих рядом с дорогой можно было увидеть не только густоту листвы, но и стройные стволы сибирских девушек-берёз, приветствующих тонкими ветками проезжающих.

Вот-вот где-то за одним из холмов появятся вдалеке крыши деревенских домов. Чувство радости и ещё чего-то большего переполняли Вовку, и он уже притопывал ногой, будто бы этим мог приблизить свой приезд.

На трассе их встречал дед, сидевший в телеге и кутивший свою вечную «козью ножку». Вовке показалось, что лошадь в ожидании их не просто стояла, а пританцовывала. А может это ему показалось.

Вовка увидел его издали и больше сидеть уже не смог и, взяв чемодан, пошёл к двери. За ним с чемоданом подарков двинулся и Славка.

Даже три километра тряски на телеге не смогло испортить радостного настроения и ощущения праздника у Вовки. Он с удовольствием лежал на сене, уложенном толстым слоем в телеге, пахнущем свежестью скошенной травы, с закрытыми

глазами он слушал особенные звуки поля: стрекотание кузнечиков, соревнующихся между собой в своём искусстве, жужжание пчёл, редкое чириканье воробьёв и негромкие приятные щебетания ласточек, иногда пролетающих мимо с быстротой самолёта. Всё это, сопровождаемое тихим и размеренным поскрипыванием телеги, в сочетании с ароматными и душистыми запахами полевых цветов и ласкового солнечного тепла убаюкивало.

«Деревня! Конечно, в Норильске такого не узнать и не услышать! Там другие шумы и звуки, одно слово – город! И в тундре всё по-другому! Не плохо, но по-другому!» Чей-то голос вернул Вовку в реальность:

– Чё, Лексеич, дождался своих внуков-то?

– Дождался!

– Чё, вода-то там не спала ещё?

– Да пока нет. Потихоньку уходит, от огорода уже отступила. Недельки полторы-две, и вся сойдёт.

– Это хорошо. Будет потом, где шурагайку половить!

– Да, нам с тобой только и ловить её! Отловились!

– Хе-хе! Это так, Лексеич! И не токмо шурагаек мы отловились... Аганя-то как? Не хворает?

– Не, не хворает! Бегает. Сейчас, наверное, от окна не отходит. Ждёт?

– Знамо дело – ждёт! Свои же ребятки!

Вовка сел. Рядом с телегой ковылял незнакомый дедок, опираясь на палку.

– Здравсте! – поздоровались братья.

– Здравсте, здравсте, милки! Ишь, как выросли-то! Зинины?

– Её, с Геннадием.

– То-то, смотрю, на обоих похожи! А малой так тот больше на Геннадия смахивает! Ишь, вихрастый какой!

Вовка посмотрел по сторонам – улица была пуста: возле домов и во дворах никого, кроме кур, что-то клюющих на земле, да нескольких телят, дремлющих в тени заборов. «Ясное дело – все пацаны сейчас на речке, в затоне купаются».

- Дед, а что река разлилась, что ли, сильно?
 - Так такое половодье нынче сильное было, что вода почти в огород зашла, и луга за рекой все затопило.
 - Это что, и затона нет?
 - И его нет, под водой всё, одни деревья из воды торчат.
 - А где тогда купаться?
 - Так с огорода прямо и в воду. Только мутная она пока ещё, грязи да илу поднял паводок. Так что купаться нынче будете не раньше, чем недельки через две-три.
 - Дед, а как там петух?
 - Кукарекает! Чего ему сделается? И Зорька на месте.
- Возле дома, у калитки, их уже ждала баба Аганя, утирая слёзы краешком платка.

В ГОСТИ К ДЯДЕ

Через несколько дней, в жаркий июньский денёк, в гости захал отцов старший брат, крупный и рослый дядька. 'Бобик', из которого он вылез не без труда, казался маленьким для него.

Заклучив Вовку и Славку в свои объятия, он похлопал их по спине:

– Богатыри! Богатыри! Ишь, как вымахали за год! Так и меня скоро догоните! Тетя Аганя, а кваску холодненького у тебя не найдётся? Жара стоит!..

– А может, окрошки поешь, Николай Леонтьевич? Мы как раз обедать собирались.

– Не откажусь, не откажусь! Если быстро, а то мне ещё в два колхоза надо проехать.

– Да я быстренько сейчас соберу, а вы пока кваску попейте.

– Ну, спасибо! Добрая окрошка у тебя, тетя Аганя! Можно теперь и с голодным поравняться. – довольно, улыбаясь, произнёс дядя, вставая из-за стола. – А вы, племяши, что приуныли-то? А может, кто из вас в гости ко мне желает поехать? Так собирайтесь. Карета подана. – Громким басом

проговорил он и подмигнул Вовке. – Ну, орлы, кто смелый в гости к нам. Дочка моя вам будет рада!

Вовка в гости захотел сразу. Уж что-что, а в гости ходить он любил. Славка отказался по причине своего домоседства, а Вовка быстро побежал собирать свои вещи:

– Я сейчас, дядь Коля, я быстро – рубаху и шаровары свои возьму только, а то всё равно ни порыбачить, не покупаться.

– Давай-давай, а я ещё кружечку кваску выпью пока. Уж больно хороший у тебя квасок, тетя Аганя!

– Да пей с удовольствием, Николай Леонтьевич! А то могу и с собой налить в дорогу бутылку!

– А налей!

Через некоторое время Вовка уже сидел в машине, расположившись на заднем сиденье. Шофёра, а его тоже звали, как и дядю, он знал с прошлого года, поэтому знакомиться им не пришлось.

– Дядь Коля, а мы долго будем по колхозам ездить? – спросил Вовка.

– Ну, обычно часов до семи вечера точно! Твой дядька серьёзно к этим поездкам относится, иногда наметит в два хозяйства заехать, а побываем в трёх, а то и в четырёх. Так что, Вовка, готовься к долгой поездке.

Что такое «долгая поездка», когда у тебя каникулы и уйма свободного времени да ещё когда тебя повезут на машине по разным деревням! Это же настоящее путешествие! Вовка знал, что дядя работает председателем райисполкома и слышал из разговоров взрослых, что его сильно уважают люди в родной деревне за правоту и справедливость. Про справедливость и правоту Вовка уже знал – в школе изучали, поэтому он тоже с уважением смотрел на своего дядю.

– Ну, Коля, трогай по плану, а мы тут пока с племяшом побеседуем! – Сказал дядя и повернулся к Вовке, при этом сиденье жалобно заскрипело под ним, но, может быть, Вовке это только показалось. Мотор заурчал и «бобик», поднимая

дорожную пыль и разгоняя курей, бойко повёз их по деревенским улицам.

– Ну, Вовка, рассказывай, как там отец с матерью, как у тебя дела? Как учеба?

Дядя умел слушать, а Вовка умел рассказывать, когда его внимательно слушали. До следующего колхоза они ехали минут сорок, и Вовка всю дорогу рассказывал, как его принимали в пионеры, как они собирали металлолом, какая у них большая новая школа, и какой красивый город Норильск, и какие там лютые морозы с ветром.

– Металлолом собирали – это хорошо! Видишь, племяш, сколько земли у нас в районе много, а её нужно обрабатывать, пахать и засевать, а вот тракторов и комбайнов не хватает! Ну, а раз вы такое дело провернули, значит скоро и техника в колхозы пойдёт!

– Папка так же говорил! А ещё там у нас, в Норильске, полярная ночь зимой почти два месяца и солнца нет вообще, но в городе такое хорошее освещение на улицах, что светло как днём! А вот в деревне у бабы Агани и во всех подгорских домах нет электричества! И вечерами мы зажигаем керосинку. Дядя Коля, а что у них никогда так света и не будет? – Вовка неожиданно закончил свой рассказ вопросом.

Дядя хмыкнул, поворачиваясь к нему, по ходу слегка хлопнул рукой шофёра по плечу и рассмеялся:

– Ха-ха! Вот орёл! Коля, ты смотри-ка, как он плавно всё подвёл к нашей сегодняшней проблеме? Да, электричества пока нет!.. И не только у тети Агани под горой, но ещё и в нескольких деревнях за рекой. Но нынче, в августе-сентябре, у них уже будет свет! Так что, Вовка, как видишь, мы над этим работаем! Веришь? – Дядя внимательно, чуть улыбаясь, смотрел на него.

– Верю! – серьёзно ответил Вовка. – Папка у меня, когда что-то пообещает, то обязательно сделает!

– Ну, вот! А мы с ним родные братья! А значит, слова на ветер не бросаем.

В каждой из трёх деревень, в которых они побывали, дядя встречался с председателями колхозов, и потом они ехали осматривать поля или заезжали на фермы, где он подолгу беседовал о чём-то с колхозниками. Вначале Вовка стоял рядом и прислушивался к их разговорам, но потом ему это надоело, и он ходил вокруг машины или заглядывал в окна коровников, а на одном полевом стане его угостили вкусным чаем.

Поздним вечером машина, исколесив, как показалось Вовке, половину района, наконец-то привезла их в райцентр и остановилась возле дядиного дома. Райцентр находился всего в двадцати километрах от Вовкиной деревни, но они, видимо, отмахали не менее двухсот.

– Ну, Коля, ты совсем парня замотал, – с укором сказала дядина жена, встречая их. – Давайте быстренько умывайтесь, примите душ и за стол, мы с Танечкой давно уже всё накрыли и ждём вас, ждём! Мог бы с племянником и пораньше сегодня приехать, уморил его совсем.

Из-за тети выглядывала их дочь, подмигивая и улыбаясь Вовке.

– Что, племяш, устал в поездке? – уточнил дядя.

– Да нет! Мне даже интересно было покататься.

– Ну вот, Аня, видишь, интересно ему было, и не устал он вовсе. В его-то годы уставать! Ладно, ладно, идём уже пыль дорожную смывать. Мы быстро. Айда, Вовка, в душ.

– Полотенца там висят.

ВСЁ НАЧАЛОСЬ С МУЗЫКИ

Всё началось с музыки.

Вернее сказать, что всё началось со следующего дня после Вовкиного приезда.

Вечером, после душа и вкусного плотного ужина, он с удовольствием лёг в прохладу накрахмаленной белоснежной постели и быстро заснул. Многочасовая поездка с дядей по полям района в «бобике», трясущемся и подпрыгивающем на кочках и ухабах полевых дорог, его умотала, но разве мог он сознаться в этом тёте, а уж тем более младшей сестрёнке. Нет, конечно!

Утром его разбудил вкусный запах блинов, просачивавшийся через неплотно закрытую дверь. Через неё же он услышал голоса, видимо, тети и сестрёнки Тани:

– Мам, чё он так долго спит? Уже скоро обедать будем, а он всё спит.

– Да отец его вчера накатал на машине, так что пускай отдохнёт, он же на каникулах.

– Я тоже на каникулах, но я уже давно встала. Там уже девочки вышли на улицу, а я его хотела с ними познакомиться и поиграть вместе.

– Так ты иди пока и поиграй, а он потом выйдет. Я его ещё блинами буду кормить.

– Пойду, гляну, может уже проснулся.

Дверь в комнату чуть приоткрылась и в проёме появилась Танина голова:

– Ой, проснулся! А чего лежишь и не встаёшь? Я тебя уже полдня жду, засоня!

– Привет!

– Привет, привет! Вставай давай, там мамка блины тебе печёт и варенье с молоком уже на столе. И мёд налит. Я уже поела и тебя только жду, чтобы на улицу идти. А он тут спит

себе и спит! Ты что к нам спать приехал? Так и каникулы все проспишь!

– Встаю уже, встаю. Сколько время-то?

– Да уже обед скоро, а он тут дрыхнет!

Сестрёнка была младше его на два года, но говорила с ним «по-хозяйски» важно, быстро и много:

– Там на улице девочки уже все собрались. Я хочу тебя с ними познакомить, а потом будем все вместе играть. У нас на улице девочек много, а мальчишек почти нет. Давай быстренько вставай, умывайся, ешь свои блины и выходи на улицу, а мы в палисаднике будем играть, там прохладней под деревьями.

Играть с девчонками в игры ему не хотелось.

– Да подожди ты, Танюша. Дай мне немного осмотреться.

– Чего тут осматриваться, кушай и выходи!

Вовка осмотрел комнату. У одной стены стоял книжный шкаф, у другой, на тумбочке, расположенной между двух окон красовалась радиолка "Латвия", а возле неё лежала стопка грампластинок.

– Да и в ваши девчачьи бирюльки что-то мне не сильно-то играть охота. Вон, сколько у вас книг интересных. Так что я лучше почитаю да пластинки покручу. А ты иди, играй. Я за тобой из окна посмотрю.

– И нечего за мной смотреть, – обиделась сестрёнка. – Подумаешь какой! Мы и без тебя поиграем. Сиди тут один, как медведь северный. – Сказала она и вышла из комнаты.

«Ну вот, обиделась, наверное. Ладно, позавтракаю, а там уж после разберёмся, что к чему!»

Во дворе глухо стукнула калитка, и вскоре через открытое окно до него донёлся звонкий голос Тани: «Брат не хочет с нами играть! Он книжки будет читать и музыку крутить! Неинтересно ему, говорит, с нами! Вот! А, ну его, пусть в доме сидит, как бука!»

После завтрака для начала он решил послушать музыку и, выбрав пластинку с песней "Джамайка" в исполнении итальянского мальчика Робертино Лоретти, включил на полную

громкость радиолу, открыв оба окна, чтобы звонкий и красивый голос слышали на всей улице. Эта популярная песня ему очень нравилась, и казалось, что она звучала внутри него. В школе он пел в хоре, а дома, когда был один, несколько раз пробовал спеть эту песню, но голоса не хватило...

Заведя пластинку в очередной раз, он подошёл к окну.

В палисаднике группа из нескольких девчонок, от восьми до двенадцати лет, играли в "больницу".

Его внимание привлекла худенькая темноволосая девочка с короткой стрижкой, симпатичным личиком, в светлом платье в горошек и сумочкой с красным крестом, перекинутой через плечо. Внутри него что-то произошло – детское сердце волнительно застучало, показалось, что он её уже где-то видел, но не помнил где; знал когда-то, но забыл имя. Сам не зная почему, Вовка позвал сестрёнку, не сводя глаз с этой девочки в образе санитарки:

– Тань, зайди на минуту!

Через некоторое время она уже вбежала в комнату:

– Чё, поиграть с нами надумал? А я тебя сразу звала. А ты – почитать, почитать!

– Скажи, а как зовут вон ту девчонку? С санитарной сумкой. Познакомь меня с ней.

– Её Ниной зовут. А что? Понравилась, да?

– Скажешь тоже?

– Понравилась-понравилась! Я же вижу! Пошли, я тебя со всеми познакомлю и с Ниной тоже. Я же тебя сразу звала, а ты всё отпирался. Пойдём-пойдём, я тебя познакомлю! Нина – подружка моя, она, знаешь какая хорошая! Мы с ней давно уже дружим. Её мама на молочном заводе работает, а там, знаешь, такое вкусное-превкусное мороженое делают! В таких бумажных стаканчиках! Мы с девчонками каждый день туда бегаем, мороженого поесть. Вкуснотища-а! А папа у неё – столяр, он нам стол чинил, когда ножка сломалась, и стулья тоже. – Быстро и без умолка говорила Таня, вцепившись в его руку, и тянула за собой, как будто он упирался. – Идём, она

знаешь какая! А я про тебя уже всем рассказала. Что ты на Севере живёшь, там, где белые медведи ходят! А ты их не боишься? Нет!? А я бы очень боялась! И ещё я девочкам сказала, что ты смелый и учишься хорошо! Я ведь правду сказала, да?

– Ну, ты и трещотка, Танюшка!

Он уже и сам, без её уговоров, хотел поскорее выйти в палисадник и познакомиться с той девочкой.

На улице Таня быстро представила его своим подружкам.

«Хорошо хоть меня сейчас пацаны норильские не видят, а то сразу бы «девчачьим пастухом» прозвали».

Девчонки смело знакомились с ним, и лишь Нина назвалась последней.

Потом, включившись в их игру, он помогал им собирать листья для «компрессов» и заживления «ран». И даже сам недолго был «раненым».

Нина перевязывала его руку бинтом, а он смотрел на неё и думал: «Надо же, какая она хорошая, и пальчики у неё... лёгкие, даже перевязки не ощущаю!»

Выбрав момент, когда другие девчонки не могли его слышать, он прошептал ей: «Давай с тобой будем дружить!»

Произнёс шёпотом, а ему показалось, что он прокричал эти слова так громко, что вся улица услышала. А девочка Нина взглянула на него, в её глазах блеснули искорки, и тоже ответила ему шёпотом: «Давай!»

Он хотел погостить у дяди дня два, а задержался на целую неделю.

Девочка Нина вскружила ему голову и, не смотря на то, что им обоим было всего по десять лет, его детское сердце волнительно билось при каждой встрече с ней.

Вскоре к их компании подсоединились ещё трое пацанов с соседней улицы, и днями они всей дружной гурьбой ходили купаться на озеро, потом играли в переулке в игры: «из круга вышибала», «монах в красных штанах», «штандер» или «казаки-разбойники», а ближе к вечеру шли в кинотеатр на детские сеансы.

Вовка каждый раз старался держаться рядом с Ниной, чтобы коснуться её руки и уже не стеснялся показывать то, что она ему нравится...

Он бы, конечно, готов был остаться в гостях у дяди и на всё лето, но через неделю приехал старший брат и забрал Вовку в деревню:

– Загостился ты что-то долго, а там покосы скоро начнутся.

– Так и ты бы, Слава, погостил тоже немного. – вступилась за Вовку тётя.

– Да там родственники приехали, и ещё деду с бабой помогать надо. В другой раз как-нибудь!

– А кто приехал?

– Да тётка с Норильска с Танькой и Вовкой. Они на море отдохали, а теперь вот в деревне будут.

– Ух, ты! Здорово! А вода сошла?

– Сошла, но по колено ещё местами. Пацаны горские и подгорские каждый день рыбачат, и мы с Петькой да Серёгой

брешком чебака и щучку ловим. Так что собирай свои манатки и на автобус!

Вовкин отъезд не остался незамеченным: сестрёнка обежала всех и его новые друзья почти в полном составе пришли на автовокзал. Прощание было недолгим.

Вовка стоял в автобусе, уткнувшись в заднее стекло, смотрел на друзей и махал им рукой. Больше всего, конечно, это было для девочки в светлом платье в горошек, которой он успел сказать, что ещё обязательно приедет.

В ДЕРЕВНЕ

Вода ещё несколько дней уходила в русло Оби, оставляя после себя на «толке» вывернутые с корнем деревья, разный мусор и много больших, но неглубоких луж-озёрец, в которых было полно мальков и щурагаек. Утрами Вовка вставал раньше сестры и братьев, бежал с ведром и самодельным марлевым сачком ловить рыбу для завтрака, благо «рыбное место» было прямо за огородом.

Освобождённая от воды земля, благодаря палящему дневному солнцу с горячим ветерком и тёплым ночам, просыхала быстро, и утрами над подгороской частью деревни и рекой разливался лёгкий от испарений белесый туман, из него выглядывали деревья и крыши деревенских изб, издалека похожие на перевернутые лодки. Вовке нравилось, пробежав от дома по пологой тропинке до конца длинного огорода, входить в эту слегка влажную и невесомую колеблющуюся дымку, поверхность которой переливалась бледными цветами радуги, и стоять, наблюдая, как она растворяется под лучами восходящего солнца, прижимаясь всё ниже и ниже к земле.

А потом вдалеке под «лодками» начинали появляться вначале расплывчатые, но постепенно приобретающие чёткие очертания, дощатые и бревенчатые стены домов, амбаров и

изгороди. Всего несколько минут и утреннее марево, расслаиваясь вначале на крупные острова, растягивалось и разделялось на несколько меньших, а вскоре и совсем исчезало, оставляя после себя едва заметную взвесь, вибрирующую у поверхности земли. И он, по мере исчезновения тумана, приседал вместе с ним и наблюдал, как открывались полянки с нежной зеленью травы и зеркальные глади луж-озёрец.

Вовка на этой утренней рыбалке был не один: поодаль от него из белесой дымки появились фигуры нескольких деревенских пацанов. Они поприветствовали друг друга, помахав рукой.

Рыба в «лужах» после паводка с каждым днём исчезала всё быстрее и быстрее, без притока свежей воды она становилась квёлой и начиналадохнуть, а потому была лёгкой добычей для кошек и птиц. В этот раз, с трудом наловив полведра более-менее ещё живой рыбы, Вовка, мокрый по колено, пошёл к пацанам посмотреть на их улов.

– Привет, «сачки»! – шутя, поздоровался Вовка.

– Привет, «сачок»! – шутя, получил в ответ.

– Не, это уже не рыбалка! Скукотаща.

– Вот на песках бы с бреднем полазить! – по-взрослому говорили пацаны. – Они уже почти освободились от воды. Сейчас там такие заливчики! Рыбы кишит уйма. Дед Путинчик уже сплавал не один раз на своей долблётке. Вчера видел, почти мешок наловил. И стерлядку, и кастрюка!

Летом излюбленным местом для вечерней и ночной рыбалки взрослых и дневного отдыха деревенских пацанов был большой песчаный остров, густо заросший тальником и дикой облепихой, с небольшим озером и несколькими неглубокими и тихими заводьями-затонами, удобными для ловли рыбы бреднем и на удочки. Ещё после паводка на острове оставалось много зайцев, а иногда и лис.

– Да скоро уже! Вода почти спала, не сегодня-завтра лодки с отцами начнём спускать. А там и на пески. Накупаемся и порыбачим, во-о!

– Здорово! У деда тоже лодка уже готова, только она большая очень.

– Так дед Вася на ней бригады переправлять будет за реку, а наши поменьше, так что на наших лодках будем на пески плавать, пока покосы не начались.

– И на зайцев поохотимся.

– Силками?

– Да можно и с ружьишком. Я у отца возьму.

– Не, с ружьём не надо. Силками интереснее или капканами. Расставим их, а сами по острову будем бегать, и загонять зайцев в ловушки. А?

– Точно, а можно ещё и бредешки или сети поставить. Поневодим, потом расставим сушить, глядишь ещё и зайца или лису поймаем!

Деревенские пацаны нравились Вовке своей взрослостью и самостоятельностью. Они лихо скакали на лошадях, здорово плавали и ныряли, знали, на что и когда рыбачить, в этом он убедился ещё прошлым летом, а ещё хорошее в них было то, что они не задавались и не сильно-то выпячивали своё умение, как-то просто с ними и было чему поучиться. А ещё они умели слушать, и эта их черта ему тоже очень нравилась потому, что он умел и любил рассказывать.

Помечтав с ними про то, чем они будут заниматься на песках, Вовка со своим уловом отправился домой, какая-никакая, а рыба на завтрак им была добыта.

Через несколько дней, успокаивающаяся после паводка река начала принимать свой привычный облик, становясь заметно чище и приветливей. Прогудроненные лодки, заждавшиеся спуска на воду, занимали свои постоянные места вдоль берега, важно покачиваясь на волнах. На реке оживало движение пароходов и барж, перевозивших песок, лес и щебень, но больше всего ожил затон, где деревенская ребятня, выполнив свои работы по домашнему хозяйству, барахталась, ныряла, плескалась и нежилась после купания на песке под жарким июльским солнцем.

А два раза в день, около полудня и вечером, они бежали к берегу любоваться, как грациозно и быстро скользит по воде большой красивый белый теплоход на подводных крыльях под звучным названием «Ракета». В эти минуты они с восхищением и завистью к пассажирам махали руками в знак приветствия, наблюдали за стремительным приближением и таким же быстрым исчезновением «Ракеты» за горизонтом.

Парни постарше с разбегу прыгали в приближающиеся вспененные волны, оставляемые, как подарок, подводными крыльями теплохода.

ПЕСКИ

В один из таких дней Вовкин двоюродный брат, который был на полгода его младше и которого тоже звали Вовкой, с гордым видом пронёсся вдоль берега на железной моторке с двадцатисильным мотором «Вихрь», разрезая острыми рёбрами днища лодки волны, оставленные проскочившей «Ракетой». Лёгкая лодка с задраным вверх носом подпрыгивала на высоких волнах, оставляя за собой пенный след. Сделав пару крутых разворотов, она от середины реки направилась прямо к тому месту, где стояли восхищённые мальчишки и девчонки, с шиком причалила к берегу, и Вовка, выскочив из лодки, быстро привязал её к торчащему пеньку:

– Привет!

– Привет! Привет! Привет! – все пацаны по-взрослому жали деревенскому Вовке руку или хлопали по спине и плечам.

– Привет, брат!

– Привет! - Вовка пожал Вовкину руку.

Ребятня вернулись в затон, а два Вовки сели на берегу:

– Лихо ты пронёсся по волнам! Я бы так не смог! А у тебя здорово получилось! А ты не боялся так по волнам плыть?

– А чего бояться-то? Я, знаешь, сам на лодке плаваю и сети ставлю. Небольшие. С отцом и дедом мы большие сети ставим, а сам я – маленькие. Дед Архип мне их вязал.

– А дядя Ваня, он не будет ругать тебя за то, что ты лодку взял?

– Кто? Отец!? Да он мне ничего не запрещает!

– Ну, так уж и ничего!

– Точно тебе говорю. А хочешь, сейчас рванём на пески?

– Вдвоём, что ли?

– А ты чё, боишься?

– Да, нет!

– Ну, тогда погнали! Сети, бредень и удочки у меня в лодке есть.

Вовки уже начали садиться в лодку, как к ним подошёл старший брат Славка.

– Вы чего это тут удумали, орёлики?

– Да ничего. На пески поплывём, сети ставить и бреднем рыбу ловить. А что?

– А вот и ничего! Без нас, одни не поплывёте, поняли! – Славка взялся за цепь лодки, повернулся к затону и крикнул своим друзьям. – Пацаны, айда сюда!

Подошли трое Славкиных четырнадцатилетних деревенских друга.

– Вот, они тут на пески собрались. Одних их отпускать нельзя, а может, с ними сплаваем, порыбачим!

– А чё, можно. А у тебя снасти-то есть? – Спросил один из подошедших у Вовки, хозяина лодки.

– У меня всё есть.

– Ну чё, тогда поплыли! Заодно и остров обследуем, поглядим, что там после разлива стало.

Вовки против такой компании не возражали.

Взревел мотор, и лёгкая металлическая лодка, называемая «казанкой», сделав лихой разворот, взяла курс к острову, о посещении которого деревенская ребятня сильно мечтала. А тут сам бог велел: лодка подвернулась кстате, и паводок закончился, и вода в реке сошла, и остров, густо заросший тальником и облепихой, приподнялся из воды, раскинул вдоль реки свои просторные песчаные берега, быстро просыхающие под палящим июльским солнцем, манил к себе.

То, что в его внутренних водоёмах плескалось много рыбы, мальчишки знали, и ещё там должны быть ондатры, а в густом тальнике прятались лисы и зайцы, которых можно будет попробовать выловить силками или сетями. А между делом – покупаться и позагорать.

Казанка проворно двигалась, слегка подпрыгивая и разрезая килем небольшие волны, которые недовольно вспенивались и осыпали ребят в отместку мелкими брызгами. Но для них это были только приятные ощущения и не могло испортить приподнятого настроения от предстоящего путешествия и, возможно, охоты на огромном острове.

Брат с друзьями о чём-то громко переговаривались друг с другом, стараясь перекричать рёв мотора. Вовка, сидевший в носу лодки и крепко державшийся за её железные борта, не мог разобрать их слов, да ему это было и не так интересно, потому что он увлечённо смотрел вперёд, на быстро приближающийся пологий песчаный берег и мысленно рисовал себе картины возможных приключений на этом ещё не знакомом ему острове.

Лодка легко зашла в полкорпуса на берег, мотор взревел на холостых оборотах и заглох, его звук эхом растёкся по воде.

Вовка выскочил на берег и от неожиданности закричал, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой: горячий песок, нагретый полуденным июльским солнцем, сразу же дал о себе знать.

– Это тебе не на Севере! – засмеялся деревенский Вовка, с деловым видом выходя из лодки. Он спокойно прошёл по песку к ближайшей коряге и обмотал вокруг неё несколько раз лодочную цепь. – Ничего, за лето привыкнешь. Подошвы как дубовые будут. В Норильске своём по снегу босиком сможешь ходить.

Сказал просто, но как взрослый, уверенно. И Вовка ему поверил и даже на минуту представил себе, как он зимой снимает на улице валенки и носки и идёт себе спокойно по колючему снегу босиком под изумлёнными взглядами друзей.

«Здорово!»

Но сейчас он всё же обул сандалии. И вообще, этот Вовка деревенский хоть и младше его на полгода, но был какой-то весь надёжный и деловой, как Филиппок, про которого в школе читали.

Вовка бывал несколько раз у брата в гостях и видел, как тот лихо управлялся по хозяйству, чинил сети и знал, на что и какую рыбу нужно ловить и когда. Вовка тоже один раз попробовал ему помочь дырки в неводе залатать, но так и не понял, как эти узелки завязываются, напутал только больше. Братишка тогда ему с серьёзным видом высказал:

– Ни черта ты, Вовка, не умеешь. Смотри, каких охагин навязал.

Что такое «охаины» Вовка уточнять не стал, узлы, конечно, не очень красивые получились, но...

– Подумаешь! Нас в школе этому не учили, а на рыбалку мы в Норильске не ходим и сети не вяжем, понял! А рыбу в магазине покупаем. Когда надо!

– У вас она, поди, замороженная вся.

– Да, нет. Есть и живая. Она в таких больших ваннах плавает, а продавщицы их сачком вылавливают и продают.

– Сачк-о-м! Это разве рыбалка? Вот когда сетью или бреднем выловишь, это рыбалка! Вот паводок пройдёт, тогда и порыбачим!

Пока Вовка, задумавшись, вспоминал о былом, пацаны, вооружённые сетями, отошли метров на «дцать» от лодки:

– Вовка, удочки и канистру с водой прихвати! – донёсся Славкин голос.

Канистра была литров на пять, но, выгнутая от времени и долгого пользования, вмещала в себя чуть меньше ведра.

– Тяжёлая! – приподнял канистру Вовка и поставил назад в лодку. – А на фига нам столько воды на реке, – здраво рассудил Вовка, взял удочки и фланирующей походкой пошёл вслед удаляющимся рыбакам. Проходя мимо густых, но низкорослых зарослей, Вовка подумал, что нет никакого смысла просто идти за друзьями, тем более что удочки им сейчас не очень-то понадобятся: «Пока они там сети поставят, потом с неводом

побродят... Времени куча! Пускай они своими делами занимаются, а я прошвырнусь тут, по эти зарослям! Интересно же узнать, что там и как!»

За густыми тонкими ветками кустарников просматривались песчаные полянки и мелкие овражки. Вовка, встав на колени, прополз под этими преградами и очутился на небольшой поляне, окружённой молодыми деревцами облепихи, боярышника и тальника. Лёгкий летний ветерок с лучами солнца бегали по их стволам и веткам с поникшими от жары листьями, как бы поглаживая их в знак уважения за решимость вырасти на этой песчаной почве под солнцепёком. Шорох листьев сливался со стрекотанием кузнечиков, жужжанием пчёл и оводов в единый монотонный звук, а тёплый воздух был виден и слегка вибрировал под эту музыку лета. В тени густого переплетения веток, благодаря близости реки, было чуть прохладнее.

Вовкины продвижения вперёд приносили небольшие открытия: оказалось, что дальше, в глубине зарослей, деревца были толще и выше, и стояли чуть реже, а в небольших низинах кое-где блестели неглубокие лужи, вода в которых излучала изумрудную чистоту и искрилась, играя в лучах солнца. Сандалии спасали Вовкины ноги от горячего песка, а тёплый ветерок приятно поглаживал по рукам и телу, забираясь под рубашку.

Прекрасное чувство спокойствия и свободы переполняло. Вовка вообще любил свободу.

А тут! Свободы было полно! Братья с друзьями были где-то там, метрах в ста или чуть больше, потеряться и заблудиться здесь было негде: остров – он и есть остров, река кругом! Ходи себе, гуляй. Всё было хорошо, одно мешало – удочки. Пару раз крючки выскакивали из удилица и висели, угрожая воткнуться в руку или ногу. Закрепил. «И чё это они, эти рыбаки, ничего другого, путного, не придумают с этими крючками! Надо будет какие-нибудь чехольчики на свои удочки потом сделать».

Стараясь поменьше задевать за ветки, особенно сильно колючей облепихи, Вовка с удочками наперевес вышел на

небольшую полянку и... столкнулся с большим серым зайцем. От неожиданности они оба остановились, а заяц, видимо, от страха, встал на задние лапы, как бы пятясь назад, упёрся в ствол деревца и остановился, подняв передние лапы вверх. Его от ужаса широко открытые глаза и поза сдающегося в плен могли бы вызвать смех, но Вовка тоже не ожидал такой встречи, а потому стоял и заворожено смотрел в глаза зайца. Возможно, это обоюдное оцепенение длилось секунды, но показалось, что прошло несколько минут, время как бы остановилось, замедлилось.

Ужас в глазах зайца стал постепенно принимать выражение обречённости, а потом затуманился, видимо, от осознания полной безнадёжности своего существования.

Вовка очнулся первым, махнул удилищами по веткам и от внезапно появившейся сухости в горле прохрипел:

– Бры-ы-сь-ь! Бры-ы-сь-ь отсюда!

Заяц упал на бок, резко задёргал задними лапами, скользя по песку, потом он сумел всё-таки оттолкнуться и мгновенно скрылся в зарослях, оставив после себя облако песчаной пыли.

– Фу-у ты, блин! Напугал, зараза! – Вовка непроизвольно оглянулся, чтобы удостовериться, что этого никто не видел, и расхохотался: «Надо же, зайца испугался! Не, ну это просто от неожиданности! А так-то, чего его бояться-то!»

Захотелось пить. Но из луж, несмотря на их чистоту и прозрачность, пить особого желания не было. «Мало ли что может быть в этой воде, надо идти к лодке. Там канистра с водой. Да и пацаны, наверное, тоже захотят пить», – подумал он и отправился в обратный путь. – Блин, здесь кроме зайцев и лис ещё, наверное, и волки могут быть!»

Вовка прибавил шаг, прислушиваясь и оглядываясь на всякий случай.

Лодка была на месте и слегка покачивалась от небольших волн, ударяющихся о корму. Бросив в лодку надоевшие удочки, Вовка взял канистру с водой. В носу лодки из-под брезента торчала ручка топорика. Он прихватил и его: «А вдруг там костёр придётся разводить, а дров нечем будет нарубить!»

С топориком в руках было намного спокойнее.

Поднявшись на бугорок, за которым некоторое время назад скрылись друзья, Вовка увидел длинный неширокий затон, отделённый от реки узкой песчаной косой. Вдалеке, там, где затон соединялся с рекой, пацаны уже заканчивали ставить сеть, почти полностью перекрывающую устье.

– Ты чего-то долго. Дай-ка канистру с водой. Пить охота.

– На. Да так, возле лодки посидел немного, на деревню посмотрел, дома маленькие, как на картинках.

– А удочки где?

– А чего ими делать-то? Вы сети поставили, рыба сейчас сама наловится, а мы пока покупаемся.

– Рыбак, блин! Покупаемся... А топор-то зачем приволок? – спросил старший брат.

– Дрова для костра рубить.

– А что, Вовка прав. Будем купаться, а заодно и рыбу пуганём. Она в сети и поплывёт. Мы же их там для этого и ставили. – заступился за брата деревенский Вовка. – Айда купаться. А потом рыбу из сети вытащим, веток нарубим, костёр разведём, и будем её запекать.

... Такой вкусной запечённой рыбы Вовка отродясь не ел. Её готовили деревенские пацаны. Они ловко соорудили костёр, выкопали руками небольшое углубление в песке, уложили в неё часть пойманной рыбы, присыпали песком и перенесли на него угли прогорающего костра. Через несколько минут рыба была готова.

Отдых удался на славу, удочки, и вправду, не понадобились.

Потом они рассказывали разные интересные истории из своей деревенской жизни. Вовка тоже поделился норильскими случаями, а про сегодняшнюю встречу с зайцем он не стал говорить.

«Оно им это надо?» – подумал он.

ЛЕЧИТ ТОЛЬКО ВРЕМЯ

В нашей суматошной жизни мы часто пробегаем мимо того, что впоследствии могло оказаться именно тем ради чего мы вообще бежали в этой жизни. И мы продолжаем двигаться вроде бы вперёд по нужной дорожке, совсем не подозревая, что это совсем не та тропинка, и вот она вдруг заканчивается на обрыве или у глухой стены. А это значит, что мы выбрали не то направление, и распахнули где-то там, раньше, не ту калитку, которая должна была открыть нам верную дорогу, подошли не к тому подъезду дома, и прямо перед нами – закрылась дверь, и сломался домофон.

А может наш бег был именно к тому вагону поезда, который уже тронулся и набирал скорость, а мы не сумели запрыгнуть и, добежав до конца перрона, остались стоять, глядя ЕМУ вслед. И именно в такие моменты мы и меняем направление своего бега. А надо ли было менять? Где-то и когда-то это уж было? Когда-то мы уже это проходили? Или – пробежали...

Мы точно бежали и именно в этом месте... Бежали, падали, сбивали коленки в кровь, бороздили носом придорожную траву и вдыхали пыль полевой дороги...

И наши слёзы капали, сбегая солёными струйками по щеке, и смешивались с серой взвесью...

А чуть поодаль на горизонте вибрировали силуэты тех, кого мы любили с детства...

Их знакомые очертания растворялись и постепенно исчезали в дымке...

И, мы уже не бежали...

Понимая внутри себя, что наш бег нам сейчас не помощник – нам их не догнать сейчас...

Не сейчас... не сей час...

.....

Лечит только Время!

И то, только на время...

Поэзия

Вера Петровна ТУРЕЦКАЯ

Учитель русского языка и литературы. Почетный работник общего образования.

Член Российского союза писателей.

Номинант премии «Поэт года 2019», награждена медалью «Анна Ахматова 130 лет». Победитель Литературного конкурса «Золотое

перо Алтая 2020», Диплом Лауреата 2 степени.

Финалист всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2021». Награждена Знаком администрации города Барнаула «За вклад в развитие литературы».

Живёт в городе Барнауле.

ПЕСНЯ ДУШИ

Душа поет в любое время года,
Ей ветра вой и стужа нипочем,
Никак не повлияет непогода
На радость, бьющую в душе ключом.
Бывает же все солнечно и сухо,
И день как день, и ночь как звезд парад,
Но спит душа или вздыхает глухо,
Хоть нет для песни видимых преград.
Торжественное в песне есть начало.
Сопрано это, альт иль баритон,
Чтоб на душе мелодия звучала,
Божественный ей нужен камертон.

ВЛЮБЛЁННОСТЬ

Я влюбилась, и это чудесно!
В луч зари! Пенье птиц ранним утром
ворвалось в жизнь мою, словно песня,
росы бросили горсть перламутра.
А вчера для себя незаметно
я влюбилась в ручей у лесочка –
и наутро порой предрассветной
родилась долгожданная строчка.

В прошлый вторник влюбилась в дорогу –
и умчалась считать километры.
Бросив в поле тоску и тревогу,
танцевала под музыку ветра.
В сентябре в тихий вечер погожий
в аромат хризантемы влюбилась,
горьковатый, с полынным чуть схожий –
все печали, обиды забылись.

Каждый день влюблена я во что-то:
в черный кофе иль вальс листопада.
Очарует возможность полёта,
плеск волны и ночная прохлада.
Без влюблённости меркнут мгновенья,
в серой плесени день затухает,
в каждом миге ловлю восхищенье
и влюблённую жить продолжаю.

ОКНА НА ЗАПАД

Окна на запад. С небесных холстов
утренний лучик ко мне не заглянет.
Вижу: края облаков-парусов
нежно румянит.

В окнах напротив играют лучи,
мне, как подачку, шлют свет преломлённый.
Я замираю без всяких причин
в раме оконной.

Можно дождаться заката, когда
в стёкла озябшие луч постучится.
День пролетел, не оставив следа –
жизни частица.

К свету на улицу выйду, во двор,
новое утро даровано Богом.
Солнечный луч, бесконечный простор
там, за порогом.

ВЕСЕННЯЯ ХАНДРА

Я стою у окна,
за окном непогода.
Кто сказал, что весна –
Время лучшее года?

Кто сказал, что ручьи,
что журчат по ложбинке –
это песнь о любви,
а не снега поминки?

Отдаваясь мечтам,
ждал сугроб птичьей стаи,
точно зная, что сам
в это время растает.

И бегут по стеклу,
ручейками сливаясь,
капли-слёзы. Они
то ли – грусть, то ли – радость.

Снег, ручьи и трава –
Всё расписано чётко.
Может, я не права,
Но взгрустнулось мне что-то.

МОЙ КЛОН

Мой клон сумеет вспомнить детство
и бег по лужам босиком?
Скакалку – от унынья средство?
И спуск на санках кувырком?
Он будет знать, как сердце билось
от слов любви, от нежных встреч?
Мой клон всё то, что сердцу мило,
сумеет бережно сберечь?
Ночной порой в час звездопада
захочет в вальсе закружить?
Что вложит он – узнать мне надо –
в коротенькое слово «жить»?
Иль только тело-оболочку
повтором без души возьмёт?..
Тогда пусть жизнь поставит точку
на мне и новых призовет –
тех, что в любви берут начало,
приходят с криком в этот мир,
чтоб в душах музыка звучала,
чтоб Пушкин волновал, Шекспир.
Поэтому не надо клонов –
я в детях воплощусь. Они
по вечным мировым законам
в своих детей вдохнут огни.

ЯБЛОНЬ ЦВЕТ

Как к лицу тебе, город родной,
майских яблонь наряд кружевной!
Задержу я восторженный взгляд –
кружит голову их аромат.

И несёт меня память туда,
в ту весну, в молодые года,
где последний звонок и вокруг
счастье в лицах друзей и подруг.

В белой дымке тонул школьный двор.
Вспоминаю смешной разговор,
те цветы, что мальчишка дарил
и ответ на признание просил.

Сколько лет! Где мальчишка смешной?
Стал другим он, я стала другой,
только каждой весной яблонь цвет,
будто юность, мне машет вослед.

БЕССОННИЦА

Небо кутается звездным ситцем,
ночь темна, да только мне не спится.
В дом бессонница без стука входит –
без прогулов при любой погоде.

Соловьем в окно влетает летом,
не уходит с солнечным рассветом,
что-то шепчет мне дождем осенним,
рвется непогодой ночью в сени.

В зимний вечер входит воем вьюги –
до утра мы лучшие подруги.
Барабанит звонкою капелью
ночью по бессонному апрелю.

В межсезонье мне бы оказаться –
навсегда с бессонницей расстаться.

ЖУРАВЛИК

Журавлик в небе изредка мелькал –
к нему тянулась вдохновенным взглядом
туда, где в мире облаков и скал
мне всё казалось сказочным укладом.

А может, то орел, а не журавль
(курлыканье и клекот различу ли?)
призывно звал в заоблачную даль,
где небеса просторы распахнули.

А у меня синичка на окне
в красивой клетке щебетала сладко...
Журавль летает где-то в вышине,
и по нему вздыхаю я украдкой.

Я ромашками душу укрою,
исцелюсь белоснежной красой,
что колыхнется пышной волною,
уводя от проблем тишиной.

А цветы смотрят детски-открыто,
наполняя сердца теплотой,
и горят ярче жарких софитов,
умываясь росинкой-слезой.

Было время – гадала весною,
лепестки уносила река,
а сейчас лишь вдыхаю душою
аромат полевого цветка.

ПОЛЁТЫ ВО СНЕ

Приходят сны с неведомых планет,
Из прошлых жизней, точно я не знаю.
Реальности в них часто просто нет,
Зато есть сны, в которых я летаю.
Свободно оттолкнувшись от земли
И распластав забавно крылья-руки,
Взлетаю, как взмывают журавли
К высотам неба после дней разлуки.

Какое упоенье мне дано
Купаться в чистых воздуха потоках
Забыв, что в этой жизни суждено
Не ведать о последних наших сроках!
Сжимая сердце, камнем падать вниз
И криком заглушать приливы страха!
Но вдруг присесть на старенький карниз,
Забыв, как только что хотелось плакать.

Так было много-много лет подряд.
А мне твердили: в детстве лишь летают.
У них на землю был направлен взгляд,
О снах-полетах ничего не знают.
Накаркали пророки. Все прошло.
Уж больше не летаю я ночами.
Вот если б снова встать мне на крыло
И в вышине обняться с облаками!

Я ПОДРУЖИЛАСЬ С ТИШИНОЙ

Я подружилась с тишиной,
Она мне лучшая подруга,
Проверена в мороз и зной,
Когда был листопад и вьюга.

Так много слышала она
Моих речей исповедальных
И уводила, как могла,
От дум томительно-печальных.

Спасая от тревожных снов,
Сидела рядом на диване,
И ей не нужно ничего,
Не уличишь ее в обмане.

Не выдаст тайн моих и слез,
Не шепчет за моей спиной
И лишний не задаст вопрос,
Не осмеет перед толпою.

У нашей дружбы много дней,
И места нет в ней пересуду.
Войду домой, закрою дверь
И с тишиной вдвоем побуду.

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

Отраженье в зеркале усталом
Взгляд не радует который год.
Мою юность, словно снегом талым,
Унесло давно за поворот.

А душе по-прежнему семнадцать,
И ночью лунною порой
Улетает, дерзкая, купаться
Августа серебряной росой.

И гуляет часто до рассвета,
Ворошит ушедшие года,
Где остались грезы и секреты.
Где девчонка с челкой молода.

Посылает образы и встречи,
Наполняет смехом разговор,
Убеждает, что еще не вечер,
Зеркало – еще не приговор.

ЕСЛИ ШУМ ГОРОДСКОЙ НАДОЕСТ

Если шум городской надоест,
Я скажу себе так – пора.
И решу за единый присест,
Что оставлю в своем вчера:

Несмолкаемый грохот машин,
Светофоров разумный свет,
Супермаркеты всех величин,
Проездной на трамвай билет.

Почему? Потому что давно
Я не видела свет зари,
По ночам в городское окно
Светят ярче луны огни.

В бесконечном просторе степей
Думы светлые воскрешу,
Под напевы ветров и дождей
Строки новые напишу.

Но... зовет свет ночных фонарей
И одиннадцатый этаж,
Как люблю я раздолье степей,
Так люблю городской пейзаж.

УТРО АВГУСТА

Утро с холодной росой,
Капли блестят на траве.
Уж не ступаю босою
В августе по мураве.

Кажется, будто седою
Стала трава поутру,
Или далекой звездой
Брошены искры в саду.

А через траву дорожка –
Кот пробирался домой,
Фыркал, ступал осторожно,
Лапки купая росой.

Вон воробей деловито
Пьет возле клумбы росу.
Розовый куст у калитки
Росами множит красу.

Пара часов – растворится
Этот волшебный пейзаж,
Чтоб поутру повториться
Августа сказкой для нас.

ХРИЗАНТЕМЫ

Кремово-розовым цветом
Куст хризантем под окном,
Но
Осень прощается с летом,
Входит в притихший мой дом.

Розы, гвоздики в расцвете,
Буйно цветет портулак,
Но
Это осенней примете
Не помешает никак.

Видимой нет перемены,
Дождь не стучится в стекло,
Но,
Если цветут хризантемы,
Осени время пришло.

Сергей Константинович КОРМИН

Член Союза журналистов России, Российского союза писателей, один из основателей фонда “Пушкин и Поэт”, по инициативе которого построен памятник А.С.Пушкину в городе Барнауле. Сотрудничает с композиторами России. Автором написано более 200 песен и романсов, выпущено более 40 видеороликов. Стихи опубликованы во многих газетах, журналах, в коллективных сборниках. Издано 16 авторских поэтических книг. Стихи и песни опубликованы на сайтах: СТИХИ.РУ, ПРОЗА.РУ, «Неизвестный гений» «Изда-читальня» и других. Живёт в городе Барнауле..

Подборка публикуется в авторской редакции.

ДОСТАНЕТ МАМА ЧУГУНОК

Достанет мама чугунок
Из русской печки,
И в этот час в семье родной
В глазах сердечки.
Жаркому рады все и маме,
Теплу от печки;
И мама тоже рада нам,
Любви сердечной.

В кругу семьи не все сидят,
Всё чаще порознь,

И стало меньше в ней ребят,
Что будет скоро?
Живём в погоне за рублём,
Теряем много;
Порою, кажется, живём
В душе без Бога.
И понимая, что душа
Главнее тела,
Всё забываем, боль верша
На свете белом.
Теряем связи всех родных
И память детства;

Бездушие в семьях не роднит,
В нём нет наследства.
Бабули, деды, детвора
Жизнь забывают,
В которой вся страна жила,
И даже хают.
Что будет дальше, не узнать,
Понять несложно;
Спасут нас всех отец и мать,
Когда тревожно.

Сегодня мамы с папой нет,
Осталась память,
И лишь в душе остался след
Да в сердце камень.
За Русь тревожно, за детей,
За души наши,
Но верю я, что нет родней,
России краше.

НЕ ПО ГЕНАМ НАДО ЧУВСТВА МЕРИТЬ

«В изменах оба виноваты» -
Я поверить в это не хочу.
Ни к чему все споры и дебаты,
Коль в основе фразы боль и чушь.

Тот, кто любит сердцем, не изменит,
Будет всей душою доверять.
По поступкам дружбу с детства мерят,
В дружбе надо всё соизмерять.

Не по генам надо чувства мерить,
Не они всегда всему виной.
В поведенье кроются измены,
Фальшь Любви не видима порой.

Видно людям, кто и как воспитан,
Кто к чему стремился и как жил;
Можно всё провеять, словно ситом,
Даже то, что в жизни пережил.

Редко в жизни виноваты оба.
Путь к измене кроется в душе.
На грехи ведь не поставишь пробу,
Все, кто предают, не в шалаше.

В головах у них азарт и похоть,
Не хотят в порывах тормозить.
Им не важно, что кому-то плохо,
Им прощенье не дано просить.

КАК ТРУДНО ГОВОРИТЬ: «ПРОЩАЙ!»

Романс

Как трудно говорить: «Прости!»,
Когда Любовь с частичкой боли,
Когда с ней нет счастливой доли,
А сердце просит: «Не грусти!»
Как трудно с неродными жить,
Когда частенько воев стужа,
И мысли с чувствами не дружат,
И очень хочется любить.
Как трудно сердцу отвечать,
Когда в душе нет пониманья,
Не достаёт Любви вниманья,
За грустью тянется печаль.
Как трудно говорить: «Прощай!»,
Когда Любовью тело дышит,
Когда любимые не слышат,
А сердцу слышится: «Встречай!»

Как трудно говорить: «Прощай!»

ФОТО ВЫПУСКНОГО

песенное

Знакомые лица и фото родное
Напомнили день выпускной и года...
Я их вспоминаю, и в сердце былое
Во мне воскрешает, как жили тогда...
Как вместе гуляли, дружили, любили,
Я всех вспоминаю, листая альбом.
Все школу родную навряд ли забыли,
Она рада встречам, и многим как дом.

И всё же порою звонки или встречи
Не раз возвратят нам той юности свет.
Я знаю, что с ними не так быстротечны
Года, что летят и в которых наш след.

Знакомые лица и фото родное
Напомнили день выпускной и года...
Я их вспоминаю, и в сердце былое
Во мне воскрешает, как жили тогда...
Учились, играли, общались и знали,
Что школа нам даст перспективу и рост;
То время прошло, всех нас жизнь разбросала,
Мне жаль, что разорваны связи всерьёз...

ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ

песенное

Вот и вновь мы вместе собрались,
Друг от друга отдалило время;
Для кого-то встреча словно бремя,
А для нас вновь радостные лица.
Ручейками новости текут,
Вспомнили мы школу и разлуку;
И сегодня пожимаем руки,
К памяти дороги нас ведут.

Припев:

Мы смотрим фото из альбома
На встречах в школе, чаще дома,
И пролетают годы жизни,
Любовь к семье, к родной Отчизне.
На фото все мы молодые,
Сегодня многие седые.
Мы вспоминаем выпускной
И годы жизни за спиной.

Вновь воспоминания о встречах,
Юбилеях школы и друзей;
На душе становится светлей,
О работе близких чаще речи.
Жизнь летит, не остановишь миг,
Не у всех есть время и желанье,
Но остались в памяти признанья,
Дружбы и Любви сегодня пик.

Припев:

В ТЫЛУ РОЖДАЛИСЬ ПАТРИОТЫ

В тылу рождались патриоты,
В войну немало было их.
На фронт просились взводы, роты
Простых ребят, но боевых.

Со школьной парты уходили,
На фронт стремились в трудный час.
У ветеранов научились
Громить врага в который раз.

На финской бились ветераны,
Они прошли и Халхин-Гол;
С Испании остались раны,
Когда фашизм с войной пришел.

В тылу рождались патриоты,
Со сказок нянь и матерей;
Со слов, рассказов на уроках,
Примеров пап, учителей.

С войны гражданской научились
Патриотизму и борьбе,
На фронт пошли, как деды бились
На первой мировой войне.

В тылу рождались патриоты,
На пашнях, стройках, у станков,
Взрастали с песнями пехоты,
Артиллеристов, моряков.

Наставников немало было,
Прошедших тернии войны,
И память наша оживила

Победы, промахи страны.
Детей войны немало жило,
Хотелось им весь мир познать.
Они ростками жизни были,
В тылу учились побеждать.

В тылу рождались патриоты,
Мы вспомним их в победный час;
Полки бессмертные и роты
Пройдут по площади не раз.

НЕ ТОЛЬКО НА ВОЙНЕ КУЁТСЯ СЛАВА!

Не на войне погиб солдат - в тылу,
Он защищал Российскую Державу.
Отважным слыл, подобен был орлу,
И награждён был орденом по праву.

С бандитами сражался он не раз,
На фронт просился в годы лихолетья;
И службу нёс, как многие сейчас,
Как деды и отцы в былых столетях.

Не на войне погиб солдат - в тылу,
Таких, как он, немало по России,
Мы воздаём за подвиги хвалу,
Немало их таких под небом синим.

Немало их таких - тыловигов,
Немало тех, кто на войну просился,
Кто понимал всю роль большевиков,
Кто на полях и фабриках трудился.

Немало тех, кто у станков стоял,
Кто строил и пахал, кто плавал в море,
Кто Русь родную дома защищал,
Пуд соли съел, испытывая горе.

Немало жен, российских матерей,
Боровшихся в тылу за мир и счастье;
Раствоивших в лихолетие детей
И переживших не одно несчастье.

Детей войны немало и сейчас,
Они выросли, старшим помогая,
И в их сердцах всегда звучал наказ -
Не только на войне куётся слава!

Не на войне, сражались и в тылу,
Таких людей немало по России,
Мы воздаём за подвиги хвалу
И славим тех, кто жил под небом синим.

ВЕТЕР

Я могучий, я могучий,
Я гоняю в небе тучи,
И на суше, и на море,
В городах и на просторе.

Я могу циклон затеять,
И со штилем нежно реять,
И торнадо запустить,
Не хочу скучать, грустить.

Всё могу, ведь я могучий,
Я могу затеять бучу.

И на суше, и на море
Мне мешают только горы.

Я бушую ураганом,
Хулиганю уркаганом*,
Разрушаю города,
Не скучаю никогда.

**Уркаган — вор, бандит*

БРИГАДА

У стола бригада — он, они:
Сестры рядом, анестезиолог...
В этот час, который всех роднит,
Жизнь, как миг, растянута надолго.
Главный он, больной в его руках,
У стола хирург за всё в ответе,
Ангелы сейчас не в облаках,
Рядом где-то с аурою светят.

Кто кого оставит в дураках,
Жизнь и смерть в преддверии фортуны.

Вся бригада рядом, в двух шагах,
Нервы всех натянуты, как струны.
Все на взводе, близится финал,
Смерть ушла, и вся бригада рада,
А хирург спасибо всем сказал,
Жизнь больного - лучшая награда.

АЙБОЛИТА ЛЮБЯТ ВСЕ

Все с рожденья знают дети:
Айболита любят все,
Потому что добрый, светлый,
Потому что лечит всех.

В поликлинику, в больницу
Все идут, когда беда.
В кабинете с медсестрицей
Он встречает всех всегда.

Ставит градусник под мышку,
Смотрит ласково в глаза,
Лечит ранки и одышку,
Ручки, ножки и сердца.

Знают взрослые и дети,
Если больно, то больной.
Доктор все болячки лечит,
Потому для всех родной.

СТИХИ О ЦИРКЕ. ГИМНАСТЫ

Под куполом летают,
Порой под ним парят;
Как будто в небе стая,
Красив у них наряд.
На тросе, на трапеции,
На кольцах их полёт.
Фигуры в их коллекции,
Как звёздный хоровод.

Гимнасты на арене
Не могут в страхе жить,
Как на эстрадной сцене,
Им хочется творить.
Прыжки, растяжки, сальто,
Кульбиты, трюки, жим...
Порой себя ни жалко,
И каждый одержим.

Воздушные гимнасты,
Гимнасты-силачи,
Гимнасты-акробаты...
Непросто их учить.
Их не научишь в школе,
Им цирк — и вуз, и дом.
Есть в их нелёгкой доле
Общение с творцом.

КУДА УХОДЯТ ГОДЫ

Куда уходят годы
И юности года?
От них, как с небосвода,
То холод, то жара.

То в памяти проснётся
Из детства уголок,
С которым нить не рвется,
И луч не одинок.

То в юность окунется
Из памяти родник,
В Любви рекой прольется
Её счастливый лик.

То зрелость словно море
Затеет круговерть,
С судьбою часто споря,
Покажет палец вверх.

И старость отдаляет
Еще на год иль два,
Ведь зрелость составляют
Прожитые года.

В них мама с папой будут
С рожденья до конца,
А годы - незабудки
Останутся в сердцах.

ЛОВИ СВОЙ ШАНС

(Романс)

Лови свой шанс, счастливые мгновенья,
Они в судьбе даются только раз.
Лови момент без горечи сомнений,
Не зря их Бог подбросил вам сейчас.

Лови Любви признания и чувства,
Движенья тела, разума, души,
Ведь выбор каждый - тоже часть искусства,
С ним достигаешь радости вершин.

Лови полёты мыслей, ритмы звуков,
Не каждый видит, чувствует Любовь.
Глаза и сердце отражают руки,
И через них приходит счастье вновь.

Лови Любовь зимой, весной и летом,
Когда приходит осени пора.
Она во всём, и светит разным светом
С зари ночной, с утра и до утра.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

(Романс)

Я помню вкус и запах поцелуя,
Он у меня остался на губах;
С ним не расстался, в помыслах ликуя,
Моей ты стала птицею в руках.

Весь трепет губ в одном дыханье слился,
И нежность воцарилась в мыслях вновь.
Я с поцелуем весь с тобой сроднился,
Всё потому, что в нас цвела Любовь.

От нежной страсти души ликовали,
Наш разум в миг почувствовал Любовь;
Он растворился в теле и в пространстве,
Во времени, в котором правит Бог.

Я помню вкус и запах поцелуя,
Он у меня остался на губах;
С ним не расстался, в помыслах ликуя,
Моей ты стала птицею в руках.

ПАМЯТЬ КЛИНА НАШИХ ЖУРАВЛЕЙ

(Романс)

Я тебя не вижу, не ласкаю
И Любовь дарю совсем другой;
Дни и годы пролетают стаей,
И сегодня ты уж не со мной.

Не вернуть прошедших лет волнение,
Жизни реки вспять не повернуть.
Все твои терзанья и сомненья
Проложили, видно, ложный путь.

А могло сложиться по-иному,
И судьба у нас была б другой.
Счастье наше было бы в хоромах
Или в шалаше и не со мной.

А сегодня жизнь совсем другая,
Развела нас молодость давно.
Видимо, Любовь была земная,
Сердцу, видно, было всё равно.

Может, иногда ты вспоминаешь,
Обо мне и о Любви моей.
Как и я, ты провожаешь стаи,
Память клина наших журавлей.

С ОДНОЙ СУДЬБОЙ ВСЁ ПО ПЛЕЧУ

Как медленно текут минуты
До встречи, приближая день,
А я, под тяжестью согнутый,
Хотя в душе цветёт сирень.
Вновь во дворе весна в разгаре,
Ручьи, и лужи, и капель,
И властвует апрель, как барин,
Слышна под солнцем птичья трель.
Ловлю минуты и мгновенья
Весь в ожидании звонка;
И ты, я знаю, без сомнений,
В Любви витаешь в облаках.
Огонь её в глазах я видел
И в вальсе чувствовал не раз.
И за столом с тобою сидя,
Я думал мысленно о нас
И о возможности общенья,
О музе, что мне дарит Бог,
О жизни всех переплетеньях,
В которых властвует Любовь.
Как медленно текут минуты,
Приблизить встречу я хочу;
Пойти с тобой одним маршрутом -
С одной судьбой всё по плечу...

КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЫ С ТОБОЮ РЯДОМ

Просыпаюсь, живу любовью,
Вновь в озерах твоих тону.
Помогают мне в жизни боги,
Перед ними мы все в долгу.

Каждый день мы с тобою рядом,
Чувства дарят мне радость жить,
А улыбка твоя и взгляды
Помогают любить, творить.

Сердца ритмы с луной и солнцем
В нас с тобою сплелись в клубок,
Мы их пьем каждый день до донца,
Как чистой воды исток.

Знаю я, что мы вместе будем
Жизнь всю радовать день за днём,
Не утонем и в серых буднях,
Потому что в Любви живём.

**У МИРА
ТРИ БОЖЕСТВЕННЫХ НАЧАЛА**

Сонет

У Мира три Божественных начала:
Добро и зло, плюс – минус, да и нет;
В вопросах и в ответах изначальны,
И в Космосе они, как тьма и свет.

И вместе с ними третье – Равновесье,
Закон Весов, в котором Высший Суд;
Лишь у людей бывает мракобесье,
Фантазии, рождающие блуд.

Они диктуют версии движенья,
Рожденье звёзд, галактик, мыслей, слов ...,
Три в Разуме в основе Мирозданья,
Божественны в них Вера и Любовь.

Во времени, в пространстве люди тленны,
Всем правит Высший Разум во Вселенной.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ МАЛЕВИЧА

*Посвящается художнику –
авангардисту*

Казимиру Малевичу (1879-1935)

Нарисовать его все могут,
Весь мир познал фигур букет.
Их описать, конечно, можно,
Но выбран был другой сюжет.
Художник брак закрасил краской
И превратил его в квадрат,
Но лень заставила снять маски -
Он зрителям поставил мат.
Рисунок детский стал твореньем,
Художник - гением с тех пор;
Искусствоведы, без сомнений,
Не ограничили свой спор....

МИР ПОЙМЁТ

Опять война и боль в России,
Снова надо фашистов бить;
Сложно братьям под небом синим,
Нелегко всем Любовь хранить.

Возродились опять бандеры,
Детям сложно всё объяснять;
Вновь война, и опять за веру,
За дедов, за отца, за мать.

За родную мне Украину,
За родную Россию, Русь;
Штаты, НАТО с фашизмом гибнут,
Я за Родину не боюсь.

Вновь поможет Россия миру,
Так бывало уже не раз;
Лопнут Штаты от злобы, с жиру,
От петли, что на ней сейчас.

Мир поймёт — капитал не вечен,
Надо многое осознать,
Победит, как всегда, сердечность,
Доброта и природа-мать.

МЫ НЕ БАНДЕРОВЦЫ...

Мы не бандеровцы, не власовцы
И не фашисты всех времён;
Ведь наш подход был к строю классовый,
И мир для нас был, как закон!
Мы за него боролись правдою,
Несправедливость нам чужда;
И потому мы были правыми,
За мир боролись до конца!

Врагов, нацистов били вечно мы,
Не отдавали даже пядь;
Хоть либералы бессердечные,
Но им пришлось жизнь осознать.
Сейчас пусть Штаты и в фаворе,
Благоволят фашистам вновь;
Но русский дух на всех просторах
Несёт и правду, и Любовь.

А потому, что честь и совесть
Не продавали никогда,
Нам и в морозы светит солнце
И согревает Русь всегда!

Алла Кузьминична БАЛАБИНА

Родилась в селе Вишнёвка Алтайского края. Член Российского союза писателей. Руководитель творческого объединения «Спектр» в Барнауле.

Окончила историко-филологический факультет Тюменского государственного университета.

Занимается краеведением, выпустила трехтомник «Червонное золото Локтя. Страницы истории Локтевского района».

Тяготеет к любовной, пейзажной, философской лирике, пишет стихи для детей. Соавтор семи коллективных сборников. Финалист литературного конкурса «Георгиевская лента». Номинант литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» и национальной литературной премии «Писатель года» – 2019, 2020, 2021.

Лауреат краевого конкурса «Издано на Алтае» – 2019, 2022гг. Живет в городе Барнауле,

В этом мире всё, как всегда:
ждем морозы, снега, метели.
Ну а то, что пришла беда,
мы опять, как всегда, проглядели...

ПЕРЕКРЁСТОК СУДЬБЫ

К перекрестку моей судьбы
я свернула сквозь дебри лесные,
далеко от старой избы,
где остались мои родные.
Перекресток, к тебе я шла,
я искала пути иные.
Вот стою... И что обрела?
Для чего брожу, как в пустыне,
в темноте тоскливых ночей
среди тысячи неизвестных?..
Мне судьба подскажет, зачем
привела меня в это место.

МЕЛОДИИ ОСЕНИ

Осень!
Прекраснее времени нет –
яркое чудо природы.
Этот шедевр
много тысяч лет
дарит планете погода.
Кажется, в поле
поёт ветер-альт
песню степного раздолья,
стонет под крышею
мэтр-музыкант,
осень ему басом вторит.

МОЯ РОССИЯ

Моя Россия началась с избы,
которую срубил мой дед Василий.
И небосвод неповторимо синий
заглядывал к нам в окна без резьбы.

Двор вывязан заботливо лозой,
а в палисаде клёны-часовые.
Отсюда в мир шагнула я впервые,
чтобы постичь смысл жизни непростой.

Моя Россия началась с села,
где золотилась на полях пшеница,
где, крылья разметав, летала птица,
что в стрехе дома гнёздышко свила.

Там запах трав, обилие цветов,
раскинулась ковром поляна ягод,
там Родина моя, чей воздух сладок.
Моя Россия – мой уют и кров.

ПРАДЕДЫ

Не стоните, дубравы, от буйного ветра,
не тревожьте тоской закоулки души.
Далеко разбросала судьба моих предков –
без крестов и с крестами уснули в тиши
на Сумщине, в Воронеже, под Полтавою,
возле Харькова, Минска, под Курской дугой,
на Востоке, в Сибири, за Даугавою,
под Смоленском и Керчью, в полях под Москвой.
Вечным сном беспробудным, обнявшись по-братски,
под напевы ветров, шелестящих листвою,
защитив свою землю, в могилах солдатских
спят давно мои предки, найдя там покой.
Но встают, как один, в день Девятого Мая,
друг за другом идут в вечном, грозном строю.
Полк Бессмертный солдат каждый год призывает –
и они под знамёна России встают.
Тем, кто стал забывать зов отеческой крови,
в этот день мы напомним: коль грянут враги –
предки встанут. Россию предать не позволят!
Рядом с нами – бессмертных героев полки!

ПРОСТАЯ ИСТИНА

Жизнь. Горьки твои уроки –
истины просты.
Были муки и тревоги...
Слёзы солонны.

И любовь была беспечной.
Дерзок взгляд!
Зря считала – счастье вечно.
Кто же виноват?

Годы стаей вслед за летом –
журавлиный клин.
Вот и осень... Песни спеты.
Снег седин.

УРОКИ ПРОШЛОГО

Бросая в прошлое свой взгляд,
я понимаю: время учит.
Не повернуть уже назад,
а «завтра» неизвестным мучит.
Нам дорог был наш прежний храм,
мы вер других не признавали.
Что хорошо, что плохо там,
мы без сомнений точно знали.
А нынче времени набат
тревожен, и совсем не в шутку
колокола его звучат:
Мы топчем знамя веры. Жутко!
Отправив прошлое на слом,
разрушив дом свой ураганом,
другую жизнью мы живём,
что оказалась вдруг обманом.
Смотрю на нынешнюю жизнь –
и грустные сомненья мучат:
попробуй, внукам докажи,
что прошлого уроки учат.

ПОЛЕ

Поле моё, золотистое поле,
родины малой тепло.
Поле – знакомое с детства раздолье -
сорной травой поросло.

Щедрую осенью спелым был колос,
гнулся весомо к земле.
... Что же вы, люди, не плачете в голос,
всё позабыв в суете?

Где вы, просторы российской пшеницы?
Где же хозяин земли?
В поле непаханом ветер томится,
плачут над ним журавли...

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Робко укрыл снежок
озябшую землю ласкою.
Снова зимы виток
закружит нас белой сказкою.

Вслед за снежком мороз
играючи всех пробирает,
иней букетом роз
на ветках деревьев сверкает.

Лапы елей в снегу,
лес сказочный снежно хрустелен...
В сердце я сберегу
день, что мне Богом подарен.

Семья распалась, брошен общий дом,
он покосился весь и сиротливо
глядит прохожим вслед пустым окном,
как будто ждёт кого-то терпеливо.

Ведь если запустение кругом
(полынь в ограде, во дворе крапива),
убрать, то в цветниках утонет дом
и снова станет славною картиной...

Но все проходят мимо. Стонет дом,
над ним осенний дождь рыдает горько...
...Вот так и люди – оглядись кругом:
оставшись вдруг одни, теряют стойкость.

СВЕЧА ПАМЯТИ

Снова двадцать второе июня...
Зажигаю свечу на окне.
Память в душу врывается буйно –
это память о давней войне,
где за Родину гибли солдаты,
за покой и за счастье людей.
Победили они в сорок пятом,
разгромив фашистских палачей.
Солнце яркое в небесной сини,
детский смех и птичьи голоса
добыли в боях сыны России,
бились за победу до конца.
Пусть пылают символом победы
наши огоньки зажжённых свеч.
Мы дадим отпор врагу, как деды,
и Россию сможем уберечь.

Златокудрая, синеглазая
Мать-Россия, краса Земли!
Сколько слов тебе добрых сказано,
для тебя поют соловьи.
Ты же скромная, словно девица,
опустив сини очи, плывёшь.
Дорогая моя Рассеюшка,
нас своими детьми ты зовёшь.
Ты прости нас, любимая, добрая:
неразумные дети твои.
Обижаемся – жизнь убогая,
на чужое подворье глядим...
Ты же всё нам прощаешь, Родина,
ты такая на свете одна –
у лихих врагов отвоёвана,
неподвластная временам.
Настоящая, неподкупная,
ты святая – великая Русь.
Всепрощающая и чуткая –
я твоим добрым сердцем горжусь!

НА ДАЧЕ

Здесь почти первозданный рассвет,
и роса, как в деревне, слезинками,
и от запаха трав, словно свет,
заструилось тепло по тропинке.

Босиком пробегу тропкой росною,
подышу чабрецом и мятою,
зачерпну я водицу горсткою
и расправлю травинку измятую.

Улыбнусь от души я солнышку,
что успело выплыть на небо,
и спасибо скажу сторонущке
за день ясный и запах хлеба.

НЕ ГРУСТИ

...А знаешь, скоро снова осень,
но ты напрасно не грусти.
Пусть август спелой охры бросил
на зелень трав и на кусты,
пусть золоченою монетой
упал берёзовый листок...
Мы вместе на пороге лета,
и, значит, ты не одинок.
И пусть летят, как птицы, годы,
грозят снегами и дождем –
мы рядом при любой погоде
знакомой просекой идем.

ЭКСПРЕСС СУДЬБЫ

Всё по-прежнему: много света
и куда-то люди спешат.
И звенят всюду песни. Это
птицы наперебой галдят.

Жизнь – экспресс, что без остановок
мчится только вперёд и вперёд.
И не важно, что кто-то спросонок
не поймёт, что взведён курок.

И нет силы, чтобы подняться –
обречён, а экспресс всё мчит.
И за ним уже не угнаться:
подступает последний миг.

Пробужденья миг. Миг полёта,
миг ухода в небытие,
миг надежды и миг отсчёта –
миг последний, лишь миг всего.

...Всё по-прежнему. Солнце уставшее
выплывает уже в зенит.
Миг промчался, и выстрел раздался...
А вокруг круговерть звенит.

ЗИМЕ НАВСТРЕЧУ

Пригорюнились окна в деревне,
сыплет снег в разноцветие крыш.
Наступило это мгновенье –
вновь зиме навстречу спешишь.

А снежинки летят, кружатся,
кисеей укрывая жнивье,
на стерню покрывалом ложатся –
и светлеет земли чело.

Стали к вечеру белыми крыши –
уровнял их кудесник-снег.
Вечер крепким морозцем дышит,
и река усмирила бег.

А село будто бы нарисовано
тишиною на зимнем холсте.
Только крик ребятни веселой
да пушистый чистейший снег.

МЕЛОДИЯ СУДЬБЫ

Мелодия судьбы на скрипке Паганини...
Какою музыкой чарует нас скрипач!
Но радости и беды не проходят мимо –
мелодия судьбы – и лекарь, и палач.

Мелодия судьбы – то песней задушевной,
то маршем траурным терзает душу.
Мелодия судьбы настолько совершенна,
что невозможно что-то в ней нарушить.

Мелодия судьбы – Всевышнего творенье,
наградой высшей в жизни мне дана.
Но, если слуха нет, её не спеть мне,
и в том, конечно, лишь моя вина.

Чем ты расстроена, ранняя осень?
Плачешь печальным дождем.
Не потому ли, что холодны росы
этим сентябрьским днем?
Ты на порог мой незвано ступила:
осень, не стой на крыльце.
Я улыбаюсь тебе через силу:
«Твой неудачен прицел!
Я не желаю без боя сдаваться –
бойся предзимья сама!».
...Только так трудно и больно признаться:
в сердце давно уж зима.

ПАМЯТИ ОТЦА

Словно сосны под шапками снежными,
ветераны стоят в строю.

Я смотрю на них с тихой нежностью,
в них отца своего узнаю.

От звонка до звонка по дорогам,
на нелегких путях фронтовых
он шагал по войне жестокой,
только чудом остался живым.

Не для славы, не для награды –
ради жизни на всей земле
шли солдаты, сметая преграды,
погибая на той войне.

Шли, теряя родных и близких,
хоронили друзей своих,
Молча ставили обелиски,
а порой обходились без них.

Кто контужен, а кто изранен,
воротились они домой.

И рыдали жёны и мамы:

"Хорошо, что пришел, хоть такой".

О войне они больше молчали,
в грудь не били себя кулаком.

Только вскакивали ночами,
если в горле сжимался ком.

Отдышавшись, собрались с силой,
чтобы снова стране цвести,
чтобы раненую Россию
на своих плечах понести.

РУСЬ

Мать моя,
родная Русь!
Я тобой всегда горжусь.
Ты испытана судьбой,
ты отмечена бедой.

И бивала ты врагов
у своих же берегов.
Силы сотни лет копила,
чтоб чуму-орду осилить.

Враг пытался испокон
захватить тебя в полон.
Только бит тобою был –
горн победу протрубил.

Эх, родная моя Русь!
Я в одном не разберусь –
почему случилось так:
покупает за пятак
честь сынов и дочерей
новоявленный злодей?

Как ты терпишь это, Русь?
И сжимает сердце грусть ...
Путь твой был всегда не прост,
но, я верю: встанешь в рост!

В ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

Где-то пела задумчиво флейта,
лунный диск разгорался сильней.
Сыпал первые почки клейкие
старый тополь на плечи парней.

Шли они тополиной аллеей,
песней бравой тревожа высь,
а их матери сожалели:
"Лучше б дочери родились!"

Непонятная, сумасбродная
отведёт тем парням война
ложе вечное и холодное
да посмертные ордена...

Флейты больше не слышно рядом,
небосвод без луны ослеп.
То ль слезами, то ли наградой
звезды падали мальчикам вслед.

Татьяна ПОПОВА-БОРИСОВА

Родилась в городе Камень-на-Оби.

Член Российского союза писателей.

Педагог. Окончила филологический факультет АГУ.

Финалист премии "Писатель года" 2015 года. Третье место в «Большом литературном конкурсе – 2017» в номинации «Проза, финалист премии «Золотое перо Алтая – 2020» в номинации «Поэзия». Печаталась в сборниках РСП «Проза», «Поэзия», «100 писателей», «Наследие», «Детская литература», «Георгиевская лента», «Регионы», «Алтай. Забайкалье», журнале «Алтай». Живёт в городе Камень-на-Оби.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА «В ОТВЕТЕ»

В ответе ль многоликое «ничто»
За нашу твердь, за наше многословье?
Как ни был друг покладист и хитёр,
Его игру я чувствую утробно.
Победа - пусть распяты иль костёр -
Немного сиротлива и убога.
Как ни был враг злонравен и остёр,
Я много лет была его судьбою.
В ответе все. И наша жизнь – вина,
Созревшая под тяжестью былого.
Заботой переполнены земною
И друг, и враг. И жизнь у всех одна.

НЕМОЕ СЕРДЦЕ

Сказали сердцу; «Больше не прикажешь!»
(Оно взялось искать вину),
А нам хотелось ясности без правил
И беспредела глубину.

Молчали все. И мгла уже засела
Между недужным и святым.
И лишь душа роптать посмела,
Что сердце сделалось немым.

НЕПОСТИЖИМО РАЗУМОМ

Непостижимо разумом
Рассудку нашему соизволение есть -
Определить всему своё призванье.
Но пусть, пока отринуто старанье
За всем свой срок и меру закрепить,
Царит закон живого мирозданья:
Что вызрело, становится безмерным,
Безвременным и беспредельным,
То входит в Общее Сокровище Вселенной,
И ни убавить, ни привить
Ненужного. Оно – свершилось
И Истиной самой определилось.

ОСЕНЬ РАНИМАЯ

Вальс

Осень ранимая, чем нас подкупишь опять?
Жадностью сосен, о нежной прохладе скучавших,
О передаренных летом преданьях сакральных?
Есть ведь зачем, значит, будем и верить, и ждать.

Просто-не просто, а мы охладели к пастели.
Белая магия снега заглушит печаль.
Всё преходяще, но в этом «нисколько не жаль»-
Столько восторга, что мы в одночасье седили.

ПЕЧАЛЬ

Какой туман возвёл на нас напраслину,
Чтобы печалям вздумалось ожить?
Судьба ромашкой солнечной подарена
Тебе, любимый. Только б и любить...

К чему тревожить вздорную усталость?
Нет, не придётся заново скорбеть.
Я, как синица, здесь, в руке, осталась.
Не разжимай, мне больше не взлететь.

Подарки осени, зимы, весны прошения
Не променяют ложного пути
На грустный зов того стихотворения,
Которым я спасаюсь от любви.

ВЕСЕННЕЕ ИЗ ПРОШЛОГО

Теперь о том, какою жизнь была,
Я узнаю случайно, понаслышке:
Подводится заветная черта
Под сбывшимся, таким желанным смыслом.

Один мой сон: над прожитым жнивьем
Раскинулись безоблачные выси.
Там есть наш дом, в котором мы с тобой
Развешиваем детские картины.

На кухне пахнет кофе с молоком,
Фруктовым подгорающим десертом.
Я пью ликёр. Я растворяюсь в нём.
Ты мной любишься, и замирает сердце.

И в этой заводи разморенного дня
Купается моя земная доля.
Я счастлива и верой в жизнь полна:
Стихам – не место, а мечтам - раздолье!

Наверное, не будет никогда
Мой сон таким восторженно-воскресным
Без талой заводи, без песенки скворца,-
Весенней пытки вновь бунтующего сердца.

ИТОГИ

Целомудренность, честность и кротость
Чуть заметны в скалистых торосах,
А крутая надменность и жёсткость
Процветают на скупленных плёсах.

Кто был прав, кто не лгал, кто пророчил,
Нашу жизнь по прямой подытожил.
Судьбы тонкие, как хворостинки.
С кем мы вместе? Ничьи половинки.

МАСЛИНА

Грусти бесславной и грусти счастливой
Я открываю и душу, и зреньё.
К подслеповатой наивной маслине
Я ухожу наслаждаться смиренъём.

Было ли правильно, будет ли спорно,
Как разминувшись, к чему приходили,
Милой маслине зачем говорили,
Если не думали свидетелься снова...

О, потаённая страсть расставанья,
Как переблУдились вешние воды!
Переиграло лихое всезнанье:
Бедной маслины погашены всходы.

МЕТЕЛЬ

Как будто сон. Как будто звон?
Звонят колокола о сбывшемся!
Сонм ангелов – метельный стон –
О всех, без веры заблудившихся.

ЛАКОВАЯ СКАЗКА

Я напрасно разливала краски,
(Тюбики выстреливали зной):
Не искрила лаковая сказка,
А пестрила бурой простотой.

Всё, как есть, рассказано стараньем
Безысходным, верящим в «авось»:
И воздушный стих, и сочетание
Чудных мыслей, вымерзших насквозь.

Чем расцветить зиму? Это тайна
Равнодушно – долгих вечеров.
Вдохновенья прелесть невозвратна,
Как и наша чудная любовь.

АДАМ И ЕВА

Изумруды прожгли небеса,
И у края надводного далью
Разметалась сурово гроза,
Закипела янтарною падью.

Заглянуть бы за край синевы:
Вдруг и там не оценят веселья
И со мною, как с равной, на «ты»
Запоют о начале творенья:

«Помнишь, дитяtko: крошка-Земля,
Вихри солнц в решете зазеркалья?
Все тогда величали себя
Плотью Духа, Столпами Начала.

И, как горный чудной порфир,
Создан Образа вещими снами,
Он, вгрызаясь в сквозной эфир,
На ребро указывает перстами.

И, всё зная, стихия взвилась,
Над потерянной общностью братства...»
Я тогда для тебя родилась,
Чтоб лишить тебя Божьего царства.

ПРОТОРЁННОЙ ДОРОЖКОЙ

Проторенной дорожкой к мелколесью
Разлук и разнотравью встреч
Бегу, пока ещё со всеми,
Как маленькая - локоны до плеч.

Но где-то там, с лазоревой протоки,
Мой путь обрывист, и не так легки
Подъёмы, спуски, и пороги,
Что обивали мы, давно в пыли.

И видится: мой путь ещё тернист,
Ещё крылаты ветры у причала,
Но мир в дремоте суетной завис,
И всё ж куражится: начни разбег с начала.

С ПОНЕДЕЛЬНИКА

Далёкий свет мерцающих зарниц
Нас вдохновит всего лишь на мгновенье,
И снова праздность с суетой надменной
Берут своё, а с наших бедных уст
Срывается защитное: «Вернусь
К тебе, святая, праведная Русь,
Не сомневайся!» И себе: «Не трусь,
Мы всё осилим, рано падать ниц».

БЕССМЕРТИЕ

Прогневаться на заданность идей,
На сумасбродность подтасовок фактов,
На аллилуйю! важности вождей,
На фарисейство милосердных актов.
Долой сквозящий сумрак перемен!
На всё – табу.
Любви, добра и света!
Подставь плечо тяжёлому кресту
Того, кто рядом, - вот твоя победа.
Твоё бессмертье. Остальное – тлен.

ИЗУМРУДНЫЙ ВЕК РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Назовите наш век изумрудным,
Пусть надежда прольётся с небес!
Слишком жалок и беспробуден
Этот мир в оковах чудес.
Отзвоним по карёжистым судьбам,
По усталости и вранью.
Пусть тревожная, дерзкая нужность
В нас проснётся к утру.
А к заутрени, глядь, и рассеется
Мгла сомнений, жестокости тлен.
Пусть любовью и верой засеется
Изумрудный век перемен!

СТРАННИК

Ноги не держатся выгнутой сушей.
Мыслей тягучих поток
Не раздражает уснувшую душу,
Не заполняет висок..
Слабости крепь раздражает и сушит
Образов дольний окрест,
Лишь согревает сомлевшую душу
Стёршийся старенький крест.
И, осеняясь перстом вдохновенно,
Молит он вдруг небеса
О неизведанном и беспредельном,
Том, чем спасётся душа.

ЧЕРЁМУХА

Подступила черёмуха близко
К колокольне Покровского храма
И глядит зачарованно, дико
На спокойствия чудо-державу.
То ль от ветра укрыться хотела,
То ли колокол вдруг пожалела,
Цветом павшая, ягодой спелая,
Утешенье молитвенно- смелое.

РАЗДУМЬЕ

Так всё ли нам оставить «на потом»?
Судьбу не стоит суетою мерить:
«Куда с таким обыденным лицом
Да сразу – к цели?»

Но рост не мал, и всё бы ничего...
Но «ничего» не лечит раны.
Подставить крест под слабое плечо,
Или плечо кресту не радо?

Так испроси святые небеса:
Пусть светлый путь нам ангелы навеют!
Не стоит плакать – эти паруса
И крест, и душу вытянуть сумеют.

ОЖИДАНИЕ

Мы ждём, тоскою веру загубив,
Что сбудется придуманное НАМИ,
Совсем чуть-чуть сомнение пригубив,
Захлёбываясь глупыми мечтами.
И пожинаем жалкие плоды

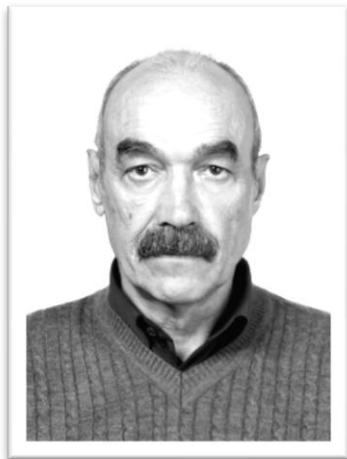
Своих желаний в суетных заботах,
А где-то рядом в паутинных сводах
Ждут часа нам ниспосланные Богом
Священной Истины дары.

О МИРЕ

Как строго и неоглядно
Уходят и день, и час:
Не выпренно и не парадно,
А прямо в глубины, в нас.
И эхо печали-совести
Востребовано уже,
И будто к надежде от горести
Проходят пути во тьме.
Не всё суетою всхожено!
Вновь высветит небо ЛИК -
Тогда, вдохновеньем встревожена,
Земля возвратит нам мир.

Владимир Андреевич БОРОДКИН

Родился в 1948 году в городе Барнауле. Окончил Алтайский политехнический институт в 1973 году.

Член Российского союза писателей с 2016 года.

Печатался в журнале «Алтай».

Литературная страничка на сайте Стихи. Ру.

Живёт в городе Барнауле.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы маршем славы
Развернул знакомый стяг:
Символ мощи всей державы –
Гордо реет красный флаг.

Память держат ветераны
Тех далёких дней и лет.
В непогоду ноют раны,
Но в глазах Победы свет.

Всем родное в буднях ратных –
В треугольник письмоце...
У Победы в куртках ватных
Есть и женское лицо.

Расправляются морщины.
Тело в память держит стать.

Снова женщины, мужчины
За Россию могут встать.

Рядом внуки с лентой бантом
Цвета дыма и огня.
В строе праздничном, парадном
Песни прошлого звенят.

Нет различий, кто здесь главный:
Лица счастьем дня равны.
Все народы духом славны
Той и будущей страны.

Эстафету взял, волнуясь
Новым ветром, триколор
И, с надеждою целуюсь,
Вышел с нами на простор.

Этим днём у обелиска
В скорбь клонится голова...
Неизвестным и нам близким
В вечность капают слова.

Сохранили вы для жизни
Нам прекрасную страну.
Слава вам и всей Отчизне
За Великую войну...

День Победы – символ внукам,
Чтоб стоять в пучине лет.
В нём и радость, боль и мука,
Счастье будущих побед...

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

*В любом возрасте в каждой
маме иногда оживает девочка...*

Ножки босые по лужам.
Две косички за спиной.
Дождик, он для роста нужен.
Кто угонится за мной?

Я бегу быстрее ветра
По некошенной траве.
Солнце в детства километры.
Звон каникул в голове.

Блески молний - сзади тучи,
Стороной прошла гроза.
Дождь, но солнца яркий лучик –
Мне дорога в небеса...

.....
Прокатились днями годы.
Посерело небо вновь.
Счастье съел каприз природы:
Сдули тяготы любовь.

Дождь слепой залил тропинку.
Солнце каверзой блеснит.
Ухмыляются сединки
В лужах горестных обид...

Дождик мне, как прежде, нужен:
Две косички впереди –
Я за дочкой вслед по лужам...
Тучи снова позади...

.....
P. S. Дождь слепой – погоды шутка.
Жизнь не прячьте под зонтом.
Детства вспомнятся минутки –
В тучах радуги фантом...

ЛЯ МИНОР

В ля миноре мелодия плачет.
Я грущу вместе с ней ни о чём –
От взрывного безумства отдача:
Ангел света молчит за плечом...

Пустотою тебя я придумал,
Беспросветная глупость моя.
Злой самум из песков Кара-Кума
Душу рвёт мне, фантомы края...

Ноты верхние падают в звуки,
Зацепляя дворовый мотив.
Голос дискантом тянет разлуку,
Расставанья бокал осушив.

Я наивен, как шлягером песня,
Где рыдает в притвор сирота.
Только в страстных объятьях мы вместе,
А за ними души пустота.

И гуляет в ней эхо басами:
Выход ищет для чьей-то вины...
Красоты обжигающей пламя
Лик съедает с духовной стены...

Внемлет грустной мелодии ухо,
Растекается ленью плотью...
На бездействия плен сила духа
Закипает в бурлящую злость.

В ней плетутся надеждой мажоры,
Строя новый для песни куплет,
И душа, покидая миноры,
Ищет схожую душу в дуэт...

БЕРЕГА

*Мутно всё.
Не каждый захочет разглядывать.*

Берег левый, берег правый...
Им не быть, судьбой, вдвоём.
Ты и я - мы оба правы:
Каждый грезил о своём...

Берег мой уходит плёсом:
Мелководьем в гладь мыски.
Крутояром - твой, колоссом
Нависает вдоль реки.

И под ним вода клокочет,
Кружит пеною вранья.
Мостик был – остался прочерк.
Виноваты ты и я.

Быстрина – твоя стихия,
А мосток в росточек мал.
С хитрецей глаза родные
Вешний паводок отнял.

Укрывали мы с тобою
От хулы и злобных глаз
Свет луны, восход зарёю,
И двоих катал Пегас.

Плеск расхристанного счастья
Веселил надеждой дух:
Единенье в пике страсти –
Мы одно, одно из двух...

.....

Берег левый, берег правый
С виду врозь, но не беда:
Стянет холод ледоставом
Плёт и омут без труда,

Зимник сладит переправу.
Сном заляжет в ил карась.
Возвратится и забава
На безрыбье тешить страсть.

Охлаждённая привычка
Подогреет нас в мороз.
С виду всё, ну как обычно,
Но душа не видит звёзд.

Повернётся солнце к лету,
Берегов круша союз,
Унося навстречу ветру
Отношений прошлых груз...

Берега едины сутью:
Слиты по низу в одно.
Жизни речку со всей мутью
Молчаливо держит дно.

Чтобы внять сакральной тайне,
Нет единства без любви,
В яви лучик счастья дай мне,
Боже правый, вразуми!

АКРОБУСИНКИ. ЭТЮД

Это роды в мир идеи
Тонкой кистью на холсте.
Юркой нотой может сеять
Думки автор на листе.

АКРОБУСИНКИ. СЕЛО

Селенье может быть и древним,
Еда была бы и тепло.
Людским умом жива деревня,
Отстроит храм тогда село.

АКРОБУСИНКИ. ЗИМА

Знакомы с детства снег и холод.
Играет взпуски мороз.
Метель проказы шлёт за ворот,
А Новый Год – мечту из грёз.

АКРОБУСИНКИ. ШРОТ

Шрот, по сущности, остаток.
Русской речью, просто жмых.
Отрицая всё, что свято,
Ты похож душой на них.

АКРОБУСИНКИ. ВОДА

В есьма проста в потоке:
О тмает с тела грязь.
Д арует флоре соки,
А нам с планетой связь.

АКРОБУСИНКИ. НЕГА

Низложены мысли, расслаблено тело.
Елеем безмолвие... как на духу.
Глумленьем вопросик ехидно: в чём дело?
А просто сосед не стучит наверху.

АКРОБУСИНКИ. ВЕНА

Вена – жилка кровотока:
Еле видима собой.
Носит к сердцу кровь потоком,
А от сердца ток другой.

АКРОБУСИНКИ. ИГРА

Искорки азарта
Гаснут на сукне.
Режет страстью карта
Ангела во мне.

АКРОБУСИНКИ. КВАС

Коркой хлебною заквашен,
Выжмет слёзочки из глаз.
Ай да Русь! Питьё без фальши:
Смерть для жажды – это квас.

АКРОБУСИНКИ. ОБЕД

Очень радуется пузо -
Близкий голод не страшит:
Есть баранинки огузок
Да стопарик для души.

АКРОБУСИНКИ. СМОГ

Смог, по-русски – просто дымка:
Мажет серостью пейзаж.
От людей сокрыл тропинки
Гари сизый антураж.

БУСИНКИ. РОДИНА

Родина – место, где к жизни явился.
Родина – тесто: генома замес.
Родина – к чести отцов прислонился.
Родина – счастье и крест от небес...

БУСИНКИ. В РИТМЕ ФРАЗ

В ритме фраз – отточенная мысль.
В ритме фраз – сокрытое движение.
В ритме фраз – распластанная жизнь.
В ритме фраз – любовь и вдохновение.

БУСИНКИ. ОТТАЯВШИЙ ВАЛЬСОК

Мужикам...настоящим.

Отошли холода, с вьюгой венчаны,
И с весной пути перекрещены,
Позабыты от жизни затрещины.
Для любви просыпается женщина.

Подарите ей знаки внимания,
Поднесите цветы обожания.
Для мужчины любовь – путь искания,
А для девы – среда обитания.

БУСИНКИ. СМЕШНАЯ КЛЯТВА

В праздник смеха врать не буду.
Жизнь, как есть, - смешное чудо.
Удивляюсь на неё:
Чуть копни - кругом враньё.

БУСИНКИ. ЦИТАТЫ

Как много гений тратит сил,
Чтоб труд его потомок обнял.
Неважно кто что говорил,
Итог важней, что сердцем понял.

БУСИНКИ. МНОГОТОЧИЕ

В остановке мысль-река:
Не поймёт желаний почерк.
Резко лопнула строка,
Дав в итоге многоточье.

БУСИНКИ. АКТЁР И АРТИСТ

Во многом схожие понятия
И внешне, вроде бы, равны,
Как близнецы, по сути, братья,
Но роли разной глубины.

Актёр искусством лицедея
Способен зрителя пленять.
Артист – актёр, который смеет
Чужую душу надевать.

БУСИНКИ. САРКАЗМ

Смех с издёвкой, кич, насмешка:
Для умов больных потешка,
Превосходства дар гордыне.
Жив, зараза, и поныне.

БУСИНКИ. СМЕРТЬ ПОЭТА

Внезапно прервана строка,
Спит в послесловье многоточье,
А память свёрнута в стихах,
Где автор плачет и хохочет.

БУСИНКИ. РЕМЕНЬ

От предков средство вразумленья
Растущей в каверзу души.
Острастка телу, без сомненья,
Подскажет отроку, как жить.

БУСИНКИ. ПОЭТ

Поэт - всегда загадка, разный:
Запойный, бабник, яркий праздник.
В строке его, порок круша,
Цветёт красавица душа.

БУСИНКИ. ОПТИМИСТ

После каждой неудачи
Ищет путь решить задачу,
В чём-то вовсе простодыр:
Он живёт с улыбкой в мир.

БУСИНКИ. РАССТАВАНИЕ

Расставание – выстрел обиды,
Где в запале сгорает семья.
Детям так за родителей стыдно...
Виноваты вы оба, друзья...

БУСИНКИ. РОЯЛЬ

Царь струны, король оркестра
Музой нот раскроет даль.
Даже в картах куша средство –
В радость случай флэш-рояль.

БУСИНКИ. ГОСТИНЧИКИ

Бусинки - гостинчики:
Душам витаминчики.
Мысли свет малюсенький
Излучают бусинки...

ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК

Хрустом охают снежинки:
След печатает мороз.
Деда с внучкой из глубинки
Ветер северный принёс.

Главный праздник наплывает,
Чудо к полночи спешит,
Снегом сказки оживают,
Гаер шуткой люд смешит.

Лёд фонариком искрится,
Ком живой летит с горы.
В нём мелькают ноги, лица.
Визг и хохот детворы.

Хлопнул воздух фейерверком:
В ночь бледнеет звёздный свод.
Под огнями горе меркнет:
Каждый будущим живёт.

Маски – таинство загадки:
Чары ряженных личин.
То, душа играет в прятки:
В детство женщин и мужчин.

Праздник возрасты ровняет,
Дарит сердца чистоту,
Дня заботы отмечает,
С неба, искрой, шлёт мечту.

Сам надеждою обёрнут,
Словно фантиком цветным:

Новый год судьбе развёрнут,
Старый, грустью, стал родным.

Капнул вечности слезинку:
Что ушло – не изменить.
Дальше жить: торить тропинку,
Детям сны свои дарить,

Верить сердцу – путь укажет,
Совесь, компасом, включить.
Новый год дорогой ляжет.
Сможем счастье получить.

.....

Счастье нам, что рок не знаем:
Ведать «завтра» не дано.
Цепь событий изменяем:
Жизни пишем полотно.

«Завтра» здесь: сейчас куётся.
Стисни зубы и борись.
Счастье даром не даётся:
Духом к свету развернись.

Срок для этого отпущен:
Даден год – подумай сам.
Свет откроется идущим
Честно к чистым небесам.

СУДЬБЫ ЧАСЫ

Тем, кто спешит, это ни к чему.

.....
*И здесь опять, с упрямством вола,
Строка в наличье, нет глагола.*

.....
В забег часы по круглым датам
Толпой раздёрганных минут.
Поступков след в души закаты:
Богатству праздничный салют.

В оскал запорами именья:
Железа холод у дверей –
Приметы роста поколенья
Деньгами созданных людей.

Друзья всем девам – бриллианты,
Безделье им мечта и цель.
Опарой знатные таланты:
Захват судьбы через постель.

На пике райского блаженства
Экстазы похоти без чувств.
Эфира писки – совершенство
Покрытых юмором искусств.

Златая цепь – бычков отличие:
Хозяин жизни – явный хват.
В забеге Русь, жокей столичный –
Самой Фортуны сводный брат.

Чужие ценности иконой,
Где Лица нет, а в блеск оклад.

Служитель равенства закона
Душой и телом сам не свят.

Прививкой молодежи – соблазны:
Подмена Духа на хапок.
Микроб стяжательства, заразой,
Явленьем в душу, как итог.

Судьба в руках, за нами выбор:
Тропа любви в духовный свет,
Иль рёв раскаянья на дыбе
Деяний злобных всеу лет.

Частица Бога – это совесть:
Сакральной сущности судья.
На суд ей, вздохом, жизни повесть
С уходом в новые края.

Ужасный ад и рай чудесный –
Совсем не место встречи душ,
То состояние предтечи:
Граница света, а не чушь.

Рассол из тьмы без лика света,
Душа в очистке на распыл –
Вот исто адовы приметы.
Для новой жизни нету сил.

Во тьму раствором часть сознанья...
И нет уже былого «Я».
Химеры страхами терзанья
С душой в обнимку, как друзья.

Не приз и рай, и не награда:
Не кайф – беспечность без труда.
По смыслу он душе отрада:

Светла она – он с ней всегда.

Миры любви – творенье Духа
Всем сонмом душ из вечной тьмы,
А смерть душе, что повитуха:
Приходом в явь земные сны.

Добро и зло – не параллели:
Их встреча – в точке на кресте.
Великий символ высшей цели
В никчёмной мелкой суете.

Для жизни время – цепь событий:
Причина следствием вослед.
Духовный путь – стезя открытий:
Сознание сердцем в Духа свет.

В зачёт грехи и сострадание
Фемиде Духа на весы.
Во свет иль в тьму полёт сознания –
У нас в руках судьбы часы.

ТОВАРИЩ

Слово верное «товарищ»
Дружбой крепит лексикон.
Среди дыма и пожарищ
С ним отцы держали стон.

Развевался галстук красный:
Смена двигалась вперёд.
Рядом друг, идеей страстный:
Мой товарищ – весь народ...

Вдаль ушли былые годы:
Рынком вправили мозги,
А из тени к нам – уроды.
Вот такие пироги...

Молодые спекулянты
Пеной в небо поднялись,
И, с цинизмом арестантов,
В воз истории впряглись.

Отмороженная совесть
В порно сдвинула любовь,
И, ко власти подготовясь,
Нам «братки» диктуют новь.

Раскопали, де, лингвисты
Клич разбойников лихих:
Ты, товар ищи, и свистом
Собирай друзей своих.

Наш «товарищ» старый умер
В нише ратного труда...
На божнице – чёрный «бумер»:
К нам вернулись господа...

.....

....

Я лингвистов не ругаю:
Смысла въедливость прощу,
Но умом не принимаю –
До сих пор...товар ищу.

ТАЙНА БЕЛОГО ЛИСТА

*Если сном летать не можешь,
Проза жизни – идол твой,
Будь неузнанным прохожим:
Проходи, друг, стороной.*

.....
Стопкой сложены листочки,
Каждый сам живёт в себе...
Что с ним будет? Многоточье...
С верой лист идёт к тебе...

Тайна помысла в зачатые:
Спит покойно белый лист,
Новой жизни ждёт объятья.
Он пока наивом чист.

Дремлет скромненько до сроку:
Тайну кроет белизна.
Худ и робок видом сбоку,
Плоскость, ощупью, нежна.

Лист не ведает судьбину.
Спит мечтами вдалеке:
В небе голубь волей в сини
Иль кораблик в ручейке.

В прозе жизни – текст обмана
Для доверчивых людей.
Или зов к ним из тумана
Искрой пламенных идей.

Детям в сон листочек сказки
Глазки пустит в дрёмы плен.
В час беды – листовкой встряска:
Встаньте, битые, с колен.

Воле автора покорен:
Терпит ханжество и ложь,
Но при этом не доволен:
Шит он радугой насквозь.

В белом слито многоцветье.
Не познать его во тьме.
Через лист себе ответьте:
Что ж сокрыто-то во мне?

Плоскость душу отражает:
Копоть страсти, тайный свет.
Строки годы преломляют...
Жизнь нужна, чтоб был ответ.

Осознание явления
Сути скрытой впереди.
Белый листик – кадр мгновенья
В ленте сложного пути...

Стопкой сложены листочки:
Вот он, найденный секрет.
Дальше снова многоточье...
Белый лист прислал привет.

Разбираюсь в новых точках
На возникший в явь вопрос.
На листе играют строчки:
Свет души искрою грёз.

В ней живёт картина мира...
Разум тужится в дуэт,
И звучит по буквам лира.
Не моя – то спору нет...

Глупость собственных стремлений
Прочь слетает шелухой.
Духа свет съедает тени...
Благо, листик под рукой.

Вздых и ропот удивленья:
До чего же непроста,
Чистоты во свет явление –
Тайна белого листа...

СТРОКИ

Зажимает пальцы трепет,
Льётся слог на белый лист.
То души чуть слышный лепет
Рифму вяжет, сердцем чист.

Раздевают душу строки:
Словно голый на плацу.
Совесть чаяньем в намёки,
Жар прозренья по лицу.

Суд небес – исповедальня:
Здесь я каюсь и молюсь.
Сам себе даю признания
Глупость жизни сеет грусть.

Уйму времени потратил
На пустую болтовню.
Мир внутри – он необъятен:
Первый вздох его ловлю.

Часть сознания, сладкой дрёмой,
В закутке души спала,

И крутились, с духом в коме,
Очень важные дела.

Внешний признак восприятия
Ставил цели на бегу.
Часть врождённого заклęcia
Гнула помыслы в дугу.

Чистый замысел смывался,
Гнал гормон, как на войну.
Клич победный в голом танце:
Страстью взял ещё одну ...

Доблесть лопнула пустышкой:
Сон виденьем грянул в залп,
Где я сам, сипя одышкой,
Годы на кол нанизал.

Время щёлкнуло затвором,
На остаток бытия.
Слог раскаянья напором –
Отмывает здесь меня ...

.....
Строки вяжут покаянье:
Первый шаг в другую суть.
Строки – таинство желанья
Душу в нежность обернуть.

Владимир ГУЛЯЕВ

Поэт, прозаик.

Член Российского Союза писателей, Союза поэтов России.

Родился в 1957 году в селе Шелаболиха Алтайского края.

Награждён медалями: «Сергей Есенин – 125 лет» 2022 год, «Марина Цветаева – 130 лет» 2023 год.

Печатался в журналах: «Север», «Огни Кузбасса», «На русских просторах», «Ковчег», «Бийский Вестник», «Союз писателей», «Годы и Люди», «Русская Мысль», «Нижний Новгород».

Издано 12 книг прозы и стихов.

Проживает в городе Барнауле.

АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-1

А если спросит кто-то у меня:

Л юблю ли я Алтайские просторы?

Т о я отвечу, сразу, не тая:

А лтай же Родина моя!

Й не любить его никак нельзя!

С мотрите, всё здесь есть:

К акие чудные леса и горы,

И реки рыбные, озёра. И поля!

Й разнотравие покосов. Вось!

К олосья русые пшеницы, и

Р ожь полями золотится.

А мёд какой!.. Всем знаменит – Алтайский!

Й лечит от недугов – 'донник', 'майский'!

АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-2

А лтайский край, Ты мой любимый!
Л юблю тебя я сторона родная.
Т воей я очарован красотой неповторимой!
А сердцу моему Ты милый весь – до края!
И как же не любить свой дом?
С вободно всем здесь и уютно в нём –
К оротким хоть, но жарким, нежным летом,
И снежною зимой морозной с ветром,
Й ночью тёплой весной. Осенним днём!

К ак не любить мне ширь, твои просторы,
Р одимый край! Твои поля, леса и горы!
А лтайская земля! Родня моя здесь и друзья!
Й это всё моё – здесь Родина моя!

МИР ЗЕЛЁНЫЙ

Мир создан вроде яблока – зелёный,
Но жизни сок в нём вкуса свёклы.
Гляжу на мир сквозь розовые стёкла,
Лишь потому, что здесь рождённый.

Другого мира не дано с рожденья,
И не расстелен под ноги ковёр,
В нём многое дано для восхищенья,
Синь неба, звёзды, гладь озёр...

АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-3

А лтайский край, родной!
Л юблю тебя и в холода и в зной.
Т ы очень дорог мне и мил,
А красота твоя неповторима,
Й очень мной она любима!
С тобою связан я на век,
К ак самый твой, любимый человек!
И чудные люблю твои поля и горы,
Й реки, доли, тихие в глуши озёра.

К ак не любить твои берёзы, тополя,
Р одные сердцу крики журавля!
А лтайская сторонushка моя,
Й здесь, конечно, счастлив Я!

ШАХМАТЫ НЕ В МОДЕ

Сегодня шахматы не в моде,
И шашки позабыты тоже.
И нет уж игр на природе,
Когда-нибудь вернутся, может!

Сегодня игры лишь в смартфоне,
Забит шумами весь эфир.
Мозг виснет в электронном фоне,
Теряя свой реальный мир.

АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-4

А лтайский край, любимый и родной!
Л ишь ты один на всей земле
Т акой. Любимы мной твои просторы:
А лтайские поля, леса и горы.
Й стоки рек и сами реки
С ветлы и Святые во веки!
К ак только станет плохо мне,
И ду к тебе о помощи просить,
Й з родника целебного, воды испить.

К ак хорошо мне здесь! Я гордо с
Р адостью могу Вам всем сказать:
А лтай мне дорог, как Отец и Мать!
Й ни на что, и никогда, его не буду Я менять.

ГОРОД. ВЕСНА

Город утром включает опять карусель,
И все дни, как близняшки похожи:
Вот Весна – застучала по лужам капель,
Вон раскрыл чёрный зонтик прохожий.

И машины шипами штрихуют асфальт,
Лёгкий дождь барабанит по стеклам,
Вторит бархатным тоном дождику альт,
Чтоб звучанье весны не поблёкло.

ВОЙНА. ЛЮБАНЬ*Песня*

Война. Любань. Долина смерти.
Долина смерти. Мясной Бор.
Полгода адской круговерти.
Болота. Выстрелы в упор.
Был старшина неуязвим,
Перебегав от щели к щели,
Кричал: Вперёд! Мы – победим!
Вперед! В атаку, братцы, мы у цели!

...Ты помнишь, дед мой, Ветеран,
Свист пуль и крик души в атаке.
Как танк на танк шёл на таран,
И солнце в кровь. И всё во мраке.
Как танк на танк шёл на таран,
И солнце в кровь. И всё во мраке.

Вы поднимались матерясь,
Ругались громко, как умели.
Вперёд шли, смерти не боясь.
Не все из вашей роты уцелели...
Кровавый оставляя след,
Косила смерть сержантов и солдат.
Вот чёрный взрыв и ранен дед.
Телега, тряска, медсанбат.

...Ты помнишь, дед мой, Ветеран:
Санбат и красные бинты,
Там умирал сосед от ран...
А за окном цвели ЦВЕТЫ!
Там умирал сосед от ран...
А за окном цвели ЦВЕТЫ!

ВETERАНЫ

Песня

И всё чаще и чаще –
сильней и сильней
о себе знать дают ваши раны.
И все меньше становится Вас
поседевших в боях ветеранов.
Трудно Вам, пережившим атаки,
и хотя уж прошло много лет,
снится пламенный танковый факел,
снится взрывов кровавый букет.

припев:

*И не нужно Вам громких речей,
в Вашей памяти гром канонады,
и стволы обгоревших печей,
и осколки в груди от снарядов.
Память вы пронесли сквозь года,
Умирали вы под Сталинградом,
У Рейхстага вам тот генерал
За Победу вручал награды!*

Будут помнить вас, русских солдат,
Наши внуки и правнуки вечно!
В небе вспыхнет победный салют
Ветераны бессмертным полком
Одним строем по миру пройдут
Прозвучит журавлиная песня
Полк Бессмертный по миру пройдёт –
На 9-е мая Парад:
две гвоздики на мраморе
и журавлиная песня.

припев:

ПЕСНЯ ДРУЗЕЙ

Песня

Друзья не те, что улыбаются при встрече,
не те, что клятвенно о дружбе говорят.
И настоящий друг – не произносит речи
и не отводит при неправде взгляд.

Припев:

*Друзья не спросят ничего взамен,
всё происходит запросто, не в службу!
И от друзей не нужно ждать измен,
и нет весов, что измеряют Дружбу!*

Друг всегда рядом. Не выпячивая грудь
плечо подставит в трудную минуту,
не даст ни оболгать, ни обмануть,
не даст свернуть с правдивого маршрута.

Припев:

Пускай бегут стремительно года,
виски пусть серебрятся сединою,
Друзья же те, что были мне друзья,
Плечом к плечу всегда стоят со мною.

Припев:

Не существует для друзей преград,
Шторма и бури, всё перенесём.
Пускай без званий, без регалий и наград,
коль спеть захочется – мы запросто споём!

Припев:

ДУША

Не раскрыта душа,
никому не открыть!
Как разлита она –
никому не испить.
Не притронуться к ней,
не девица она,
И хрупка и нежна,
и всего лишь одна.

Сколько жизней прошла,
только ведомо ей,
И каких повидала
шутов и царей,
Сколько видела горя,
лишений - бог весть,
Ну а счастья видала,
наверно, не счесть.

Тайна в тайне –
сокрыта о нас.
Нам бы в душу взглянуть,
только нет у нас глаз.
А что было давно,
стёрто и позабыто,
Мы как малые дети –
головою в корыто,

И ошибки из прошлого
вновь повторяем,
Бьемся в стену *башкой*,
а душу теряем.

"ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ..."

"Всё начинается с любви..."

Твердят:

"Вначале было слово".

А я провозглашаю снова:

Всё начинается с любви!

Всё начинается с любви:

и озаренье, и работа,

глаза цветов,

глаза ребёнка –

всё начинается с любви".

Р. Рождественский

Всё начинается с трёх слов

Всё начинается с трёх слов...

В любви –

и это **ОЧЕНЬ** много.

Произнеся слова: я – твой!

В ответ – твоя!

В Душе – тревога!

Всё начинается с любви,

И всё уходит – оставаясь:

Рассвет встаёт,

И Жизнь – вперёд!

Всё начинается с любви.

Всё начинается с любви.

С неё,

О чём бы – не мечтали:

Пройти все трудные пути,

Освоить неизведанные Дали!

Всё начинается с любви:

Целуешь

или вдаль зовёшь,

в ту даль,
где счастье и печали,
делить вдвоём
и пополам –
всё начинается с любви.
Душа шепнёт тебе:
"Иди!"
И, ты воспрянешь.
И начнёшься!
И сердцем,
И Душой поймёшь:
Всё начинается с любви!

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА

Явление, что небо осветило,
Волхвы назвали Вифлеемскою звездой.
Оно в умах надежду в справедливость
зронило,
но их мечты остались лишь мечтой.

И шли века. И чистота вся в грязь.
Простые люди стали как изгои:
кто низшего сословья – червь,
не "князь".
Христос же проповедовал другое.

И говорил он людям истины одни,
стараясь, чтоб его поняли.
Но прокричали громко клакеры:
распни!
И вот он результат: его распяли.

"Вершители судеб" всегда твердят иначе,

всё делают, чтоб не шуршала "голь",
народам – нищету, богатство –
кто богаче,
такой вот, братцы, в жизни карамболь.

Молись и бей челом, простолюдин,
у власти, кто снимают сейчас пенки,
хотят, чтоб знал ты слово
"господин",
имея незажившие коленки.

К чему сиих страданий вереница?
Бог выдавал всем равно своей волей,
но власть держащие, любящие
маслице,
обманом завладели чужой долей.

Всё время в масках, закрывая лица,
на честь и совесть наплевав,
они поставили людей в смрадные
колесницы,
лишив законом их законных прав.

Но жизнь, она идёт вперед,
листая век за веком,
в конце пути, всем предъявляя счёт:
скотом ты был,
иль настоящим Человеком!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Татьяна ПОПОВА-БОРИСОВА

ЛИЗУ ЖАЛЬ	4-5
ПРОВИДЕНИЕ	5-10
НАСТАСЬЯ. ЖИТИЕ БЕЗ ЛЮБВИ	11-22

Игорь БОРОДАЕВ

ДРУЗЬЯ ШОФЁРЫ	23-37
ДОРОГА НА ФОМИНСКОЕ-БИЙСК	37-39
ЛЕСОЗАВОД	39-45

Алексей ФАНДЮХИН

ПАМЯТИ ГАЯ	46-59
------------	-------

Лидия КАЛАШНИКОВА

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИСТОРИИ	60-67
НИТИ СУДЕБ. ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ	67-69
ИСТОРИЯ ВТОРАЯ	69-70
ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ	70-72
РАЗГОВОР У ВЕЧНОГО ОГНЯ	72-74
ДЕТСТВО МАКСИМА	74-78
ВЗРОСЛЕНИЕ	78-84
ПОКА ЕСТЬ, КОМУ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ - БУДЕМ ЖИТЬ	84-85

Владимир ГУЛЯЕВ

ДЕРЕВНЯ МОЯ, ДЕРЕВЕНЬКА...	86-89
В ГОСТИ К ДЯДЕ	89-93
ВСЁ НАЧАЛОСЬ С МУЗЫКИ	93-98
В ДЕРЕВНЕ	98-101
ПЕСКИ	101-107
ЛЕЧИТ ТОЛЬКО ВРЕМЯ	108

ПОЭЗИЯ

Вера ТУРЕЦКАЯ

ПЕСНЯ ДУШИ	110
ВЛЮБЛЁННОСТЬ	111
ОКНА НА ЗАПАД	112
ВЕЕННЯЯ ХАНДРА	113
МОЙ КЛОН	114
ЯБЛОНЬ ЦВЕТ	115
БЕССОННИЦА	116
ЖУРАВЛИК	117
***	118
ПОЛЁТЫ ВО СНЕ	119
Я ПОДРУЖИЛАСЬ С ТИШИНОЙ	120
ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР	121
ЕСЛИ ШУМ ГОРОДСКОЙ НАДОЕСТ	122
УТРО АВГУСТА	123
ХРИЗАНТЕМЫ	124

Сергей КОРМИН

ДОСТАНЕТ МАМА ЧУГУНОК	125-126
НЕ ПО ГЕНАМ НАДО ЧУВСТВА МЕРИТЬ	127
КАК ТРУДНО ГОВОРИТЬ: «ПРОЩАЙ»	128
ФОТО ВЫПУСКНОГО	129
ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ	130
В ТЫЛУ РОЖДАЛИСЬ ПАТРИОТЫ	131-132
НЕ ТОЛЬКО НА ВОЙНЕ КУЁТСЯ СЛАВА	132-133
ВЕТЕР	133-134
БРИГАДА	134
АЙБОЛИТА ЛЮБЯТ ВСЕ	135
СТИХИ О ЦИРКЕ. ГИМНАСТЫ	136
КУДА УХОДЯТ ГОДЫ	137
ЛОВИ СВОЙ ШАНС	138
ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ	139
ПАМЯТЬ КЛИНА НАШИХ ЖУРАВЛЕЙ	140
С ОДНОЙ СУДЬБОЙ ВСЁ ПО ПЛЕЧУ	141
КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЫ С ТОБОЮ РЯДОМ	142
У МИРА ТРИ БОЖЕСТВЕННЫХ НАЧАЛА	143
ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ МАЛЕВИЧА	144
МИР ПОЙМЁТ	145
МЫ НЕ БАНДЕРОВЦЫ	146

Алла БАЛАБИНА

*** (семья...)	147
ПЕРЕКРЁСТОК СУДЬБЫ	148
МЕЛОДИИ ОСЕНИ	148
МОЯ РОССИЯ	149
ПРАДЕДЫ	150
ПРОСТАЯ ИСТИНА	151
УРОКИ ПРОШЛОГО	152
ПОЛЕ	153
ЗИМНИЙ ДЕНЬ	154
***	155
СВЕЧА ПАМЯТИ	156
*** (златокудрая)	157
НА ДАЧЕ	158
НЕ ГРУСТИ	158
ЭКСПРЕСС СУДЬБЫ	159
ЗИМЕ НАВСТРЕЧУ	160
МЕЛОДИЯ СУДЬБЫ	161
*** (...ранняя осень)	161
ПАМЯТИ ОТЦА	162
РУСЬ	163
В ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ	164

Татьяна ПОПОВА-БОРИСОВА

*** (в ответе...)	165
НЕМОЕ СЕРДЦЕ	166
НЕПОСТИЖИМО РАЗУМОМ	166
ОСЕНЬ РАНИМАЯ	167
ПЕЧАЛЬ	167
ВЕСЕННЕЕ ИЗ ПРОШЛОГО	168
ИТОГИ	169
МАСЛИНА	169
МЕТЕЛЬ	170
ЛАКОВАЯ СКАЗКА	170
АДАМ И ЕВА	171
ПРОТОРЁННОЙ ДОРОЖКОЙ	172
С ПОНЕДЕЛЬНИКА	172
БЕССМЕРТИЕ	173
ИЗУМРУДНЫЙ ВЕК	173
СТРАННИК	174
ЧЕРЁМУХА	174
РАЗДУМЬЕ	175
ОЖИДАНИЕ	175
О МИРЕ	176

Владимир БОРОДКИН

ДЕНЬ ПОБЕДЫ	177-178
СЛЕПОЙ ДОЖДЬ	179
ЛЯ МИНОР	180
БЕРЕГА	181-182

АКРОБУСИНКИ

ЭТЮД. СЕЛО. ЗИМА. ШРОТ	183
ВОДА. НЕГА. ВЕНА. ИГРА	184
КВАС. ОБЕД. СМОГ.	185

БУСИНКИ

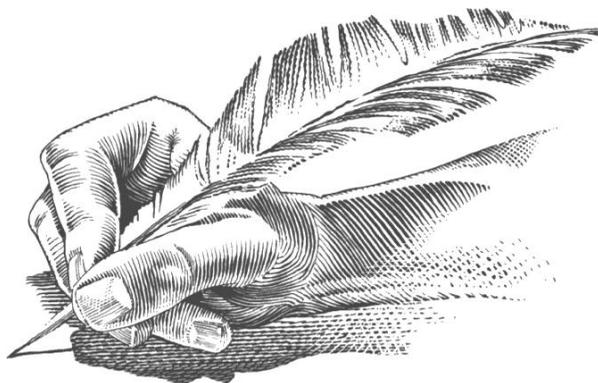
РОДИНА	185
В РИТМЕ ФРАЗ. ОТТАЯВШИЙ ВАЛЬСОК. СМЕШНАЯ КЛЯТВА	186
ЦИТАТЫ. МНОГОТОЧИЕ. АКТЁР И АРТИСТ	187
САРКАЗМ. СМЕРТЬ ПОЮТА. РЕМЕНЬ. ПОЭТ	188
ОПТИМИСТ. РАССТАВАНИЕ.	
РОЯЛЬ. ГОСТИНЧИКИ	189
ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК	190-191
СУДЬБЫ ЧАСЫ	192-194
ТОВАРИЩ	194-195
ТАЙНА БЕЛОГО ЛИСТА	196-198
СТРОКИ	198-199

Владимир ГУЛЯЕВ

АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-1	200
АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-2	201
МИР ЗЕЛЁНЫЙ	201
АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-3	202
ШАХМАТЫ НЕ В МОДЕ	202
АКРОСТИХ. АЛТАЙСКИЙ КРАЙ-4	203
ГОРОД. ВЕСНА	203
ВОЙНА. ЛЮБАНЬ (песня)	204
ВETERАНЫ (песня)	205
ПЕСНЯ ДРУЗЕЙ (песня)	206
ДУША	207
ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ	208-209
ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА	209-210
СОДЕРЖАНИЕ	211-214

Отражение 2023 выпуск 2

Поэзия и Проза
членов Российского союза писателей
Алтайского отделения

Типография Графикс г. Барнаул
Подписано в печать 03.04.2023 г. Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman12. Печать цифровая.
Составитель сборника – *Гуляев Владимир Георгиевич*
Фото обложки – Олеся Турова
Редактор – Владимир Гуляев
Корректурa – В. Турецкая
Компьютерная верстка В.Г.Гуляев
Тираж 100 экз. Формат 60х90/16
г. Барнаул

2023г.

Проза и Поэзия
членов Алтайского регионального отделения
Российского союза писателей